Герои Вселенной

Андрей Ливадный

Врата Миров

героиВселенной
Андрей
Ливадный
Врата
Миров

Андрей Ливадный
Врата Миров

Пролог

Два небольших космических корабля, одинаковые по конструкции, но управляемые существами разных цивилизаций, двигались в границах спирального рукава галактики Млечный Путь.

Очередная звездная система встретила их неприветливо. Устройство внепространственной транспортировки оказалось серьезно поврежденным, и алгиты – колонии разумных кристаллов, выполняющие функции бортовых навигационных устройств, едва успели предупредить об опасности совмещения при выходе из гиперпространства.

Пилоты отреагировали мгновенно, сказывался многолетний опыт и слетанность в паре. Корабли избежали столкновения, компенсировали неуправляемый дрейф, выполнили серию маневров, вновь сблизились, восстанавливая построение.

– С каждым переходом становится все опаснее, – вышел на связь умр. – Транспортная сеть разорвана. Врата Миров работают нестабильно. Путь ко многим звездным системам теперь утрачен навсегда.

Его напарником и давним другом был ц'ост – существо, чей истинный облик являлся загадкой для всех, кроме армахонтов. Эволюционное развитие ц'остов (или метаморфов, как их часто называли) проходило в условиях крайне агрессивной, неблагоприятной среды обитания. В результате они обрели способность к метаморфозам, научились гибко реагировать на изменчивые условия выживания, приспосабливаться к окружающему путем стремительных внутренних и внешних трансформаций.

Известно, что ц'осты могут принять вид любого существа, а при необходимости – заимствовать генетический материал других биологических форм и ассимилировать его для более успешного выживания.

За это метаморфов боялись и недолюбливали, хотя на самом деле они лишь следовали своей уникальной природе.

На экранах обзора появились обломки станции Н-болг, и оба пилота поняли: последняя надежда угасла.

Разрушению подверглось ключевое звено глобальной галактической транспортной сети.

– Наш сектор отрезан. Такова цена предательства! – гневно прорычал умр.

«Чего добились существа, восставшие против справедливого миропорядка, установленного армахонтами? Только погубили себя и подвели к краю пропасти еще с десяток молодых цивилизаций. Зачем? – думал он, глядя на обломки величайшего инженерного сооружения. – Чего им не хватало?»

– Расстанемся тут? – откликнулся ц'ост. Он понимал: продолжать поиски бессмысленно. Мятежный сектор изолирован, а это приговор для всех. Умры и ц'осты не принимали участия в заговоре против армахонтов, но их тоже ожидала незавидная участь. Предугадать дальнейший ход истории было несложно.

– Каждый из нас теперь пойдет своей дорогой? – полуутвердительно предположил умр.

– Нам придется научиться выживать в изменившемся мире, – ответил ц'ост. – Все созданное армахонтами постепенно обветшает. Грядут века регресса и изоляции. Ты прав, теперь каждый сам за себя.

Умр не нашел слов, чтобы возразить. Он устал от однообразных картин разрушения, устал от тщетных надежд. Пора возвращаться в родную звездную систему, пока еще работают некоторые маршруты разорванной транспортной сети. За месяцы скитаний они успели все обдумать, о многом поговорить, и прощание вышло коротким.

– Прощай, – произнес умр. – Пусть наши потомки никогда не встретятся на тропах войны.

– Прощай, – словно эхо, откликнулся ц'ост.

* * *

Через минуту неяркая вспышка поглотила корабль умра.

Ц'ост остался один. Его заинтересовала навигационная информация, полученная алгитами от устройства Врат Миров.

Он запустил процесс дешифровки данных.

Метаморфы оказались сейчас в крайне затруднительном положении. В далеком прошлом они покинули родную планету, по приглашению армахонтов расселились по Галактике, обслуживая сеть станций Н-болг, проживая на борту этих уникальных космических сооружений, в искусственно созданной, безопасной, контролируемой среде обитания.

«Нам не выдержать изоляции, – тяжело размышлял он. – Какое-то время сеть уцелевших Н-болгов еще продержится, но дальше наступит неизбежный коллапс. Станции обветшают, придет в упадок торговля, и мой народ пострадает первым…

Снова, после тысячелетий благополучия, мы предоставлены сами себе, окружены молодыми, агрессивными цивилизациями, которые непременно попытаются захватить уцелевшие узлы межзвездной сети, растащить те крохи величия, что еще сохранились…»

Алгиты, наконец, завершили обработку данных, и ц'ост, взглянув на результат, издал серию удивленных звуков.

В результате глобального сбоя некоторые программы защиты, установленные армахонтами, отключились!

Любому морфу известно: не все картографированные звездные системы доступны в рамках сети. Существует категория закрытых для пользователей межзвездных маршрутов. Куда они ведут и по какой причине блокированы, оставалось загадкой.

«Похоже, мне представилась уникальная возможность, – он продолжал с интересом просматривать навигационные данные. – Отсюда открывается путь в запретную ранее звездную систему! Возможно, она была зарезервирована армахонтами для собственных нужд или представляет опасность, а может быть, там есть планета, пригодная для колонизации, и это станет шансом для миллионов ц'остов! Глупо упускать такой шанс!» – подумал он, начиная расчет прыжка.

Часть 1
Путь к звездам

Глава 1

Земля. Мегаполис «Сибирь». Сентябрь 2071 года

Все началось с неожиданной поломки регенератора воздуха.

Глеб проснулся, чувствуя, что весь взмок. Он машинально взглянул на кибстек. Три часа утра. Температура в кварткапсуле – плюс тридцать два по Цельсию.

– Танюша? – негромко позвал он.

– Я уже вызвала серва, – ее голос донесся из-за тонированной перегородки душевого модуля, смонтированного в нише стены и занимающего минимум места.

Глеб встал с постели. Пара ловких, гибких манипуляторов тут же убрала одноразовое белье, отправив его через централизованную систему транспортировки в пункт утилизации, расположенный где-то в технических глубинах мегаквартала.

Широкая кровать, занимавшая половину помещения, сложилась, трансформируясь в узкий диван, сдвинулась панель пола, из ниши поднялся столик с напитками.

Душно.

Глеб подошел к окну, касанием сенсора снял затемнение, взглянул в узкий, бездонный разлом улицы.

Мегагород тонул в желтоватом тумане. На панели датчиков горел красный сигнал, предупреждающий о токсичных выбросах в атмосфере.

«Ну да, верно, сегодня день самоочистки, – вспомнил он. – Сутки отданы в распоряжение коммунальных служб, идет процесс удаления накопленных за месяц вредных веществ, на улицу выходить не рекомендуют, окна советуют держать закрытыми».

Кварткапсула – полностью автоматизированная индивидуальная ячейка современного мегаполиса, по утверждениям застройщиков, являлась вершиной синергетического мышления, образцом прогрессивного проектирования. Современные материалы, устройства и даже элементы космических технологий, использованные при строительстве и дизайне, гарантировали человеку безопасное,

комфортное проживание в трансформируемом пространстве размером три на четыре метра.

Миллионы кварткапсул образовывали мегакварталы, те, в свою очередь, сливались воедино, формируя облик города, занимающего треть площади материка.

Глеб отошел от окна.

Вид мегаполиса, утонувшего в желтоватом ядовитом смоге, вызывал у него тяжелую реакцию. Он воспринимал современные города с иного ракурса, видел в них не величие инженерной и технической мысли, а истинно урбанизированное, мертвое пространство техносферы, сначала потеснившей, а затем и поправшей природу планеты.

Он старался не высказывать вслух свои мысли и ощущения. Не поймут, скорее осудят, чем прислушаются, ведь для миллиардов людей современные города – естественная и единственно возможная среда обитания.

Психология Глеба Полынина сформировалась иначе. Он родился в колонии Марса, вдали от центров урбанизации, с детскими впечатлениями впитал особенную эмоциональную атмосферу, царящую в небольшом гарнизоне ВКС России.

Он играл с мальчишками на окраине космопорта, видел космические корабли, наблюдал за их стартами и посадками, был невольным свидетелем разговоров, часто затрагивающих тему дальнего космоса, грядущей колонизации иных звездных систем, – так, по крохам, в его сознании медленно формировалась мечта, светлая и пронзительная.

Звезды…

О них он грезил, к ним стремился, им посвятил пятнадцать лет жизни. Сначала кадетский колониальный корпус на Марсе, затем летное училище на Земле и, наконец, Академия военно-космических сил.

Осталось немного. Каких-то два-три месяца. На стапеле орбитальной верфи уже завершен монтаж колониального транспорта «Одиссей», скоро начало его ходовых испытаний…

– Не хотела тебя будить. – Татьяна вышла из душа, поцеловала Глеба в щеку. – Думала, серв сразу придет, а его все нет, – посетовала она.

– Я сам могу исправить.

– Да брось, не связывайся, – мило и снисходительно улыбнулась она. – Лучше сходи освежись, а я закажу завтрак. Все равно в такой духоте уже не уснем.

– Ладно, я быстро, – Глеб понял, что Танюша не поверила, сочла его слова некой формой мужского бахвальства. Ну, ее нельзя за это винить. Системы кварткапсул действительно сложны, для их ремонта требуются особые знания, которыми, по убеждению большинства современных городских жителей, обладают только ремонтные сервы.

Пока он принимал душ, Татьяна изменила настройку окна, превратив его в стереоэкран. Полупрозрачная голографическая панель управления постоянно находилась под рукой – кибернетическая система кварткапсулы непрерывно наблюдала за человеком, обеспечивала максимальный комфорт, услужливо предугадывала каждое движение.

Для Татьяны такой сервис являлся чем-то само собой разумеющимся, она не обращала внимания на действия автоматики, воспринимая их как должное.

Так, посмотрим, – она вызвала на экран меню из ближайшего ресторана, пробежала его взглядом, движением зрачков перелистала электронные страницы, определилась с выбором, сделала заказ.

«Сейчас позавтракаем, и что дальше?» – Она с удовольствием ускользнула бы в привычный для нее мир, но – последовал тяжелый вздох – Глеб обидится. Он еще вчера предупредил, что готовит сюрприз.

Легкая улыбка коснулась губ, но тут же угасла.

Если откровенно, то их затянувшаяся встреча в реальном мире уже начала тяготить. В первый день было прикольно, затем все быстро надоело. Вчера вечером, например, они ужинали в кафе, расположенном неподалеку, в парке под куполом. Впечатления остались, прямо сказать, тяжелые. «Куда приятнее провести время среди чистых и пронзительных красот цифрового пространства, – с нотками ностальгии подумала она, – ну, а если вдруг захочется приключений, то достаточно наугад открыть канал связи, позволить своему сознанию влиться в случайно выбранный информационный поток – неповторимые ощущения гарантированы…»

Ее мысли прервал негромкий тоновый сигнал, на экране тут же возникло дополнительное оперативное «окно», передающее

изображение с камер системы безопасности.

Ага, серв наконец явился, – Татьяна впустила ремонтный механизм, и тот, не обращая внимания на человека, сразу же приступил к своим обязанностям. Декоративная решетка, через которую в помещение поступал очищенный и кондиционированный воздух, располагалась под потолком, но серв направился в другую сторону, снял панель стены у самого пола, открыв взгляду множество непонятных, плотно скомпонованных устройств.

«Никогда бы не подумала, что очистка воздуха происходит именно там», – она некоторое время наблюдала за сервом, но быстро утратила интерес к происходящему, к тому же система пневматической доставки бодро просигналила о прибывшем заказе.

Татьяна коснулась сенсора, от ячеистого потолка кварткапсулы отделился бытовой модуль. Ловко орудуя четырьмя манипуляторами, он забрал контейнеры с горячей едой, вскрыл их и принялся сервировать стол.

* * *

Они уже позавтракали, а серв все еще возился с ремонтом – он разобрал какое-то устройство, аккуратно разложив на полу его составные части. К духоте добавились запахи пищи, обстановка в кварткапсуле незаметно наэлектризовывалась, дышать становилось все труднее, и Глеб решительно встал, дотянулся до скругленного перехода стены в ячеистый потолок, потянул три неприметных рычажных переключателя.

– Аварийная система, – объяснил он. – Поглощает углекислоту, выделяет кислород. Запаса реагентов хватит на пару часов, но нам нечего тут рассиживаться, ждут дела.

Татьяна подняла взгляд. Ее настроение резко изменилось, в изгибе губ, во взгляде читалось нежелание следовать сумасбродным идеям Глеба. Их отношения после встречи в реальном мире определенно дали трещину, усложнились, потускнели, утратили притягательность.

Она уже не раз мысленно выругала себя: зачем нарушила привычный и приятный ход событий? Спали бы сейчас каждый в своей кварткапсуле, воспринимая друг друга через сеть. Так поступает большинство нормальных людей. Чисто, опрятно, удобно, безопасно.

– Мне нужно на работу, Глеб, – решительно произнесла она.

На самом деле оба знали – сегодня у нее выходной.

– Танюша, у меня были планы.

– Извини. Нет желания никуда идти, тем более в реале, – она ответила резко, но честно. – Глеб, зачем ты придумал эти дурацкие экскурсии? Разве мы не можем встречаться как нормальные люди?

– В цифровом пространстве? – уточнил он.

– Да! Ты же видел: вчера мне стало плохо в парке! – Татьяну передернуло. – Эти ужасные желтые листья! Деревья голые, всякая мерзость под ногами!

– Осень на дворе, – сдержанно ответил он. – В кафе готовят настоящую, не синтетическую пищу, отсюда и запахи. А мерзость – это насекомые, их, между прочим, специально клонировали, чтобы создать экосистему парка.

– Глеб, я знаю одно: мне там было омерзительно! – резко заявила она, но вдруг осеклась, виновато взглянула на него, тихо добавила: – Извини. Мне правда не по себе! Давай на сегодня все отменим? У тебя «Вирком» какой модели? – Она инстинктивно ухватилась за возможность ускользнуть в сетевое пространство, как за спасительную соломинку. – Глеб, мне действительно нужно появиться на работе!

– «Вирком»? – он нахмурился, а затем неожиданно признался: – Понятия не имею.

– Шутишь?! – не поверила она.

– Танюша, я всего неделю как переехал сюда, – ответил Глеб. – «Вирком» не включал, не было необходимости. Хочешь – взгляни сама. А вообще, если честно – я не живу в виртуалке. Появляюсь в Сети только по необходимости.

Она не поверила, нахмурилась. «Как это «не живу в Сети»? Он что, больной или неполноценный?! – промелькнула мысль. – Нет, Глеб

просто разыгрывает меня! Ну, конечно! Хотя шутка довольно странная, неуклюжая».

– Позволь спросить: как же мы в таком случае познакомились? – она лукаво и недоверчиво улыбнулась. Действительно, если подумать – смешно! Кто же в наше время способен жить, обходясь без модуля виртуальной реальности? Чем заняться? Сидеть в кварткапсуле? Сойдешь с ума. Да и как без работы? В «реале» трудятся только сервы, а все нормальные люди… – Ну, признайся, ты ведь пошутил?!

– Никаких шуток. А познакомились мы случайно. Я проходил обязательный курс практических занятий. «Виртуальная среда обитания как срез человеческой психологии, измененной глобальными процессами урбанизации», – по памяти процитировал он.

Татьяна совершенно растерялась. Обычно они не разговаривали на подобные темы. Так не принято поступать при знакомстве в виртуалке. Расспрашивать, кто ты, чем занимаешься, где живешь, считается не просто дурным тоном – оскорблением. Сеть тем и хороша, что не нужно притираться друг к другу, усложнять отношения. Ну, на самом деле, какая разница, кто есть кто?

– Прости? – Она даже не пыталась скрыть свое замешательство. – Хочешь сказать, что раньше, до нашего знакомства, ты вообще не жил в виртуалке? А чем же ты занимался?!

Ее невольный испуг был понятен Глебу. В мире, где мегаполисы постепенно сливаются друг с другом, поглощая целые материки, вне цифровых просторов Всемирной сети, отлученные от нее, живут только изгои и преступники.

«Нужно было сразу все рассказать, еще на первом свидании!» – с досадой подумал он, а вслух пояснил:

– Я учился в Академии военно-космических сил. Большую часть времени нас тренировали в самой обычной реальности. От рассвета до заката, а иногда и ночи напролет, – он тепло улыбнулся, но его слова только осложнили ситуацию.

– Не могу поверить!.. – Татьяна и без того чувствовала себя крайне неловко, дискомфортно, а тут с внезапной дрожью подумала: а ведь рядом сидит абсолютно незнакомый, мгновенно отдалившийся человек,

чужой, непонятный! Ну, зачем? Зачем он так?! Лучше бы промолчал или соврал!

От былой непринужденности не осталось и следа. Произойди все в цифровом пространстве, она бы просто исчезла, чтобы остаться наедине с собой, как-то осмыслить шокирующую новость, но, увы, их встречи, перешагнувшие за грань, превратили ее в пленницу мира осязаемого, где просто так не растворишься в воздухе!

– Таня, – он сел рядом, взял ее за руку. – Поверь, ничего не изменилось. Я тот же, что и раньше. Просто моя жизнь с детства складывалась иначе. Отец был военным, служил в Российском секторе освоения Марса. Там нет «Виркома», я учился в обычной школе и только потом, уже в летном училище, на Земле, достаточно много странствовал по Сети, но мне, если честно, не понравилось там *жить*.

– И ты молчал?

– А ты ни о чем и не спрашивала.

На минуту в их разговоре наступила пауза.

Серв продолжал ремонт. Сквозь дымчатый пластик облицовки стен медленно проступали, постепенно разгораясь, оранжевые искры индикаторов, – запас реагентов в аварийной системе жизнеобеспечения расходовался быстрее, чем обычно, ведь в кварткапсуле находились *два* человека.

«Нас незаметно разделили, расселили по разным «сотам» и в проект кварткапсул не удосужились заложить саму возможность нормального внесетевого общения!» – невольно подумал Глеб.

– Глеб, – Таня первой нарушила тишину, – я все же взгляну на твой модуль виртуальности, ладно? – Она инстинктивно пыталась ускользнуть в сеть, хотя бы ненадолго.

– Конечно, взгляни, но вообще-то у меня есть другое предложение, – он мягко удержал ее за руку. – Танюша, нам нужно серьезно поговорить. Ответь честно, ты хоть раз покидала мегаквартал?

– Зачем?! – она не поняла вопроса. – Я тут родилась, выросла!

– И никогда не путешествовала?

– Конечно, путешествовала! – она натянуто рассмеялась. – В виртуалке. Глеб, хватит уже надо мной прикалываться! И экстрима с

меня достаточно!

Обратить все в шутку не удалось. Он словно не услышал ее, продолжал упрямо допытываться:

– А в реальности? Разве тебе вообще неинтересен настоящий мир, в котором ты живешь?

– Глеб, ты меня пугаешь!

– Танюша, сегодня моя очередь планировать день. Мы ведь договорились, помнишь?

Неприятный холодок появился в ее груди. За три дня, проведенных с ним, Татьяна смертельно устала от мелочей и неудобств, которых просто не существует в цифровом пространстве. Вот только Глеб, похоже, этого не понимает!

На самом деле девушка ошибалась. Он прекрасно видел выражение ее лица, слышал нотки неприязни в голосе. Танюша – типичная горожанка, каких миллиарды, но сердцу ведь не прикажешь.

Глеб серьезно относился к возникшему между ними чувству. Сначала думал: пройдет, как все мимолетное, эфемерное, ни к чему не обязывающее, но ее образ прижился в душе. Обязательные занятия с полным погружением в виртуальную реальность остались позади, а он, тогда еще курсант Академии ВКС, продолжил выходы в сеть, но уже в свободные часы, – так они встречались еще несколько месяцев.

Неделю назад он сдал последний выпускной экзамен, получил звание лейтенанта и покинул академию, переехав в кварткапсулу.

Глеб хотел нормальной (с его точки зрения) человеческой любви. Он предложил встречу в реале, и Танюша неожиданно согласилась.

Однако по прошествии всего нескольких дней их отношения вплотную подошли к кризисной черте.

* * *

Таня не понимала, что с ней происходит. Она подняла взгляд и вдруг с замиранием сердца подумала: «А ведь я боюсь его потерять!»

Глеб улыбался. Тепло, неподдельно. Он словно раздвоился, с одной стороны, вроде бы прежний, близкий, понятный и в то же время – незнакомый, чужой!

Ее мысли путались. Сердце билось неровно.

– Глеб, мне нужно… побыть одной!

– Хорошо, – он не стал упрямиться. – Хочешь, я отвезу тебя домой?

– Ничего не выйдет, – она вздохнула. – Сегодня технический день, по сферовизору объявляли! Идет очистка города. Ни один автопилот не включится.

– Не проблема, Танюша. Я сам поведу.

– Да ладно?! Ты водишь машину?! Сам?!

– Да, вожу машину, умею чинить системы жизнеобеспечения, разбираюсь в сервах.

Она порывисто встала.

– Глеб, получается… что я совсем тебя не знаю?!

– Это я и хочу исправить, – ответил он.

Она растерянно кивнула, но, не в силах продолжать разговор и не находя иного варианта, все же коснулась пиктограммы на голографическом пульте.

Из ниши в полу поднялся комплекс «Вирком», предназначенный для комфортного пребывания человека в виртуальной реальности.

– Извини. Я подумаю. Мне это необходимо…

Она села в кресло, позволила отработать автоматике: взвизгнули приводы, десятки тонких гибких манипуляторов, оканчивающихся датчиками, прильнули к телу, от изголовья выдвинулись сегменты устройства чтения микросигнатур головного мозга, затем дымчатый пластик защитной капсулы сомкнул пять лепестков, и сознание девушки ускользнуло в цифровое пространство.

Глеб лишь сокрушенно покачал головой.

«Как легко изменить человеческое мышление, если с детства прививать определенные стереотипы, – подумал он. – Осознает ли Таня, что ее уход – всего лишь иллюзия?»

Его огорчала возникшая между ними отчужденность, но он искренне надеялся растопить этот хрупкий, еще не окрепший лед.

Произошло столкновение двух диаметрально противоположных мировоззрений: Глеб прекрасно понимал Танюшу, а вот она его – нет.

«Ничего», – думал он, наивно полагая, что первая любовь, даже если она зародилась в виртуальном пространстве, способна выдержать любое испытание.

* * *

Она «вернулась» примерно через час. Серв к этому времени успел завершить ремонт системы регенерации воздуха, и в кварткапсуле восстановился нормальный микроклимат.

Комплекс «Вирком» с тихим шелестом исчез в открывшейся нише, а Татьяна, взглянув на Глеба, спросила:

– Что ты планировал на сегодня?

Он улыбнулся в ответ.

– Хотел сделать тебе сюрприз. Поехали, узнаешь!

Было семь часов утра, когда они вышли из гравитационного лифта на уровне подземного парковочного комплекса.

Татьяну не покидало ощущение, что она совершает безумие. Снова вернулся страх. Надо было сослаться на любую, пусть даже надуманную причину, вызвать аэротакси и упорхнуть от проблем, но она не смогла пересилить любопытство, согласилась на предложение Глеба, даже не представляя, какие потрясения ей предстоит пережить.

Двери мощного и комфортабельного «Аирега» автоматически открылись, сдвинулись вбок и вверх, как только кибернетическая система распознала приближение Полынина.

Водородный двигатель заработал почти бесшумно.

– Глеб, – Таня с опаской и восхищением окинула взглядом мощный флайкар. – Я еще никогда не ездила без автопилота!

– Не бойся. Я хорошо вожу машину, – сдержанно ответил он.

– Может, все-таки объяснишь, куда мы поедем? – Таня устроилась на пассажирском сиденье. – И зачем?

– Хочу познакомить тебя с моей жизнью, – спокойно ответил он. – Настоящей жизнью, не выдуманной. Без аватаров, виртуальных тусовок, ощущений, которые синтезированы и переданы по Сети.

– Реальная жизнь способна свести с ума, – Татьяна пристегнулась. – Я сегодня это уже почувствовала!

– Да, согласен. Но настоящие ощущения бывают разными.

«Аирег» плавно тронулся с места, выехал с парковки, мягко вписался в поворот, затем влился в транспортный поток на развилке скоростных магистралей. Несмотря на «технический день», машин на дороге хватало, движение было достаточно плотным. Серые очертания кварталов мегаполиса «Сибирь» терялись в желтоватой дымке, дорога то ныряла в тоннели, то вливалась в разломы улиц, то вдруг выводила на простор лепестковых развязок, открывая взгляду удивительные панорамы мегагорода.

Архитектура эпохи глобальной урбанизации подавляла сознание.

Каскады жилых комплексов, массивные в основании, устремлялись ввысь, постепенно разделялись, приобретая изящество, тонкие нити многократно переплетающихся дорог, свитые в кружево транспортных развязок, соединяли здания, захлестывали их петлями и вновь разбегались, будто паутина. Мегакварталы издали напоминали выветренные горные хребты, город, вздымающийся выше облаков, захвативший территорию четверти континента, воцарившийся на месте исчезнувшей тайги, оставлял ощущение мрачной монументальности.

«Торжество ли он созданных человеком технологий или памятник эпохе глобальной урбанизации, который вскоре опустеет?» – часто спрашивал себя Глеб.

Сложно ответить однозначно. Новая среда обитания изменила психологию целых поколений, для них мегаполис – самое надежное, уютное, комфортное место на Земле.

Он молча вел машину, замечая, как Танюша смотрит по сторонам, и в ее глазах восторг сменяется оттенками подавленности, даже отчаянья.

«Ничего.

Сегодня мы снимем все вопросы, уберем недомолвки, посмотрим в глаза друг другу и поймем, сойдутся ли вместе наши пути».

– Глеб, куда мы едем?

– В космопорт.

– Зачем?! – она не на шутку испугалась.

– Хочу показать тебе Землю из космоса.

– Я видела, и не раз!

Он промолчал. Не было смысла спорить, в чем-то разубеждать ее.

Окраинные мегакварталы остались позади, их очертания стерла желтоватая дымка смога, дорога, ровная как стрела, теперь шла с небольшим уклоном, мимо мелькали приземистые, всего в десять-пятнадцать этажей строения пригорода.

«Аирег» набрал скорость, вырвался на простор и уверенно нес их прочь от города.

– Глеб, давай вернемся! – Тревога девушки стала просто нестерпимой.

– Почему? – он взглянул на нее, ободряюще улыбнулся.

– Смотри на дорогу! – взвизгнула она.

– Танюша, все нормально, – Глеб все же сбавил скорость, а затем свернул на ближайший паркинг. – Чего ты испугалась?

– Не знаю! Мне... Мне страшно!..

Она коснулась сенсора стеклоподъемника, вдохнула влажный и холодный утренний воздух. Вдали от мегаполиса появились незнакомые запахи, и это тоже пугало. Душа и разум находились в полнейшем смятении.

Глеб молчал, проявляя терпение, давая ей время. Для городского жителя, впервые покинувшего мегаквартал, Таня вела себя на удивление стойко. Он понимал, она переживает тяжелый психологический удар, но это неизбежно.

– Ты вообще-то молодчина. На самом деле не произошло ничего страшного. Мы просто выехали за город.

Она поежилась, не то от холодного влажного ветерка, врывающегося в салон через приоткрытое боковое окно, не то от нервного напряжения, не отпускающего ни на секунду.

– Глеб, а ты не думал, что меня и так все устраивало? – Ее дыхание стало частым, неровным, пальцы впились в ремни безопасности.

– Конечно, ведь тебе не с чем было сравнивать! Виртуалка, кварткапсула, фантомные чувства, фантомная жизнь – все это как минимум однобоко! Так не должно быть, Танюша!

– Глеб, меня устраивает кварткапсула, устраивает все! Жизнь, работа, друзья, даже встречи с тобой, те, самые первые!

– Ощущения и чувства, переданные через Сеть? Свидания в цифровой среде? Симуляция жизни?

– Это наши чувства, наши ощущения, только переданные иным способом! – резко возразила она.

– Таня, это подмена. Эрзац-жизнь. Искусственно созданная среда, которая, по сути, – ловушка для миллиардов сознаний!

– Я не понимаю тебя! – она отвернулась, глядя на котлованы, окруженные серо-коричневыми отвалами почвы. Огромные машины закладывали фундаменты для очередного экспансивного расширения мегаполиса.

– Мы стали обитателями техносферы, – Глеб пытался доказать свою позицию. – Звучит неплохо, правда? Но на самом деле мы перешагнули черту, превратились в ее заложников! Сегодня утром сломался регенератор воздуха, и что бы ты делала, не явись по вызову ремонтный серв?

Она задумалась.

– Ушла бы на работу.

– Вот видишь, – он взял ее за руку. – Ты даже не замечаешь подмены понятий. Ты никуда бы не ушла, а закрылась бы в коконе защитной капсулы «Виркома»! А если вдруг рухнет Сеть, иссякнет энергия, отключатся механизмы, поддерживающие город в исправном состоянии?!

– Зачем ты меня постоянно пугаешь?!

– Нет, Танюша, это простой вопрос. Каждый здравомыслящий человек однажды должен задать его себе!

– Чтобы жить в постоянном страхе?! – она нервно усмехнулась, тень неприятия, даже отвращения коснулась ее лица. – Глеб, ты ненормальный! Не надо было мне соглашаться, когда ты предложил встретиться в реале!

– Жалеешь?

– Нет… Иногда… Не знаю! – она закрыла лицо ладонями.

– Хочешь повернуть назад?

Она молчала.

– Танюша, Земля перенаселена, – Глеб хотел пробиться через ее страх, не понимая, что делает только хуже. – В академии нас учили видеть мир таким, каков он есть, но не принимать его бездумно, а анализировать, разбираться в сути происходящих явлений. Поверь, техносфера не настолько надежна, как внушает реклама. Психология ныне живущего поколения искажена с самого детства. Автоматизированное пространство размером чуть больше купе кажется нам уютным. Ядовитый воздух за окном – ничего страшного. Мы бежим в виртуальную реальность и там по-настоящему живем, любим, ненавидим, создаем социальные связи, но собственных соседей не знаем ни по именам, ни в лицо! Нас ждет медленное, неизбежное вымирание. Природа уже практически уничтожена, вокруг – царство машин. Демографическая политика нацелена на сокращение рождаемости, и виртуалка как среда обитания этому прямо способствует!

– Это *мой* мир, – тихо, но упрямо произнесла Таня. – Зачем ты хочешь его сломать?!

– Ты мне небезразлична. Я хочу показать тебе иную реальность, иные возможности. А ты сама примешь решение, нужно тебе что-то менять или нет. Согласна?

Она глубоко задумалась, затем тяжело вздохнула:

– Хорошо, поехали…

Глеб видел ее подавленное состояние, понимал его неизбежность. Он лишь приоткрыл дверцу клетки, в которой выросла Таня, а все остальное теперь зависело от нее.

Через минуту «Аирег» вновь вырулил на трассу и устремился к космопорту.

* * *

Врата Миров запретной системы, в недавнем прошлом тщательно оберегаемой армахонтами от каких-либо посещений, располагались на изрядном удалении от обыкновенного, ничем не примечательного желтого солнца. Вокруг царили мрак и холод, в пространстве перемещались ядра комет – космический мусор, оставшийся после формирования планет из газопылевого облака, окружавшего звезду миллиарды лет назад.

Ц'ост приступил к сканированию. Чуткие приборы космического корабля определили наличие цивилизации, находящейся на ранней стадии научно-технического прогресса, об этом свидетельствовали затухающие сигналы космической связи, искаженные фрагменты передач в различных диапазонах волн.

Загадочные существа уже приступили к освоению космического пространства родной системы, даже колонизировали некоторые планеты и спутники!

Обычно именно на этом этапе армахонты вступали в контакт с развивающейся цивилизацией, предлагая выбор: принять общегалактические законы, стать частью межзвездного сообщества или отвергнуть это предложение, оставаясь в границах своей звездной системы.

Логика выбора была проста. Принимая галактические законы, молодая цивилизация получала доступ к глобальной внепространственной сети и по мере роста населения могла подать заявку на колонизацию иных миров, получить право на освоение подходящих планет, зачастую расположенных на удалении в десятки тысяч световых лет от их метрополии.

В обмен на интеграцию существа, вступающие в Содружество, отказывались от собственных экспансивных программ, брали на себя обязательство следовать единым законам Обитаемой Галактики, жить в мире с другими цивилизациями.

Такая схема успешно работала. Никто не пытался подавить технический прогресс молодых цивилизаций, жесткие запреты и ограничения действовали лишь в сфере разработки вооружений и некоторых потенциально опасных технологий, связанных с созданием

искусственных интеллектов, киборгизацией, а также экспериментов с пространством и временем.

Молодые цивилизации не теряли самоидентичности, их история, культура считались неприкосновенными, никто не смел вмешиваться во внутренние дела молодых рас, если те прямо не нарушали договор с армахонтами.

Ц’ост знал немало примеров, когда ситуация складывалась точно наоборот. Некоторые разумные существа, самостоятельно вышедшие в космос, наотрез отказывались от интеграции.

Армахонты никогда не действовали силовыми методами. Они владели уникальной технологией, на создание которой у них ушли тысячи, а быть может, и миллионы лет, – никто не знал истинного возраста древнейшей расы обитаемого космоса. Если молодая цивилизация отказывалась присоединиться к галактическому сообществу, ее просто оставляли в покое. Еще никому в рамках обозримой истории не удалось повторить открытие армахонтов, постичь физику иного измерения, спроектировать устройства, способные пробить метрику пространственно-временного континуума.

Таким образом, все решалось просто: Врата Миров, заранее установленные в системе, где развивалась молодая цивилизация, консервировались. Существа, отказавшиеся вступить в общегалактический союз, могли следовать собственному пути развития. Путешествия к другим звездам на досветовых скоростях не давали шанса основать успешные колонии. Планеты, пригодные для жизни, в Галактике встречались редко, и только внепространственная сеть армахонтов предоставляла возможность динамичного развития.

К «неприсоединившимся» относились спокойно. Их системы не посещали корабли других цивилизаций, и только спустя века следовало повторное предложение.

Мудрость древнейшей космической расы несла порядок и процветание.

Мысли ц’оста, окрашенные печалью, нарушил сигнал датчиков слежения. Приборы обнаружили искусственно созданный объект. Им оказался примитивный космический аппарат. Вероятно, он стартовал

еще на заре космической эры и вот теперь достиг границ звездной системы, чтобы следовать дальше, в бездонный мрак, неся на борту сведения о разумных существах, заявляющих о себе таким достаточно примитивным способом.

Он отдал команду детально сканировать объект, а сам переключил внимание на устройство пробоя метрики.

Врата Миров находились в исправном состоянии. Никаких признаков консервации, хотя система явно запретная.

«Да что уж теперь? По самым грубым подсчетам, армахонтам потребуется тысячелетие, чтобы восстановить разрушенный участок Сети. Наш сектор изолирован, – вновь подумал он, – и мне нужно беспокоиться о проблемах насущных».

Большинство технологий, разработанных армахонтами, бесполезны в чужих руках. Техносфера великой цивилизации всегда делилась на две составляющие. Одни устройства предназначались для общего пользования, другие, наиболее важные и продвинутые, подчинялись только своим исконным хозяевам и создателям. В любой из обитаемых систем можно найти станции и космические корабли, управлять которыми способны лишь армахонты. И причина не только в уровне подготовки существ иных цивилизаций. Взять, к примеру, станции Н-болг. Метаморфы знают их досконально, но ни у одного из них нет доступа к первичным системам управления. Они способны эксплуатировать узлы внепространственной Сети лишь в узких рамках делегированных полномочий. Если требуется создать новый маршрут, переместить станцию в иную звездную систему, заблокировать определенные каналы, перенаправить энергию, установить и активировать дополнительные модули, – тут без армахонта не обойтись. Только существо, обладающее уникальным для вселенной геномом, способно одним прикосновением вершить великие дела…

Пытались ли метаморфы использовать свою способность к ассимиляции генов, чтобы получить не сравнимое ни с чем могущество?

Да, несомненно, хотя такие операции проводились тайно.

Ничего не вышло.

Он просмотрел данные, полученные со сканеров, и внезапно тень искажений пробежала по облику ц’оста.

В состоянии крайнего смятения, удивления или испуга метаморфы иногда теряют осознанный контроль над своим телом, на волю вырываются древние инстинкты, плоть мгновенно трансформируется, сливаясь с окружающим фоном в машинальной защитной реакции.

Через некоторое время он немного успокоился, стабилизировал облик, вновь взглянул на данные сканирования.

Невероятно!..

Непроизвольные искажения мгновенно вернулись. Метаморф впервые столкнулся с ситуацией, когда разум отказывался верить увиденному!

Внутри примитивного космического аппарата была заключена золотая пластина с изображением двух разнополых существ.

Ц’ост был в шоке.

Армахонты?!

Радостное, лихорадочное чувство охватило его: «Неужели в наш сектор вернется былой миропорядок?!»

Он тут же осекся в мыслях, задав себе простой, логичный вопрос: зачем армахонтам создавать столь примитивное устройство, да еще отправлять его в глубокий космос?

Наверное, существа, населяющие эту звездную систему, уже контактировали с армахонтами, возможно, те посещали их в далеком прошлом при установке Врат Миров, и первобытные создания, находившиеся в ту пору на ранних стадиях развития, запомнили их облик, возможно, приняли за богов, и вот теперь, приступая к освоению космического пространства, они отправили это послание, адресованное в никуда, как некий символ, знак, говорящий: мы помним вас, вы живы в наших легендах.

Это обязательно нужно проверить!

* * *

Ц'ост не привык к долгим путешествиям на досветовых скоростях, его корабль не был приспособлен для столь длительного поддержания жизни пилота. Обычно устройства пробоя метрики располагались у обитаемых планет, рядом с ними неизменно находились станции Н-болг, где путешественник мог передохнуть, пополнить запасы.

Оценив ресурс своего корабля, метаморф, используя уникальные возможности организма, впал в состояние, схожее с гибернацией.

Так его далекие предки переживали пики неблагоприятных условий окружающей среды в ту пору, когда еще шли путем эволюционного развития на своей родной планете.

Он на некоторое время «выключился» из восприятия, но системы корабля продолжили сбор информации. Колония алгитов поддерживала курс, датчики различного профиля сканировали пространство, по крохам выявляя признаки деятельности разумных существ.

Он очнулся, когда корабль пересек орбиту четвертой планеты.

Просмотрев собранные данные, метаморф вновь испытал шок. Его изначальные предположения не имели ничего общего с истиной! Он даже представить не мог, какую тайну хранил запретный маршрут!

Существа, именуемые хомо, обладали просто невероятным сходством с армахонтами, но находились на столь низкой ступени развития, что идентифицировать их как «высших существ» было бы неверно!

«Быть может, я случайно нашел одну из древнейших колоний армахонтов?!» – подумал ц'ост, продолжая изучать поступающие данные. Иное предположение просто не приходило в голову.

«Они деградировали в силу неизвестных мне причин и вновь прошли долгий путь развития?!

Но почему система отнесена к категории запретных?

Разве наличие Врат Миров не подтверждает, что армахонты знали об этой цивилизации, наблюдали за ней?!

А что, если хомо – генетический эксперимент армахонтов?!» – промелькнула догадка.

Ц'ост прекрасно понимал: такой шанс выпадает лишь однажды. Теперь, когда былой миропорядок рухнул, никто не осудит его за

попытку ассимилировать гены этих существ, произвести запрещенные ранее исследования!

«Я должен действовать осторожно. Эти существа примитивны, и неизвестно, как отнесутся они ко мне».

Выбирая меньшее из зол, он решил следовать своей природе. «Не время сейчас думать о гуманности. Слишком многое зависит от качества отбора генетического материала! Мне придется стать одним из них, это необходимо в целях получения исчерпывающей информации!»

Он передал алгитам инструкции, включил системы маскировки и начал сближение с одной из космических станций хомо, которая обращалась по орбите вокруг третьей планеты.

* * *

– Ну вот, видишь? Ничего страшного, – Глеб протянул Тане руку, помог расстегнуть страховочные ремни, встать из противоперегрузочного кресла.

У нее гудело в ушах, внутри стыл ледяной ком, все тело казалось ватным, чужим, и одновременно – ныла каждая мышца. Перегрузки, сменившиеся на короткое время состоянием невесомости, превратили полет в кошмар, – пока экскурсионный корабль выходил на околоземную орбиту, маневрировал, осуществлял стыковку со станцией, Тане казалось, что она просто не выдержит, погибнет, но что самое ужасное – она не могла прервать это, привычно и непринужденно ускользнуть от неприятных ощущений!

Бледная, осунувшаяся, подавленная, она с трудом встала, чувствуя, что уже яростно ненавидит эту нелепую, убогую реальность!

В пространствах «Виркома» все иначе. Легко, свободно, ненавязчиво. Нет, ну надо быть полной дурой, чтобы согласиться на эту чертову реальность! И ради чего?!

– Взгляни. – Глеб подвел ее к огромному панорамному окну, откуда открывался вид на космическую верфь, плывущую по орбите вокруг Земли.

На освещенной части планеты сквозь белесую вуаль облаков виднелась синь океанов, угадывались коричневато-серые участки суши, а там, где сейчас властвовала ночь, мириады огней очерчивали контуры мегаполисов. Словно исполинские существа, сотканные из света, они притаились во тьме, полыхая прозрачными аурами, протягивали навстречу друг другу мерцающие огненные сплетения дорог, как будто стремились лишь к одной цели – слиться воедино.

– Я сто раз это видела! – она с отвращением отвернулась. – Обычный экран с видом на Землю!

– Не экран. Это настоящее панорамное окно, созданное из слоев наноматериала.

Татьяна подняла взгляд, скользнула им по очертаниям орбитальной верфи, и в ее сознании вдруг что-то переключилось: яркие немигающие россыпи звезд, глубокая тьма, тонкие контуры рукотворных конструкций, плывущие на фоне абсолютного мрака, – все это мгновенно слилось в остром восприятии *реальности* – она стояла подле тонкой, совершенно ненадежной преграды, отделяющей ее от Бездны…

У нее резко закружилась голова. Острые, никогда не испытанные ранее чувства обрушились, оглушили, ледяной ужас захлестнул сознание, резко закружилась голова, к горлу подступил ком.

– Глеб, зачем все это?! Я не могу! Мне плохо!

– Танюша, успокойся. Ты в полной безопасности, поверь!

– Я так не думаю… Мне здесь совершенно не нравится! – Она старательно отводила взгляд, не в силах еще раз посмотреть в глаза бесконечности. Острые колючие искорки звезд теперь казались ей враждебными, даже взгляд, украдкой брошенный на Землю, уже не успокаивал. Ее лицо побледнело, она ничего не могла с собой сделать, лишь чувствовала все усиливающую дурноту да растущее состояние паники, страха, ужаса.

– Где здесь туалет? – сдавленно спросила она.

– Пойдем, я покажу.

Глеб провел ее по узкому коридору, указал на овальную дверь.

«Похоже, наша экскурсия завершилась», – сокрушенно подумал он.

В этот миг от переборки вдруг отделилась странная тень, похожая на сгусток уплотненного воздуха.

«Это еще что такое? – взгляд Глеба скользнул по облицовке, но не нашел ничего, способного сформировать облако газа. – Какой-то сбой систем?! – Он замер, подметив, как эфемерное образование вдруг приняло контуры человеческой фигуры и словно просочилось сквозь стену! – Нервы пошаливают? С чего бы?»

На всякий случай он соединился с системой станции, через кибстек передал информацию о странном явлении, но ответ, немедленный и категоричный, унял тревожное чувство.

Датчики, расположенные в коридоре, не зафиксировали никаких аномалий.

«Померещилось, наверное», – подумал Глеб.

* * *

Оставшись одна, Татьяна с трудом уняла бешеное биение сердца.

«Что со мной происходит?» Как будто оттуда, из бездонного мрака, кто-то холодно и пристально взглянул ей в глаза, а затем стиснул горло, и теперь желудок выворачивало, предметы двоились, душа сжалась в комок, чувство глобального, тоскливого одиночества, острое осознание своей ничтожности перед бездной космического пространства уже не отпускали ни на миг.

Она умылась, взглянула на себя в зеркало.

Бледная, как-то вмиг осунувшаяся, она стояла, опираясь руками о раковину, пытаясь подавить спазмы желудка, но не вышло.

Господи, какой уютной, родной казалась сейчас тесная кварткапсула!

Она не понимала, что же хотел показать ей Глеб?! «Неужели он думал, что мне понравится происходящее?!

Нет, нам нужно вернуться. Я уговорю его!»

Татьяна вздрогнула, замерла. Ей вдруг показалось, что кто-то подошел сзади, мягко обнял, – потливым жаром вдруг обдало все тело, на миг она

почувствовала парализующую боль, но через пару секунд ощущения схлынули, осталось только неистовое желание: бежать отсюда!

– Глеб?! – Она обернулась, но за спиной никого не было.

Нетвердой походкой, придерживаясь рукой за переборку, она сделала несколько шагов, открыла дверь, вновь позвала:

– Глеб…

Он мгновенно оказался рядом, бережно поддержал ее.

– Я не хочу здесь оставаться! – она балансировала на грани истерики. – Ни минуты! Мне плохо и страшно!

– Хорошо. Потерпи. – Полынин взглянул на кибстек. – Челночный корабль отчаливает через пятнадцать минут. Он у седьмого шлюза. Успокойся, мы возвращаемся.

* * *

Земля. Мегаполис «Сибирь». Сутки спустя

Таня проснулась среди ночи.

Она почти ничего не помнила. В сознании остались лишь обрывочные воспоминания о шокирующей экскурсии на орбитальную станцию.

«Я снова в кварткапсуле у Глеба?! Поверить не могу!..» – она закрыла лицо ладонями, но мысли, ощущения смешивались, будто в ее рассудке поселился кто-то еще, совершенно не испуганный, наоборот, взирающий на мир со здоровым любопытством.

«Я схожу с ума!»

Она откинула одеяло, встала, с безотчетным ужасом взглянула в сторону окна, вскользь подумала: какой примитивный экран.

Чужие, непонятные, не присущие ей мысли и ощущения возникали внезапно и тут же исчезали, оставляя тающий след боли.

Она повернулась, с неприязнью посмотрела на Глеба. Он спал.

Она не знала, что делать, совершенно растерялась. «Сейчас он проснется и снова будет мучить меня своими пространными пояснениями, будто не понимает – я не хочу ничего слышать!»

Таня зябко поежилась. В пространстве три на четыре метра не спрячешься друг от друга. Даже всплакнуть негде. Система, неотрывно следящая за ней, мгновенно отреагировала потоком теплого воздуха, тупая автоматика не понимала, что ее трясет не от холода!

Она зачем-то подошла к окну, коснулась сенсора, включая режим прозрачности.

Город истекал светом. Днем он обычно выглядит серым, невзрачным, ночью же расцветает мириадами огней, которые текут, завораживают, роятся меж плавными изгибами мегакварталов.

На глаза навернулись слезы.

«Это не мои мысли! Чему я удивляюсь, чем любуюсь?! Господи, да я, наверное, и вправду сошла с ума?!»

Слезы непроизвольно текли по щекам.

– Танюша? – Глеб проснулся.

Она ничего не ответила.

– Давай поговорим, – он подошел, обнял ее за плечи.

– О чем? – Она вновь зябко поежилась, словно его ладони источали холод.

– О нас.

– Глеб, у нас разные жизни, – тихо ответила она. – Чего ты хочешь? Зачем мучаешь? Отпусти, прошу!

– Разве я удерживаю тебя?

Ее мысли внезапно поменяли направление.

Она села, бессильно опустила руки. Хотелось бежать, но… нельзя! Нужно узнать больше!

– Глеб, что случилось на станции? Почему я снова тут, у тебя? – глухим, ровным, неживым голосом спросила она.

– Тебе стало плохо. Разве не помнишь?

– Нет, – она покачала головой.

– И нашего разговора не помнишь?

– Нет.

– Ладно, – он взял ее за руку. – Ты сама попросилась остаться у меня.

– Неужели? – В ее голосе вновь прорвались истеричные нотки. – И зачем?

– По дороге из космопорта я получил сообщение, – Глеб списал ее состояние на шок. «Сам виноват. Ну, ничего, все будет нормально. Она придет в себя, и мы спокойно обо всем поговорим».

– Что за сообщение? – Губы Тани дрогнули. Она задала вопрос машинально, ответа ей знать совершенно не хотелось, но непонятная сила вновь на миг овладела сознанием. «Я не выдержу…» – эта тоскливая мысль, несомненно, принадлежала ей.

– Я получил назначение. Зачислен в штатный экипаж колониального транспорта «Одиссей». Разве ты не помнишь?

– Нет. И что это меняет? – Ее охватила злость. Мгновенные перемены настроения происходили помимо воли. – Ты теперь исчезнешь из моей жизни?

– Ну, зачем ты так?! – обиделся Глеб. – Танюша, это же моя мечта!

– Вот видишь, а я выпадаю из твоей мечты, из твоего смысла жизни! – она отвернулась, закрыла лицо руками. Ей хотелось бежать, плакать навзрыд.

Кибернетическая система тем временем по-своему истолковала поведение людей. Кровать автоматически сложилась, из ниши в полу поднялись два кресла, над изгибом барной стойки вспыхнул неяркий свет, на дымчатой панели подсветились строки меню из ближайшего ресторана.

– Таня, не заставляй меня оправдываться. Попытайся понять. Наша разлука будет недолгой.

Она села в кресло.

– Глеб, я так не могу! Я начинаю сходить с ума. Мы разные! Пойми!

Он присел рядом, на мягкий широкий подлокотник, попытался успокоить ее, но тщетно.

– Я боюсь… – Ее плечи мелко подрагивали.

Таня крепко зажмурилась, но стало только хуже. Она честно пыталась понять Глеба, представить их совместную жизнь, но ничего не получалось.

– Что нас ждет в колонии, Глеб? У меня подруга на Ганимеде. Мы иногда общаемся по Сети. Там же нет ничего, кроме пустошей, да и Марс не лучше! А полет?! Одиннадцать месяцев в криогенной камере?!

– Таня, о чем ты? Насмотрелась фильмов об истории колонизации? На Марсе и Ганимеде изначально не было жизни! Там едва начались процессы терраформирования! А криогенными камерами пользуются только при внутрисистемных перевозках. Мы же говорим о другой планете, об иной звездной системе! Колониальный транспорт «Одиссей» – корабль нового поколения. Он совершает прыжок между звездами через пробой в метрике пространства и времени. Ты даже испугаться не успеешь!

– Да? И кто же меня пустит на борт? Ты слышал о конкурсе? Полно безумцев, готовых все отдать, лишь бы попасть в список колонистов!

– Они не безумцы. Новая Земля – наша надежда.

– Ты не ответил на вопрос.

– У нас еще есть время. Стань моей женой, и все барьеры рухнут. Я отправлюсь на Новую Землю в первой волне, а со вторым рейсом «Одиссея» прилетишь ты. Ну? Соглашайся!

У Тани вдруг замерло сердце.

– Ты… сделал мне предложение?!

– Да.

– А подумать можно? – она невольно улыбнулась сквозь слезы.

– Конечно. – Глеб тоже улыбнулся в ответ. Ему казалось, все будет хорошо.

* * *

Таня долго не могла уснуть. Лежала, глядя в потолок кварткапсулы, невольно прислушиваясь к щемящему, неосознанному, тревожному чувству.

Ее взгляд внезапно утратил осмысленность. В эти секунды девушка, которую любил Глеб, исчезла. Ее рассудок на время угас, тихо, без боли, без осознания происходящего.

Несколько минут она лежала неподвижно, затем встала, налила себе стакан сока, сделала глоток и вдруг замерла.

По чертам лица пробежало уродливое искажение. На миг исчезла линия губ, затем видоизменились глаза, а через пару секунд облик вновь стабилизировался.

Дрожь гуляла по телу. Анализ чужого ДНК, наконец, завершился, бионическая база данных пополнилась драгоценным образцом, оставалось лишь испытать на практике доставшееся с таким трудом приобретение.

Таня подошла к столику, открыла свою сумочку, извлекая оттуда странный предмет, выполненный в форме браслета, прикоснулась к нему, но безрезультатно.

По лицу вновь пробежала рябь искажений.

Неудача? Не может быть! Ведь ДНК хомо полностью ассимилирована!

Рекомбинация генов.

Ее облик вновь исказился, черты лица стали размытыми, нечеткими, череда метаморфоз, невозможных для человека, сопровождалась судорогой.

Глеб заворочался, но не проснулся.

Тело испытывало муки. Невыносимая боль. Пылал каждый нерв.

Рекомбинация завершена.

Ледяной пот выступил по всему телу.

Артефактное устройство, явно не принадлежащее к сумме человеческих технологий, опять не отреагировало на прикосновение.

Ц'ост не стал повторять рискованную попытку. Еще одна случайная рекомбинация генов вряд ли приведет к нужному результату, а вот человеку нанесет непоправимый вред. Ему предстояли сотни экспериментов, нужно работать, претерпевать трансформацию за трансформацией, прежде чем станет ясно, удастся ли вообще подобрать ключ к неограниченной власти, вырваться из разряда младших космических рас, получить доступ к небывалой мощи, оставшейся после исчезновения армахонтов.

Как хотелось сбросить неудобную личину!

Он обернулся, пристально посмотрел на Глеба.

«Стать ему верной женой? Нет, пожалуй. Бессмысленная трата времени. Я получил драгоценные образцы генетического материала,

теперь пора оставить в покое этих непредсказуемых хомо».

Серая тень отделилась от человека, слилась с материалом стены.

...

Таня как будто проснулась, обвела удивленным взглядом обстановку кварткапсулы.

«Что я тут делаю?»

Она взглянула на спящего Глеба, затем, следуя внутреннему порыву, активировала нанокомп, быстро набрала короткую строку сообщения, оделась, вызвала аэротакси.

* * *

Глеб открыл глаза.

В воздухе кварткапсулы витал странный, неприятный запах.

– Танюша? – он привстал, осмотрелся.

Ее не было. Лишь на прикроватном столике лежал тонкий электронный планшет с короткой запиской, оканчивающейся размашистой, знакомой подписью:

> *Глеб, прости, мне не нужна такая жизнь. Будь счастлив. Не ищи меня.*
>
> *Таня.*

...

Ц’ост покинул человеческий организм, не причинив ему вреда.

Пока Татьяна приходила в себя, принимала решение, он растекся по стене серой кляксой, имитируя облицовочную панель.

Теперь, когда один человеческий геном уже скопирован, дальнейший сбор генетического материала не вызывал затруднений.

Ц’ост размышлял, находясь в полной безопасности. Он видел, как проснулся Глеб, некоторое время наблюдал за ним, затем вновь глубоко задумался.

Знак равенства между армахонтами и хомо ставить рано. Прежде чем сделать какой-либо вывод, предстояло провести множество экспериментов.

Ц'ост прекрасно понимал: во Вселенной нет абсолютно идентичных существ. Каждая из разумных рас, развиваясь в уникальных условиях родной планеты, несла в своих генах наследие неповторимого эволюционного пути.

Но вопреки логике генетический материал хомо и армахонтов оказался настолько схож, словно они являлись выходцами из одного и того же мира!

«Может быть, хомо – всего лишь «резервная копия»? – Иное сравнение не приходило на ум. – Армахонты – очень древняя раса. Но они не колонизируют другие планеты, предпочитая жить в своем родном мире, расположенном за сотни тысяч световых лет отсюда».

В масштабах освоенной Галактики численность цивилизации армахонтов выглядела ничтожной. Они всячески старались избежать мутаций, но ведь известно, что природа Вселенной никогда не подчиняется воле живых существ.

Возможно, они создали на Земле хранилище генофонда и забирали отсюда лучших представителей рода человеческого, как говорится, вливали свежую кровь в свою постепенно стареющую цивилизацию?

Удобный во всех отношениях вывод, но он не согласовался с историей Земли. Ц'ост не только ассимилировал гены, пользуясь информацией, полученной из рассудка Татьяны, он подключился к сети и усвоил огромные объемы общедоступных данных.

«Как быть с историей развития цивилизации хомо? Например, с археологическими и антропологическими находками, прямо указывающими: этот вид разумных существ эволюционировал именно тут, на Земле!

Важна не их история, а генетический материал! – он ожесточенно спорил сам с собой. – Я потрачу время и силы, изучая эту примитивную цивилизацию, но разве моя цель заключается в том, чтобы понять хомо?

Нет. Мне не нужно их понимать! Необходимо собрать разнообразные генетические образцы и использовать их на благо моей расы!

А историей этих существ можно заняться позже!»

Он принял решение и больше не сомневался в дальнейших действиях. Оставалось сообразить, как сохранить его деятельность в тайне.

Наилучшее решение – блокировать Врата Миров, чтобы больше никто не нашел путь сюда!

Ц'ост так глубоко задумался, что не обращал внимания на Глеба, пока тот не включил сферовизор.

Передавали новости. Главной темой дня было падение крупного астероида, взорвавшегося над поверхностью планеты в труднодоступном горном районе.

Метаморфа заинтересовало это событие. Он незаметно сформировал орган зрения.

Глеб безуспешно пытался вызвать Таню по коммуникатору, затем решил отыскать ее в Сети. Он лишь краем сознания воспринимал информацию о неожиданном событии.

В центре кварткапсулы из пола поднялось кресло, предназначенное для соединения с Сетью. Экран сферовизора погас, но ц'ост снова включил его, как только сомкнулись лепестки капсулы «Виркома» и рассудок Глеба погрузился в цифровое пространство.

На канале новостей вновь и вновь возвращались к главной теме дня. Одному из репортеров удалось получить любительскую видеозапись события, и теперь ее показывали миллиардам зрителей.

Ц'ост заинтересованно просмотрел кадры, запечатлевшие падение небесного тела.

Его планы оказались под угрозой срыва. Он сумел правильно оценить случившееся.

Действовать. Немедленно действовать!

Судьба цивилизации хомо, похоже, предрешена. Не он один решил изучить внезапно открывшийся маршрут!

Нужно убираться отсюда. Он не хотел стать невольным участником еще одной цепи роковых событий. Сектор, охваченный войной, стремительно катился к гибели, к хаосу, а он хотел сохранить и по возможности воссоздать былое величие мирного сосуществования

многих космических рас. И помочь в этом могла лишь техника армахонтов.

Мысли, промелькнувшие в сознании ц'оста, предопределили не только последовательность его дальнейших действий, но и выбор звездной системы, где бы он мог скрыться.

Он мысленно сформировал карту доступных маршрутов, изучил ее, просмотрел пометки, говорящие о техническом состоянии Врат Миров.

Его внимание привлекла одна из запретных ранее систем.

Там располагалась крупная база армахонтов, уничтоженная одной из первых, когда поднялось восстание.

Врата Миров, судя по алому маркеру, сильно повреждены. Никто не решится использовать этот маршрут. Слишком велик риск. Неисправности в устройстве пробоя метрики обычно приводят к дезинтеграции космических кораблей, но ц'ост знал, как можно справиться с проблемой. «По крайней мере, еще один раз использовать устройство я смогу! – думал он. А что будет дальше?

Это покажет время. Охваченный пожаром войны сектор – худшее место для долгих и кропотливых исследований. На бывшей базе армахонтов я буду в полной безопасности. А когда техника великой цивилизации подчинится мне, восстановление Врат Миров уже не будет выглядеть сверхзадачей.

Оттуда, из блокированной звездной системы, в случае успеха начнется возрождение былого миропорядка с одним исключением – место армахонтов займут ц'осты!»

Ради такой перспективы стоило рискнуть.

* * *

Земля. Мегаполис «Сибирь». Ноябрь 2071 года

Из окна кварткапсулы не увидишь звезд.

Глеб мрачно и пристально смотрел на вечерний город. Вернее, на крошечный его фрагмент: плавный поворот закругляющейся стены, по которой пробегали яркие блоки начерченной лазерами рекламы.

«Больше не могу», – честно сказал себе он.

Мечта медленно умирала, а вместе с ней исчезал смысл жизни. Цепь необъяснимых событий, последовавших одно за другим, надламывала судьбу.

Сначала исчезла Таня. Он так и не смог отыскать ее. Звонил, но не получал ответа. Выходил в Сеть, но она оставила прежнюю работу, ее аватар нигде не появлялся. Кварткапсулу она сменила.

Многомиллиардный город поглотил ее, будто песчинку.

Глеб тяжело переживал случившееся, винил себя, не прекращал поисков, но новые и новые потрясения постепенно заполняли пустоту, затушевывали образ Тани.

…На следующий день после ее исчезновения ему позвонил Серега Вахрушев. Они вместе учились в академии, но после выпуска не встречались, у каждого были свои дела.

– Привет, – Глеб неохотно ответил на вызов.

– Здорово. – Голос Сереги звучал встревоженно. – Новости слышал?

– Нет.

– Генерала Юранова отстранили от должности!

– Ты с ума сошел? – не поверил Полынин. Юранов для военно-космических сил фигура одиозная. Сместить его с должности? Да никто бы не посмел!

– Глеб, канал новостей включи! Колониальный проект закрыли, ходовые испытания «Одиссея» отменены! Ходят слухи, что бригаду ВКС расформируют!

– Подожди, Серега, ты ничего не напутал?! – Глеб включил сферовизор. – Соображаешь, что несешь?!

– …и снова возвращаемся к главной новости дня, – голос ведущего заполнил кварткапсулу. – По данным, пока не подтвержденным из официальных источников, в колонии Новой Земли обнаружен опаснейший внеземной вирус, что повлечет за собой срочную эвакуацию научного и технического персонала. Как стало известно, крейсер ВКС России «Варяг» готовят к незапланированному прыжку…

– Ну, убедился? – Вахрушев все еще оставался на связи. – Я ничего не понимаю, Глеб! Бессмыслица какая-то! Если в колонии обнаружен

опасный вирус, там должны ввести карантин, а не готовить крейсер для экстренной эвакуации!

– Подожди, Серега, новостям верить – последнее дело! Ты о Юранове откуда узнал?

– Да слухи, если честно!

– Вот и успокойся! Если действительно что-то случилось, нас вызовут, все объяснят!

Вызвали.

На следующий день бригаду ВКС подняли по тревоге, неделю держали в боевой готовности, затем, так же внезапно, без объяснений случившегося, офицерам объявили: испытания «Одиссея» откладываются на неопределенный срок.

Прошло два месяца, наступила поздняя осень, а ничего не происходило. Бессрочный отпуск. Информационный вакуум. Программа освоения дальнего космоса свернута, колония Новой Земли действительно эвакуирована, «Одиссей» так и не покинул стапель космоверфи.

Глеб ничего не понимал. Коммуникатор, имплантированный в мочку правого уха, молчал. Ни одного вызова. Словно все, чем он жил, исчезло.

Конечно, он пытался понять, что случилось. Ему удалось кое-что узнать по неофициальным каналам. Крохи собранной информации складывались в туманную, противоречащую официальной версии картину.

Полынин затемнил окно, обернулся. Два тренажера, выдвинутые в рабочее положение, плавный изгиб барной стойки, мутный блик света на изящных пластиковых бокалах. «Нет, так больше не могу. Не выдержу. Сколько еще ждать в состоянии полной неопределенности?»

Сев в кресло, Глеб глубоко задумался, затем, приняв решение, коснулся кибстека. Личный нанокомп сформировал крошечную панель набора.

– Роман Сергеевич?

– Да, слушаю.

– Полынин беспокоит.

– Глеб?

– Он самый.

– Рад тебя слышать! – Генерал Дунаев, старый друг отца, скрыл удивление за нотками радушия.

– Роман Сергеевич, надо бы встретиться.

– Где и когда? – Дунаев с неожиданной легкостью откликнулся на внезапную просьбу.

– Думаю, на «нейтральной территории». – Глеб только что совершил спонтанный поступок и теперь быстро прокручивал в мыслях возможные варианты. – Есть небольшое кафе в парковой зоне, недалеко от вашего дома. Я мог бы подъехать минут через тридцать.

– Добро. Сверим часы?

– Девятнадцать ноль шесть.

– Верно. До встречи.

Сигнал отбоя связи промурлыкал навязчивый мотивчик.

Глеб встал, кресло тут же сложилось, в стене открылась ниша гардеробной. Кибернетическая система кварткапсулы отслеживала множество параметров, сканировала направление взгляда, фиксировала движения, почти безошибочно предугадывая намерения человека, реагируя на них без дополнительных команд.

Глеб накинул пальто.

– Режим энергосбережения, – на прощание произнес он.

* * *

Дунаева Глеб знал давно. Первые, еще полуосознанные детские воспоминания сохранили образ лейтенанта военно-космических сил России, друга и сослуживца отца.

...В кафе было безлюдно. Огни города вызывающе сияли, раскидистые кроны деревьев уже уронили листву и больше не заслоняли их.

Глеб занял дальний столик, приготовился ждать, но Дунаев появился точно в условленное время.

Он проигнорировал просеменившего к нему серва, однако тот не отстал, увязался следом, проводил до столика, за которым расположился

Глеб.

– Повзрослел! – генерал пожал руку Полынину, грузно сел. – Давно не виделись. Рад встрече. Как родители?

– У них все нормально. Отец недавно вышел в отставку, они с мамой домик на терраформированных территориях купили. К себе зовут.

– Так что же не вернешься на Марс? – Дунаев пристально посмотрел на Глеба. Он не привык тратить время на условности. От того лейтенанта, что подхватывал Полынина-младшего на руки, остались только воспоминания. – Ладно, можешь не отвечать. О чем конкретно хотел поговорить?

– О жизни... Что происходит, Роман Сергеевич?

– Ты в штатном экипаже «Одиссея»? – проницательно спросил генерал.

Полынин кивнул.

– Был, – невесело уточнил он. – Два месяца назад отправили в бессрочный отпуск без объяснения причин. И все – глухая тишина. Роман Сергеевич, почему мы бежали из колонии Новой Земли? – не выдержав, прямо спросил он.

Дунаев выслушал его, сделал глоток минеральной воды, ослабил магнитные застежки на вороте одежды.

– Для начала давай определимся с уровнем твоего допуска.

– Базовый.

Дунаев нахмурился. «Уровень осведомленности Полынина слишком низок, разговора у нас не выйдет, – с досадой подумал он. – Разве что дать пару жизненных советов «племяннику». Он, конечно, обидится, не поймет, но ситуация...»

– Роман Сергеевич, я знаю о первом контакте, – неожиданно заявил Глеб.

– Источник? – Полковник Дунаев коснулся неприметной вставки на рукаве одежды, и серв, застывший неподалеку, внезапно попятился, словно зверь, инстинктивно почуявший опасность. Работа устройства, блокирующего все известные способы прослушивания, сопровождалась сериями микроэлектромагнитных импульсов. Кибстек Полынина выдал сигнал сбоя и отключился.

– Источник неофициальный, – честно признался Глеб. – Но версия первого контакта звучит более убедительно, чем откровенная нелепица о смертельном вирусе. Карантин не ввели, всех эвакуировали на Землю.

Дунаев молчал, выжидающе смотрел на него.

– Я знаю о эшрангах, – решился Глеб.

– Что именно? – нахмурился генерал. – Только не заставляй меня задавать наводящие вопросы!

Что оставалось Полынину? Под пристальным взглядом Дунаева он чувствовал себя неуютно, но жизнь явно летела под откос, нужна хоть какая-то ясность, иначе недолго и свихнуться, сидя в четырех стенах!

Самообладание генерала все же не железное. Дрогнул, когда услышал заветное слово. Значит, те крохи информации, что удалось собрать, верны?

«Ладно. Попробую».

– Эшранги, как предполагалось, принадлежат к исконной биосфере Новой Земли, – Глеб решил говорить кратко, так меньше риск допустить неточность. – Первая разведывательная группа, прибывшая на планету, обнаружила несколько небольших популяций этих нелетающих птиц. Их внешний вид, в частности наличие кожистых перепончатых крыльев, позволил предположить, что они эволюционировали из звероящеров.

Дунаев слушал, не перебивая, вот только на скулах заиграли желваки.

– Последующие исследования показали, – продолжил Глеб, – что теория их происхождения несостоятельна, она идет вразрез с представлением о ходе развития жизни на Новой Земле. Потребовалось детальное исследование, для чего был произведен отлов трех особей. Их разместили в клетках на территории строящегося первичного поселения. Спустя несколько часов на орбите планеты появился неопознанный космический корабль. По размерам он в десятки раз превосходил наш крейсер, на попытки связи не ответил, а по анализу сигнатур стало ясно: на борту активированы системы вооружений, способные одним залпом превратить колонию в пепел. Через некоторое время от корабля отделились спускаемые модули, началась всеобщая эвакуация эшрангов. Трех птиц, отловленных для изучения, срочно выпустили. Никаких

агрессивных действий в отношении нашей колонии они не предприняли, просто покинули планету вместе с остальными.

Дунаев молчал, и Глеб был вынужден продолжить:

– Стало ясно: представители иной космической цивилизации в течение года наблюдали за развитием нашего первичного поселения, ничем не выдавая себя, – он перевел дыхание, сделал глоток остывшего кофе. – Но при картографических исследованиях Новой Земли не было обнаружено никаких признаков деятельности разумных существ! Никто не подозревал, что эшранги – представители иной цивилизации, намного опередившей нас в техническом развитии!

– Все? – по-прежнему хмурясь, спросил Дунаев.

– Да. Этого мало?

– Достаточно, чтобы твои источники информации угодили за решетку!

– Роман Сергеевич, – Глеб исподлобья взглянул на него. – Почему мы бежали из колонии? Почему отменены испытания «Одиссея»?

– Сам как думаешь?

– Все мои версии сводятся к эмоциям, – признался Полынин. – Я не вижу логики в отступлении! Если честно, двухмесячное ожидание вымотало нервы. Ходят слухи, что программа строительства колониальных транспортов вообще закрыта, а бригада ВКС будет расформирована!

– Глеб, ты понимаешь, что я должен сейчас вызвать следственную группу и арестовать тебя?

– Вы не ответили на мой вопрос!

– А чего ты ждал?

Глеб понимал: генерал связан понятием «государственная тайна». Но его реакции достаточно, чтобы сделать вывод: крупицы информации, просочившиеся из колонии, действительно отражают суть событий?! Произошел первый контакт, и мы бежали?!

– Роман Сергеевич, я изложил слухи. Но если вдруг предположить, что они верны? – Глеб решил изменить тактику.

– Значит, свои источники не выдашь?

– Нет.

– Ладно... Ты, Глеб, с огнем играешь, но, – Дунаев неожиданно кивнул, принимая предложенные условия, – рассмотрим твою гипотетическую ситуацию, – согласился он. – Если бы все, сказанное тобой, имело место, я бы ответил: эвакуация колонии – единственно возможный и абсолютно закономерный шаг!

– Почему? Конфликт исчерпан. Эшранги покинули планету!

– Ты сам задал условия. Цивилизация эшрангов знает о нас, они намного опередили человечество в развитии, а мы, – он прищурился, – по твоим словам, не знаем о них ничего! Они наблюдали, оценивали, а мы, извини, как бы помягче выразиться, мы первый контакт проморгали!

– И что теперь?

– Колониальный проект закрыт.

– Но почему?!

– Сам подумай. Получается, что мы вторглись на их территорию! Осуществили акт агрессии, насилия! Пусть по ошибке, незнанию, но совершили! Каких последствий ждать? Что, по условиям твоей задачки, нам известно о системе моральных ценностей эшрангов?

– Ничего не известно...

– Вот и думай! Колония Новой Земли – российский проект. Мы создали внепространственный привод, засекретили технологию, не поделились ею с другими странами. Нужно смотреть на ситуацию шире. Земля раздроблена на государства и нации. Имеет ли право одно правительство, одна страна, на свой страх и риск продолжать экспансивные действия, которые могут обернуться столкновением с иной космической расой? Ты бы принял на себя такую ответственность?

– Нет, но...

– Без «но», Глеб! На сегодняшний день ты можешь быть твердо уверен лишь в двух вещах. Первое: эшранги стоят на более высокой ступени технического развития. Их корабль, осуществлявший эвакуацию, способен стереть нас с лица Земли! И второе: ты понятия не имеешь, как восприняли нас «братья по разуму», не знаешь, где именно находится их родная звездная система, каковы их истинные намерения и возможности!

– То есть сама идея колонизации иных звездных систем уничтожена на корню?! – мрачно уточнил Глеб.

– Отсрочена. На неопределенное время, – неохотно ответил Дунаев. – Одну ошибку мы уже совершили. По-твоему, нужно упорствовать, закрепиться на Новой Земле, несмотря ни на что?

– Нет, – вздохнул Глеб. – Но пока мы будем разбираться, искать возможности для полноценного контакта, пройдут годы!

– Возможно, не годы, а жизни поколений!

– И что же делать?!

– Ищи работу, – сухо ответил Дунаев. – Ты изложил ситуацию, хотел получить совет, я его дал. Ничего другого добавить не могу, при всем желании!

– Я понял. Мы возвращаемся в границы Солнечной системы, прекращаем освоение дальнего космоса?

– Безусловно. Пока наша цивилизация разделена на соперничающие государства, Россия в одностороннем порядке не станет возобновлять попытку колонизировать другие звездные системы. Сеять хаос и панику, публикуя версии вроде твоей, тоже никто не станет. Правду ты слышал в выпусках новостей. Опаснейший экзовирус, обнаруженный в колонии. Все. Точка. И не вздумай даже заикнуться о нашем с тобой разговоре! Извини, Глеб, рад был встретиться, но мне пора!

Дунаев отключил защиту, встал и, не прощаясь, направился к выходу.

Глава 2

Земля. Май 2073 года

Утро выдалось теплым, но пасмурным.

Неприветливые отроги горных хребтов, окружающие заставу, разительно изменились с приходом весны. Еще недавно растущая на склонах хвойно-лиственная тайга выглядела абсолютно безжизненной. Кислотные дожди, накрывшие регион прошлым летом, казалось, безвозвратно погубили растительность, – почернели кусты багульника, брусника высохла на корню, березы и осины уронили листву еще в июле, и лес всю зиму простоял серой, угрюмой, молчаливой стеной, даже живучие, выносливые сосны опалило желтизной.

Зимой лишь ураганные ветры завывали над заснеженными перевалами, а с приходом весеннего тепла внезапно произошло чудо: клейкие почки распустились на некоторых деревьях. Юная листва поначалу пробивалась робко, со стороны это выглядело так, будто нежно-зеленая дымка окутывает небольшие участки горных склонов.

Глеб Полынин стоял у края скалистого обрыва, глядя на величественную панораму нагорья. В ущельях, прорезанных руслами рек, еще таилась тьма, диск солнца едва просвечивал сквозь облака расплывчатым пятном, обещая знойный полдень.

По траверзам отрогов тянулись хорошо различимые ниточки дорог, вдоль скалистых утесов струился холодный воздух, формируя серые облачные лавины, которые растают к полудню, превратятся в мглистое марево.

Сегодня утро звенело. Птичий щебет слышался отовсюду, птахи, не обращая внимания на людей, были заняты строительством гнезд, деловито сновали поодиночке и стайками, смешно и трогательно собирали веточки, клочки пожухлой прошлогодней травы.

За полтора года, что Глеб прослужил на заставе, его мечта не погибла, но потускнела, притаилась на донышке души.

О программе освоения дальнего космоса, кажется, позабыли. «Одиссей» так и не покинул стапель космической верфи. Шумиха в

прессе быстро улеглась, вернее – ее погасили. Ни слова о «братьях по разуму», никаких намеков на первый контакт, будто люди никогда и не выходили за границы Солнечной системы.

Версию о смертельном вирусе, обнаруженном в колонии, поддерживали неуклонно. Новая политика руководства ВКС сводилась к простым формулировкам: мы еще не исчерпали всех возможностей внутрисистемного развития. Потенциал колоний Марса и Ганимеда огромен. Нам есть куда двигаться, где оттачивать технологии преобразования планет, а путешествия к звездам, как показала практика, – это удел будущих поколений.

Глеб понимал: он практически ничего не знает. Информация, собранная по крохам, озвученная в разговоре с Дунаевым как полноценная версия случившегося, видимо, не отражала и сотой доли правды, иначе им бы вплотную занялся спецотдел.

Даже не потревожили.

Бригаду ВКС действительно расформировали, большинство офицеров распределили между гарнизонами Марса, Ганимеда и форпостами на астероидах в границах пояса Койпера[1].

Глеб оказался в числе немногих, оставшихся на Земле.

Служба на границе незаметно превратила молодого лейтенанта в зрелого офицера. Среди величественной красоты гор, вдали от городов, он неожиданно открыл для себя новую, неведомую ранее грань восприятия, соприкоснулся с царством суровой природы, еще сохранившейся здесь вопреки процессам глобальной урбанизации.

Горы требовали мужества. На границе шла необъявленная война, через дикие труднодоступные районы проходили маршруты различных криминальных трафиков, в глубинах горной страны на сопредельной территории двух государств действовали многочисленные отряды боевиков.

Вся криминальная накипь мегаполисов стекалась сюда, ища убежища в горах, так что крови хватало с избытком…

…Солнце поднималось все выше, облака постепенно таяли, поднявшийся ветерок нес прелые запахи леса, а со стороны заставы уже слышался рокот двигателей, лязг отпираемых ворот, голоса.

Глеб взглянул на крохотный экран закрепленного на запястье кибстека.

Пять минут до боевого развода.

Он машинально проверил экипировку, чуть ослабил скользящий магнитный замок автоматного ремня и направился к приземистым постройкам заставы.

* * *

На плацу застыли четыре боевые машины, две старенькие, побывавшие во многих передрягах, и две новые, с водородными двигателями.

– Здорово, Полынь! – капитан Морозов дружески хлопнул Глеба по плечу. – Ну что, сегодня снова «на выпас»?

– Здорово, – Глеб обменялся рукопожатием с офицерами, пожал плечами в ответ на дежурную, уже обросшую бородой шутку.

В Академии военно-космических сил готовили специалистов двойного, а иногда и тройного профиля. Его второй специализацией являлись кибернетические механизмы колониальных моделей. Третья, так и не востребованная «гражданская» профессия – инженер силовых установок космических кораблей – похоже, в жизни уже не пригодится, – невеселая мысль все же проскользнула, ужалила.

«Выпасом» в шутку называли контроль боевых сервов. Еще пару лет назад полевые испытания кибернетических механизмов, оснащенных искусственными нейросетями, казались делом немыслимым, – ведущие мировые державы подписали договор о запрете производства и эксплуатации боевой техники с элементами ИИ.

Полтора года назад Китай в одностороннем порядке, без внятных пояснений, вышел из договора, возобновил собственную программу создания боевых искусственных интеллектов. По данным разведки, на заводах Поднебесной уже началось серийное производство сервомеханизмов, предназначенных для нужд армии.

Чем мотивирован такой односторонний шаг, Глеб откровенно не понимал. Как специалист он мог бы убедительно доказать: искусственные интеллекты неспособны принимать адекватные решения в сложной боевой обстановке. Они в лучшем случае станут оголтелыми кибернетическими убийцами. Но кто прислушается к мнению молодого офицера? Неожиданный виток гонки высокотехнологичных вооружений резко обострил и без того непростую обстановку, потребовал от России незамедлительного ответа, и он был найден: руководство ВКС приняло решение о расконсервации универсальных кибермеханизмов колониальной модели, хранившихся на борту «Одиссея».

Переоснастить их для несения боевой службы оказалось несложно, трудности возникли при переобучении нейросетей, ведь эти машины были спроектированы в целях созидания. Мало навесить на сервов дополнительные датчики и установить системы вооружений. Нужно научить их решению сложнейших задач – именно этим и занимался Глеб, но пока что прогресс был невелик.

Из здания штаба вышел полковник Реутов, командир заставы.

– Построились! Внимание сюда!

Наряды замерли.

– Так, бойцы, обстановка сложная, – хмуро начал он. – В штабе округа мне уже весь мозг вынесли темой «прозрачности» наших границ в горных районах!

– Людей бы лучше дали и технику! – негромко огрызнулся капитан Стонов.

– Разговоры в строю! – Реутов сегодня был реально зол. – Поступила информация о хорошо подготовленных группах наемников, готовящих прорыв на нашем участке!

– Брешут, – негромко прокомментировал Морозов. – Брешут, чтоб мы бдительность не теряли. Нет у серьезных группировок интереса к нашему участку. Ни прямых выходов к мегаполису, ни баз, ни троп. Одни тупики.

– Так, я сказал: разговоры отставить!

Капитан умолк. Он служил на заставе уже лет двадцать и зря словами не разбрасывался. Высказал мнение и вновь принял невозмутимый вид.

– Прошу к информации отнестись серьезно! – продолжил Реутов. – Количество нарушений за последний год никого тут не настораживает? А вот в штабе считать умеют! Ткнули меня в данные статистики носом и спрашивают, что же ты нам про тупики рассказываешь? Нет интереса? Значит, появился он, а мы – ни духом, ни рылом!

Кто-то в строю не выдержал, хохотнул.

– Кроме шуток, господа офицеры, – Реутов злился. – Мы явно упускаем что-то важное! Стычки, перестрелки происходят едва ли не каждый день! Прощупывают нас! Слабые места ищут! И картина, если взглянуть со стороны, действительно настораживает! Дадим слабину, позволим наемникам проторить новые «коридоры», просочиться в глубь нашей территории – с нас шкуру снимут, так что исходим из наихудших предположений! – резко завершил он. – Командирам получить чипы с заданиями! Полынин, ко мне!

Глеб подошел.

– Ну, лейтенант? Что скажешь? Можем привлечь твоих сервов к боевому патрулированию?

– Сложный вопрос.

– А я простых вопросов и не задаю!

– По животным они уже не стреляют, – ответил Глеб, – но дать гарантию, что не откроют огонь по своим, пока не могу!

– Огорчаешь ты меня, лейтенант! Полтора года уже возишься, а толку никакого! Чему вас в Академии ВКС учили? – неприязненно спросил полковник.

– Психологии первого контакта. Тактике боевых действий в космосе. Астрофизике, биологии, основам планетного преобразования, – сдержанно ответил Полынин.

– Да, под наш случай не подходит, – хмуро обронил Реутов. – Но ты мне объясни, если этих сервов готовили для отправки в колонию, почему же здесь они тупят?!

– Сервы изначально не предназначались для ведения боевых действий, – терпеливо (уже не в первый раз) пояснил Глеб. – Их проектировали в других целях. Предполагалось, что люди для колониальных механизмов – дружественные существа.

– А если отключить их нейросети? – прищурился Реутов.

– Тогда мы получим заурядный боевой механизм с примитивным вариатором целей.

– Предлагаешь набраться терпения? И сколько еще ждать? Год? Месяц?

– Я обучаю их нейросети. Каждый день. Когда появится результат, предсказать не могу. У нарушителей мало отличительных признаков, явно характеризующих их намерения. Пока рекомендую использовать сервов в качестве наблюдателей. Их боевое применение приведет к сомнительным результатам.

– А вот наши китайские «коллеги» так не думают! Их кибермеханизмы патрулируют границы и успешно справляются с этой задачей!

– Да, я знаю! – в тон ему ответил Полынин. – Особенно если сбросить со счетов два высокогорных буддийских монастыря, где сервы вырезали монахов и паломников, то картина складывается оптимистическая!

– Ты к чему сейчас клонишь, лейтенант?

– В военной сфере нельзя полагаться на боевые ИИ. Бед от них будет много больше, чем от наемников или террористов!

Реутов выслушал Глеба и тут же напомнил:

– Но ты же мне показывал, как сервы действуют в боевой обстановке! Ни единой ошибки, ни одного огреха! Ох, как бы они пригодились сейчас!

– Запросите взвод космического десанта из состава расформированной бригады ВКС, и я гарантирую, мы наглухо закроем наш участок границы!

– Вот как? Значит, два десятка десантников справятся, а мы, пятьдесят восемь человек, прослуживших тут всю жизнь, уже никуда не годимся?!

– Вы меня не поняли. Демонстрация была успешна по единственной причине, – сдерживая эмоции, ответил Глеб. Он красноречиво коснулся заглушки на своем правом виске. – Имплант. В учебном бою не сервы выбирали цели, они только поражали их! Я управлял ситуацией, анализировал данные, принимал решения. Искусственные интеллекты способны созидать, строить, исследовать иные планеты, но им нельзя

давать в руки оружие. Они не отличат нарушителя границы от заплутавшего туриста.

– Да понял уже… – Реутов с досадой махнул рукой. – Значит, я могу в критической ситуации рассчитывать на тебя?

– В смысле? – Глеб не понял вопроса. – Я офицер и…

– Не о том речь! – полковник отвел его в сторону. – Если все же случится прорыв, могу я рассчитывать на твои способности?

– Да, – Глеб задумался лишь на секунду. Свои возможности он знал хорошо. – С одним уточнением. Эффективно я смогу работать с тремя кибермеханизмами, не больше.

– Почему?

– Иначе рассудок не выдержит нагрузки. Попробуйте включить три сферовизора одновременно, запустите разные каналы и анализируйте всю поступающую информацию, – привел он самый простой пример. – Только нужно обязательно анализировать, а не просто смотреть и слушать. Принимать решения по информации, делать выводы, реагировать!

Реутов представил.

– А ты можешь? – недоверчиво переспросил он.

Полынин кивнул:

– Дистанция эффективной связи между имплантом и сервами невелика, в горах, учитывая сложный рельеф, она составит примерно двадцать – двадцать пять метров, не больше. Значит, в бою я по определению буду иметь дело с одним противником или одной группой противников. То есть задача упрощается до уровня действий командира отделения. Связанные со мной сервы длительное время обучались на примере моего образа мышления. Это, как вы понимаете, и есть смысл «выпаса», – Глеб решил сгладить острые углы, завершив фразу сленговым словечком. – Учитывая ситуацию, сегодня я возьму только Яшку. Им в бою смогу управлять однозначно. Так что рассчитывать на нас нужно!

– А остальные кибермеханизмы?

– Предлагаю оставить их на высотах, как и прежде, использовать в качестве наблюдателей, в крайнем случае как снайперов, но только по

прямому целеуказанию!

– Ладно, лейтенант, я тебя понял. – Реутов о чем-то глубоко задумался. – Бери твоего серва и действуй по своему плану. Работаешь как обычно, в паре с Якутом. Все, свободен!

* * *

Первая контрольная точка располагалась в километре от заставы. Боевая машина плавно притормозила.

– Полынь, Якут, ваша остановка!

Глеб обошел БПМ, открыл грузовой отсек. Яшка шустро десантировался на дорогу. Горный серпантин в этом месте огибал высокую выветренную скалу, с другой стороны вниз уходил крутой, обрывистый склон.

Якут спрыгнул с брони. Полынин захлопнул люк. БПМ глухо взревела двигателем, ушла в поворот и как будто растворилась в мглистом воздухе.

Яшка вел себя, как живое существо. Он тут же заинтересовался камнями, скатившимися на дорогу после прошедшего ночью дождя, затем зорко осмотрелся по сторонам. Наличие нейросетей определяло его неподдельный интерес к окружающему миру. Глеб заметил первые признаки саморазвития этого серва еще зимой, но с выводами не спешил, наблюдал.

Тыгын Эрчимов к боевым кибермеханизмам относился с изрядной долей предубеждения, вот и сейчас, не доверяя Яшкиным сканерам, он принялся внимательно изучать взглядом окрестные склоны.

Вообще, Якут – мужик надежный, немногословный, горы знает, как никто другой. Лучшего напарника Глеб для себя не представлял. За полтора года они неплохо сработались, что называется, притерлись друг к другу.

Пока Полынин наблюдал за своим подопечным, Якут, не заметив ничего подозрительного, присел на корточки, автомат положил на колени, приготовился ждать.

Серв же, напротив, внезапно насторожился. Он, видимо, уловил незнакомый, посторонний запах, заинтересованно выдвинул усик газоанализатора и теперь «принюхивался», но тревоги пока не поднимал.

Глеб коснулся импланта, переключился на прием данных.

В его рассудке медленно проступили схематичные очертания человеческой фигуры, затем он уловил запах пота, тонкий, уже практически истаявший…

– Тыгын, здесь кто-то прошел, еще до рассвета! – встревоженно сообщил он.

– Уверен? – Якут покосился на серва. – Яшка, что ли, доложил?

Глеб кивнул, начиная проверку. Он вызвал ближайший наблюдательный пост, принял данные в кибстек, просмотрел их. Никаких тревожных сигналов.

– Нарушитель, говоришь? – Якут оценил высоту нависающей над дорогой скалы, не обошел вниманием и чахлый кустарник, уцепившийся корнями за край обрыва. – Следов нет. Камни не сдвинуты, ветки не сломаны, – он отступил на шаг, открывая себе обзор. – Сколько их? Откуда пришли, куда подевались?

– Газоанализатор различил запах пота. Один человек тут прошел или несколько – определить невозможно.

– Э, брат, дождь всю ночь лил. Запахи вода смыла.

– И следы тоже, – добавил Глеб.

Каждый остался при своем мнении, лишь Яшка продолжал «обнюхивать» основание скалы.

Солнце на минуту выглянуло из-за туч, залило склоны светом. Юная листва брызнула в его лучах яркой сочной зеленью, участки, поросшие хвойными деревьями, выглядели темнее, тени от облаков скользили, словно пятна камуфляжной сети, скрадывая детали.

– Так куда же они делись? Ниже по дороге застава. Выше, в километре, – пост наблюдения. Стрельбы не было. Не вверх же они полезли? – Якут коснулся сенсора, и снайперская оптика его автомата мгновенно ожила, точечной искрой моргнул индикатор питания,

открылась пылезащитная диафрагма, он приник к прицелу, осматривая обветренные скалы.

Ни души. Никаких следов восхождения.

– Ошибся твой серв…

Сухой одиночный выстрел ударил глухо, отдаленно, пуля задела край скалы, взвизгнула, выбив фонтан каменной крошки.

Тыгын мгновенно присел, метнулся в укрытие, Глеб и Яшка последовали его примеру.

– Что я говорил! Снайпер! Метров на пятьсот выше! Прямо над нами!

Якут, казалось, не заметил, что смерть разминулась с ним на какой-то миллиметр.

– Нервы ему лечить надо, – скупо отозвался он.

«Да уж, – подумал Глеб. – Нервишки у нарушителя, прямо сказать, никудышные. Увидел, как пограничник осматривает скалы, и тут же выстрелил? Чего, спрашивается, испугался?»

– Что-то тут не так, Тыгын, – вслух произнес он. – Действительно, какой-то он слабонервный для снайпера. Быть может, шальной стрелок? Увидел тебя и…

– Снайпер, – не согласился с ним Якут. – Наверху ветер сильный, порывистый. Много поправок нужно учесть. Случайный стрелок и в скалу не попал бы!

– Сможем к его позиции подобраться?

Якут кивнул:

– Под нависающей скалой пройдем назад. Там расселина начинается, помнишь?

– Конечно.

– По ней незаметно взберемся до старой тропы. Яшка поможет подняться.

– Что за тропа? – заинтересовался Глеб. – Ты о ней никогда не рассказывал.

– Незачем было. Тропа старая, ею давно уже никто не пользуется. – Тыгын не стал развивать тему. Под прикрытием скалы они находились в полной безопасности, но не век же тут сидеть?

– Решай, – он выжидающе отвернулся.

Коммуникатор Полынина завибрировал.

– Слушаю.

Вызывал Реутов.

– Что там у вас?! Почему не докладываете! Я на слух должен определять, где стреляли?!

– Снайпер. В скалах засел над дорогой.

– Целы?

– Да.

– Что намерен предпринять?

– Здесь расселина есть неподалеку. Тыгын говорит, она к какой-то старой тропе ведет.

Реутов быстро сориентировался.

– Верно. Поднимайтесь, только осторожно. В помощь сейчас никого выделить не могу. Сами разберетесь?

– Справимся.

– Действуй. И докладывать не забывай, понял?

– Понял вас, до связи, – Глеб отключился.

– Реутов сказал: сами разбирайтесь? – спокойно поинтересовался Тыгын.

– Откуда знаешь?

– Давно с ним служу.

– Ладно. Веди к расселине. Посмотрим, что за стрелок у нас объявился.

Широкое лицо Якута расплылось в улыбке. Он вообще никогда не унывал.

* * *

Взбирались молча.

Первым по узкой расселине поднялся Яшка, закрепил трос, за ним начали восхождение Глеб и Тыгын.

Они находились примерно на трети пути, когда отдаленное эхо принесло звуки внезапно вспыхнувшей ожесточенной перестрелки.

Несколькими очередями рыкнуло башенное орудие БПМ, и вдруг наступила ватная тишина.

– В Холодном ущелье бой. – Якут уперся ногами в скалу, замер, прислушиваясь.

После короткой паузы перестрелка возобновилась с новой силой.

– Тупик там, – Глеб вспомнил это ущелье.

– Наших боем связали. Оттягивают. Хотят участок для прорыва оголить!

– Давай в темпе! – Глеб возобновил подъем. – С заставы усиление вышлют, снайпер их не пропустит!

Минут через пять они выбрались на небольшую площадку среди скал.

– Дальше куда?

Якут молча указал на ряд ступеней, образованных формами выветривания.

– Осторожно, местами скала крошится, – предупредил он.

Снова подъем. На этот раз опасный, без страховки, только на силе, ловкости и чувстве равновесия, – метров тридцать по узким трещиноватым выступам.

Дыхание сбилось. Ноги и руки дрожали от напряжения, когда за последней «ступенью» открылся поросший кустарником склон.

Едва приметная тропа вела сквозь заросли.

До позиции снайпера еще метров триста.

«Как он проскользнул мимо наших стационарных постов? – удивился Глеб. – Сервы, выставленные в качестве наблюдателей, заметили бы его. Да и не стыкуются два разных типа поведения. Сначала нарушитель проявил незаурядную выдержку, умудрился пройти незамеченным через сеть сканирования, а затем, уже оказавшись на позиции, вдруг так глупо обнаружил себя, запаниковал.

Подъем по склону в полной боевой экипировке давался нелегко, сначала пробирались по глубокой промоине, засыпанной опавшей листвой, цепляясь за корни, выступы камней, затем заросли начали редеть, мельчать, – по данным кибстека, они пересекли условную отметку тысячи метров над уровнем моря, и характер растительности резко изменился, появился стланик – пластающийся по скалам

можжевельник и карликовый кедр. Растения, приспособившиеся к жизни на ледяном ветру, цеплялись за каждую трещину, льнули к серой поверхности, накрепко впивались в нее узловатыми корнями.

Яшка бодро двигался впереди, вслед за ним поднимался Якут, он вообще казался двужильным, неутомимым.

Полынин начал постепенно отставать. Ледяной ветер проникал сквозь одежду, постепенно по капле выдувал драгоценное тепло.

Еще немного…

Глеб с трудом вскарабкался на плоский каменный выступ, лег на живот. Вниз, на пройденный путь, он старался не смотреть.

Звуки боя глохли в отдалении.

Теперь до позиции снайпера осталось всего метров пятьдесят.

«Нас он не видит. Тыгын заранее свернул с тропы, и теперь мы в «мертвой» для стрелка зоне, чуть выше и правее его», – сориентировался Глеб.

Яшка, подчиняясь приказу, замер. Глеб и Тыгын осторожно подползли к краю обрыва.

Внизу, прямо под ними, на небольшой площадке перед входом в пещеру затаился… серв!

Глеб жестом указал Якуту – замри. Кибермеханизм китайского производства он опознал сразу, безошибочно, по нескольким характерным признакам в конструкции.

«Вот, значит, что за гости к нам явились!» – Глеб перевалился на бок, сменил автоматный магазин. Он всегда брал с собой запасной рожок с бронебойными патронами. При работе с сервами – запас не лишний, всякое бывает.

Теперь понятно, как «нарушитель» прошел сетку сканирования и почему так глупо выдал себя. Их было двое. Человек и серв.

Кибернетический механизм наверняка оснащен специальными техническими средствами для преодоления электронных рубежей. Видимо, тут, у входа в пещеру, человек и серв расстались, – боевой механизм остался на посту, скорее всего, в качестве наблюдателя, но со своей задачей он не справился, – распознал прямую угрозу, когда Тыгын

случайно навел на него ствол автомата, – вот и ответил прицельным выстрелом, следуя чисто машинной логике.

Человек бы так не поступил.

* * *

Серва Полынин свалил первой же очередью. Якут лишь языком прищелкнул, выражая свое одобрение.

– Уязвимые места знаю, – ответил Глеб. – Спускайся, прикрою.

– Яшку не пошлешь? – прищурился Тыгын.

– Нет.

Якут быстро закрепил трос, ловко спустился на каменный уступ, перешагнул через опрокинувшегося на бок серва, прижался к скале перед входом в пещеру, осторожно заглянул внутрь.

– Чисто! – через некоторое время доложил он.

Ледяной ветер снова налетел порывом. Да, для снайпера и позиция действительно никудышная, – Глеб осмотрелся, – сектор обстрела невелик, помех множество. «Ему бы метров на двести ниже затаиться, там кустарник маскирует стрелка и ветер не такой сильный», – подумал он.

– Тыгын, что за тропа? Почему я раньше о ней не слышал?

Яшка спустился последним, замер, сканируя окрестности, в ожидании команд.

– Очень старый путь, – Якут кивнул в сторону пещеры. – Через хребет ведет на ту сторону.

– И почему им пользоваться перестали? – Глеб не мог понять, куда подевался нарушитель. Показаниям Яшкиных сканеров он вполне доверял. Современный газоанализатор, связанный с мощным вычислительным устройством и базами данных, по своей эффективности сравним с обонянием собаки, а в чем-то и превосходит его.

– Два года назад метеорит упал, – ответил Тыгын. – Большой был взрыв по ту сторону перевала. Днем на заставе свет видели. Скалы

дрожали. Район оцепили, много ученых приезжало. Я подходил, спрашивал, сказали – камень из космоса прилетел, в горы ударил.

– И тропу завалило? – догадался Глеб.

– Угу, – кивнул Якут.

– Куда же в таком случае подевался наш нарушитель?

Якут неопределенно пожал плечами.

– Серва тут оставил, сам ушел. Куда – непонятно. Следов нет, голый камень кругом.

Глеб ему не поверил. Тыгын что-то скрывает, недоговаривает. За полтора года он достаточно хорошо изучил напарника и сейчас заметил, как тот вдруг занервничал.

– Прикрой, я пещеру осмотрю. Яшка, сканируй!

Перед мысленным взглядом Полынина медленно проступили очертания внутреннего пространства пещеры. Данные со сканеров серва поступали через иплант, визуализировались в рассудке.

Вроде никого... Хотя слепых пятен достаточно – он пригнулся. Крупная угловатая каменная глыба со свежими сколами высилась недалеко от входа, служила хорошим укрытием.

Глеб заскочил внутрь, прижался к шероховатой каменной поверхности, замер, прислушиваясь.

Где-то в глубине внутрискального лабиринта капала вода.

Пространство пещеры заполняли обломки, но работа талых весенних вод распластала их пологим оползнем, под сводом угадывался зазор, куда с легкостью смог бы пролезть человек в экипировке.

«Странно Якут себя ведет», – вновь подумал Полынин. Рисковать он не стал, вызвал Яшку, послал его вперед. Серв вскарабкался по камням, исчез по ту сторону разрушившейся преграды и тут же оказался перед выбором: две узкие расселины расходились в разные стороны.

«Направо», – приказал ему Глеб.

Метров через двадцать снова развилка. Сигнал начал искажаться помехами, затухать. Концентрация мысленных сил вызывала легкое головокружение.

Серв остановился, сканируя пространство развилки.

На стене Глеб заметил знак, нанесенный копотью, тут же узнал его.

«Вот как?!» – он был неприятно удивлен.

«Держать позицию», – отдал он короткий приказ, отключился от канала телеметрии, вышел из пещеры.

Тыгын с безразличным видом сидел на корточках в относительном заветрии.

– Пошли внутрь, там теплее.

Якут не стал спорить.

– Рассказывай, – Глеб не любил неясности. – Только честно. Там, в глубине на развилке, твой знак. Почему никому не сказал, что тропа проходима?

Якут насупился, но все же ответил:

– Тропа заброшена. По ту сторону тупик. Раньше оттуда через ущелья открывался путь в глубину нашей территории, но теперь там только оплавленные скалы.

– Зачем же нарушитель ушел туда?

– Не знаю!

– А ты зачем ходил? Скажешь, тропу проверял? И ничего не доложил Реутову?

– На следующую весну после катастрофы вода камни двигала, – неохотно ответил Тыгын. – Гул стоял, далеко было слышно. Ты тогда еще на заставе не служил. Потом один хороший человек пришел. Старый друг. Попросил: Тыгын, проведи на ту сторону.

– Провел?

– Трудно было, но кое-как прошли. Там ничего интересного нет. Ущелья завалены, скалы – как стекло. Тупик.

– И кто этот «хороший человек»? Договаривай уже, раз начал.

– Русанов. Слышал о нем?

– Основатель и хозяин корпорации «Сибирь»?! – неподдельно удивился Полынин. – Крестный отец современного мегаполиса?!

– Сын его. Андрей. Много мечтает, много хорошего делает. Он, как ты, – неожиданно добавил Якут. – О космосе мне все рассказывал. Говорит: я корабль старый купил, ремонтировать буду.

– Космический корабль? – машинально уточнил Глеб.

Тыгын кивнул.

– Он моему роду много помогал. Со мной дружил. Мы одно время росли вместе. Ничего плохого я не сделал, Глеб. Да, сводил его по ту сторону хребта. Но к службе это никакого отношения не имеет!

– Точно?

– Клянусь!

– Ладно. Останется между нами. Сейчас нарушителя нужно догонять.

– Догоним, – убежденно ответил Якут. – Ему деваться некуда. По тут сторону – тупик, – в который уже раз повторил он.

– А что Русанову было нужно?

– Не знаю. Он скалы оплавленные осматривал. С прибором каким-то ходил. Ничего не нашел.

– И больше он ни о чем тебя не просил?

– Нет. Два года его уже не видел.

– Ладно. – Глеб вызвал заставу.

– Реутов на связи!

– Лейтенант Полынин. Докладываю: находимся на высоте тысяча пятьдесят.

– Это у входа в пещеру? – полковник быстро сориентировался по электронной карте. – На старом маршруте контрабандистов?

– Так точно! Снайпером оказался серв. Китайского производства. С ним предположительно был человек.

– Взяли?

– Серв нейтрализован, человек ушел.

– Куда? Полынин, докладывай по существу!

– Проверяем. Старую тропу весенние воды разблокировали.

– Думаешь, он по лабиринту разломов ушел на ту сторону хребта?!

– Других предположений у меня нет. Разрешите начать преследование?

– Действуй, но помни: рассчитывать можешь только на себя и Якута, – честно предупредил Реутов. – Помощь при всем желании выслать не могу. Бой идет у Холодного ущелья.

– Слышали. Сами справимся. Связи какое-то время не будет.

– Докладывай при первой же возможности!

* * *

Прежде чем углубиться в систему внутрискальных разломов, Глеб вернулся на продуваемую ледяным ветром площадку, внимательно осмотрел серва.

Вне сомнения – китайский.

Признание Якута, по существу, ничего не проясняло.

О семье Русановых ходило много противоречивых слухов. Корпорация «Сибирь» считалась одной из богатейших промышленных групп в мире.

Интересно, что понадобилось наследнику огромной финансово-промышленной империи в горах? И почему он посетил место катастрофы тайком? О падении небольшого астероида Глеб, конечно, знал, но тема как-то проскользнула мимо его внимания, событие произошло в трудный для Полынина период, как раз на переломе судьбы.

Надо своими глазами все увидеть. Связан ли таинственный нарушитель с Андреем Русановым? Выясним. Хотя сомнительно – он снова взглянул на подбитого серва. Корпорация «Сибирь», насколько он знал, занималась серьезными научными исследованиями, выполняла многие правительственные заказы, в том числе и секретного, оборонного характера. Вряд ли Русанов стал бы использовать технику иностранного производства, своей хватает. Разве что для отвода глаз, чтобы в случае неприятностей все указывало бы на китайцев?

«Такой вариант тоже нельзя исключать», – подумал Глеб, возвращаясь в пещеру.

* * *

Тыгын ошибался, не только вода, но и люди поработали на расчистке завалов, преградивших старый маршрут контрабандистов.

– Два года назад едва прошли, – он с неподдельным удивлением рассматривал серый материал, укрепивший некоторые трещины в

скалах, грозящие новыми обвалами.

– Нанотехнологии, – пояснил Глеб. – Вспенивающийся состав на основе полимерных микрочастиц.

– Видел такое?

– В городах используется давно. А вот тут, – Глеб осветил лучом фонаря широкий проход, прорезанный в двух массивных каменных глыбах, – поработали лазером.

– Дорого, – заметил Якут.

– Зато быстро, – ответил Глеб.

Возникал закономерный вопрос: кто, когда и, главное, зачем вложил немалые средства в расчистку природного тоннеля?

Он просмотрел электронную карту.

– Тыгын, куда мы выйдем?

– Вот, – Якут указал на понижение рельефа по ту сторону хребта.

Глухой горный район. Небольшое плато в окружении скал. Три ущелья, ведущие в глубину российской территории, отмечены на карте условными знаками: «Обвал, непроходимо».

Над расчисткой извилистого каменного тоннеля явно потрудились сервы. Взгляд то и дело замечал характерные следы лазерного инструмента, работа была выполнена тщательно и рационально. Не зря Реутова пинали в штабе округа. Может, и ущелья по ту сторону тоже расчистили, восстановили старый маршрут?

Кто? Контрабандисты? Глеб сильно сомневался. Слишком неудобен отрезок старой тропы, ведущей ко входу в пещеру. Тут что-то другое.

– Тыгын, а как ты познакомился с Андреем Русановым? Что он за человек?

Якут некоторое время шел молча, затем все же ответил:

– Давно познакомились. Когда началось строительство мегаполиса. Мне всего лет семь было. Наш поселок в первый периметр стройки не попал, зато поблизости возвели офис корпорации «Сибирь» и небольшой жилой сектор. Русанов часто там останавливался, иногда с семьей жил по нескольку месяцев.

– Андрей с местными ребятами водился?

– Да, – ответил Якут. – Обыкновенный мальчишка, как все мы. Вместе росли. В тайгу ходили. Тогда еще не все леса выгорели.

– А позже ты с ним встречался?

– Ну, сказал же: два года назад. Он меня сам нашел. Я в отпуске был. Вспомнили детство, поговорили. Он сильно изменился. Говорит мне: я, Тыгын, полечу к звездам. На другую планету. Там тайгу выращу, а города строить не буду.

Глеб слушал, удивляясь скупому рассказу Якута.

– Тыгын, а что за корабль купил Андрей Русанов?

– Он говорил – «Альфа».

– Да брось! – не поверил Полынин. – Его же списали лет десять назад!

– А он купил! Еще сказал: все деньги потрачу, но к звездам полечу!

Умел Якут задеть за живое.

Звезды. Глеб на миг зажмурился, представил холодные, манящие, немигающие искры далеких светил.

Он тоже мечтал о звездах, а вот как жизнь повернулась. Неужели Русанов вопреки всему решился на частный колониальный проект?

«Нет, не потянет», – мысленно рассудил Глеб, имея в виду возможности отдельно взятой корпорации. Да и технологии, используемые для межзвездных прыжков, строго засекречены. «Альфа» – первый внутрисистемный грузопассажирский космический корабль, без сомнения, обладает рядом достоинств: на борту достаточно места для планетарной техники, есть специальные модули, уже оборудованные криогенными камерами, корабль огромен, необычайно живуч, спроектирован с избыточным запасом прочности, но все преимущества перечеркивал единственный недостаток – отсутствие внепространственного привода.

«Нет, Тыгын, скорее всего, неправильно понял Русанова», – подумал Глеб, мысленно отодвигая тему на второй план.

* * *

Путь по запутанному внутрискальному лабиринту занял почти два часа. На всем его протяжении им попадались следы недавней деятельности людей и машин, но не встретилось ни души, словно тоннель укрепили и прочно забыли о нем.

Ни датчиков систем обнаружения, ни элементарных видеокамер, как будто древний маршрут восстановили для какой-то разовой акции.

Впереди показался тусклый дневной свет, и Полынин жестом остановил движение группы.

Якут кивком указал на Яшку, замершего в ожидании команд, жестом попросил Глеба: придержи его, я сам проверю.

«Действуй», – так же на языке жестов ответил Полынин, вскинул «Абакан», страхуя Тыгына.

Темный силуэт промелькнул на фоне дневного света, исчез, а через пару минут появился вновь.

– Ну? – тихо спросил Глеб.

– Часовой. Один. Мимо незамеченными не пройдем. Снять его? – Якут выразительно коснулся ножа.

– Не торопись, – Глеб выдохнул, убрал палец со спусковой скобы. Если выставлен пост, значит, на плато как минимум перевалочная база контрабандистов. Нужно все тщательно выяснить, и желательно без шума. Вдвоем в бой лучше не ввязываться. Но и повернуть назад, ничего не разведав, – не вариант.

– Тихо сниму.

– Да подожди, успеем, – Глеб передал Яшке инструкции, и серв медленно, бесшумно выдвинулся вперед, снова замер, сканируя частоты связи.

Локальная компьютерная сеть! Совсем обнаглели… Ага, вот и опрос часовых. Ответный условный сигнал. Яшка его записал, сможет воспроизвести.

– Тыгын, действуй. Оглуши, но не убивай.

– Понял!

* * *

Тоннель заканчивался на небольшом выступе сглаженной ветрами скалы. Вниз, петляя, уходила старая дорога.

Часовой, снятый Якутом, не шевелился. Глеб первым делом проверил его, но не нашел ничего информативного. Мужик лет сорока, в серо-черном камуфляже, без документов. На оружии номера спилены, экипировка безликая, нет даже намека на фирму-производителя.

Не за что зацепиться.

Он лег на живот, осторожно подполз к краю обрыва, взглянул вниз.

Знойное полуденное марево истекало от скал, искажая контуры рельефа, скрадывая расстояние. Даже в электронный бинокль местность просматривалась нечетко. Никакого намека на растительность, в центре небольшого плато высился каменистый холм, напротив темнел узкий разлом одного из ущелий.

Никаких следов поселения или лагеря. Голые скалы. Встречное излучение не фиксируется, значит, высокотехнологичных рубежей охраны нет. Но на связь с заставой выходить опасно, передачу, конечно, не расшифруют, но засекут однозначно.

Он обернулся. Якут осматривал трофейную снайперскую винтовку. Часовой по-прежнему не шевелился.

– Тыгын, приведи его в чувство.

Внизу показалось трое боевиков. Патруль? Они прошли под скалами, даже не взглянув наверх, и скрылись правее холма. Чувствуют себя в полной безопасности.

Глеба насторожил рельеф плато, частично смоделированный по показаниям сканеров. После падения астероида должен остаться кратер, а он наблюдал пологий выступ скал в центре, да и периметр отвесных стен в пределах видимости сохранил отчетливые формы выветривания. Все это не вписывалось в версию природной катастрофы.

Часовой застонал, сел, тряхнул головой, озираясь по сторонам. Тыгын не стал его развязывать, предусмотрительно отобрал коммуникатор, отключил устройство связи, кляп изо рта тоже вынимать не стал.

– Сколько вас? – Глеб начал допрос. – Отвечай кивком. Десять?

Лицо нарушителя окаменело. Он пришел в себя, осознал ситуацию и чего-то испугался, до паралича мышц.

– Двадцать? – продолжил Глеб, ожидая ответа. – Тридцать?

Глаза пленника расширились, он вдруг конвульсивно дернулся всем телом и обмяк.

– Проклятье! – Глеб проверил пульс. – Умер!

– От страха? – Тыгын невозмутимо исследовал окрестности, одновременно оценивая возможности трофейной оптики.

– Понятия не имею. Яшка, сканируй его на предмет вживленных устройств!

Так и есть! Микрочип в правой височной области. Знаем мы такие устройства… Оно и убило пленника. Чтобы ничего не выболтал.

Чип маломощный, он предназначен для работы в паре с коммуникатором, а тот выключен. Сигнал тревоги, посланный перед смертью, не прошел.

«Что делать? Возвращаться назад по тоннелю? Потеряем два часа, не меньше. Пока безопасно, свяжемся с заставой, труп уже обнаружат, поймут, в чем дело. Если есть лазейка – нарушители ускользнут, и тогда ищи их…»

– Что делать будем? – тихо спросил Тыгын.

– Спускаться. Нужно проверить, кто здесь обосновался. Яшку оставим, он будет имитировать часового.

* * *

Спуск по старой дороге обошелся без проблем. Серв наблюдал за местностью, но тревожных сигналов не подавал, и Глеб указал направление – к холму. Короткими перебежками от укрытия к укрытию, прикрывая друг друга, контролируя обстановку, они преодолели опасный отрезок и внезапно вышли к участку оплавленной поверхности.

След от падения астероида? Слишком мал. Разве что космический скиталец взорвался высоко в атмосфере, а сюда упали лишь небольшие его фрагменты?

Нет, не похоже… След на остекленевшей скале узкий и вытянутый – Глеб уже добежал до подножия холма, начал взбираться вверх, замечая

все новые и новые следы воздействия сверхвысоких температур, как вдруг впереди показался… ход сообщения!

– Тыгын?

Якут уже был рядом.

– Видел это раньше? – Глеб спрыгнул в траншею, отчетливо узнавая следы работы специализированной техники. Траншея, прорезанная в трещиноватой скале, выглядела знакомо, практически не оставляла сомнений: здесь использовались штатные инженерные машины, состоящие на вооружении ВКС России!

Тыгын кивнул.

– Видел.

Выше по склону поверхность скал принимала черно-серый оттенок, следы плавления виднелись теперь повсюду.

Версия о падении астероида, похоже, очередной фарс.

Глеб осмотрелся.

Никого вокруг. Тишина стояла звонкая, зловещая, ни шагов, ни голосов, ни звука работающих двигателей, лишь ветер поднимал пыль, овевая оплавленные скалы.

– К вершине! – коротко приказал он.

Два капонира, рассчитанные под габарит боевых машин космодесанта, командный пункт с просевшим перекрытием, оплывшая, утратившая четкость линий змейка траншей, – с гребня высоты открывалась панорама противоположного склона.

«А это что?» – Глеб присмотрелся, с внутренней дрожью различил на фоне оплавленного камня более светлое пятно, очерчивающее смутный контур человеческого тела!

Дозиметр молчал. Радиационный фон в норме.

Все новые и новые подробности отгремевшего тут боя бросались в глаза. Вот на краю оплывшего капонира в стекловидную массу вплавлены потерявшие форму обойменные лотки от импульсных орудий БМК. Куда же подевалась боевая машина космодесанта? Глеб присел, осмотрел сколы. Технику, похоже, эвакуировали. Кто-то подчистил следы боя, но не смог уничтожить их полностью. Для этого пришлось бы подорвать, превратить в каменное крошево всю территорию плато.

Множество вопросов не находило здравого, логичного объяснения. Например, что за оружие использовалось против взвода космического десанта? С кем вело бой подразделение ВКС?![2]

Местность с вершины холма просматривалась неплохо. Следы плавления, замеченные на склонах, располагались хаотично, в них не прослеживалось симметрии. Шрамы, исполосовавшие скалы, практически уничтожившие систему круговой обороны, имели разную форму и протяженность, многие перекрещивались под различными углами.

Глеб четко различил две наиболее характерные формы повреждений, мысленно классифицировал их. Одни могли быть оставлены мощными лазерными разрядами, другие, выраженные менее четко, но охватывающие большие площади, в теории походили на след от применения плазменного оружия.

– Тыгын, кто рассказал тебе о падении астероида?

– Я же говорил: сам видел, – откликнулся Якут. – Огонь в небе над горами. Глазам больно стало.

– Ты заметил одну вспышку?

– Нет. Много-много. Часто.

– А дым? Длинный шлейф в небе?

– Нет, не видел. Русанов тоже спрашивал. Я рассказал. Грохот стоял. Скалы дрожали. Свет угасал и вспыхивал.

– Как ночью, если вдруг бой?

– Точно! – кивнул Якут. – Как будто бой. Зарницы. Только глазам больно. И звук, как гром.

– Вы с Русановым что-нибудь нашли?

– Ничего. Я ему говорил: много ученых приезжало. Все забрали.

– А как эти ученые сюда добирались?

– По воздуху.

– Вертолеты на таких высотах не летают. Им через хребты не перевалить.

– Космические машины. Челноки, – скупо ответил Якут. – Так на заставе сказали.

Глеб задумался.

Ситуация понятнее не стала. Лазерные типы вооружений предполагаемой мощности пока существуют только в проектах, о плазменном оружии вообще пишут только фантасты. Связь с реальностью имеют лишь уничтоженные позиции взвода космического десанта, спланированные по известной Глебу схеме.

«Похоже, правду скрыли глубоко и тщательно, – с горечью подумал он. – Так же, как информацию о событиях в колонии Новая Земля».

Тонкий писк предупреждающего сигнала прервал его мысли.

Яшка что-то заметил, поднял тревогу!

– В траншею! – Глеб, не мешкая, первым спрыгнул в ход сообщения, притаился, затем выглянул поверх оплавленного бруствера.

Пятеро неизвестных в одинаковой серо-черной экипировке появились из сумрака ущелья. Они сопровождали человека в штатском.

– Сидим тихо, наблюдаем.

Якут, ступая мягко и бесшумно, переместился левее, залег в оплывшей стрелковой ячейке.

Из глубины ущелья послышался звук работающего двигателя, затем окрестности огласил визг, сопровождаемый дробным перестуком падающих камней.

Расчищают путь? Или пытаются что-то извлечь из-под обломков скал?

Ответить на заданные себе вопросы Глеб не успел. Далеко со стороны границы на пределе слышимости вдруг ухнула серия разрывов, и шестеро неизвестных мгновенно насторожились.

Один из них вытянул руку, указывая в направлении хребта, второй коснулся мочки уха, активируя коммуникатор.

Яшка ответил немедленно условным сигналом на заданной частоте.

Неизвестные остановились. Низкорослый человек в штатском нервно осмотрелся по сторонам, а затем вдруг самостоятельно вышел на связь, используя тот же коммуникационный канал.

Резкая требовательно-вопросительная фраза, произнесенная на китайском языке, явно адресовалась часовому, которого снял Якут.

Глеб мгновенно изготовился к бою, жестом указал Тыгыну позицию: выше и левее по склону, в развалинах КП.

Ознобом рвануло по телу. Нервы и без того натянуты в струну…

В эфире тишина.

Внятного ответа не последовало. Сервы в совершенстве владели несколькими языками, в том числе и китайским, но вопрос был задан с использованием малоизвестного диалекта, и Яшка медлил с ответом. Он не сумел распознать смысл фразы и теперь подгружал различные словари, хотя это уже не играло роли, – наступившая пауза дала противнику повод к серьезным подозрениям.

Вновь прозвучал резкий вопрос.

Яшка не отреагировал. Его нейросети оказались бессильными во внезапно возникшей ситуации.

«Вот почему они никогда не смогут заменить людей», – мельком подумал Глеб, напряженно наблюдая за противником.

* * *

– Яшка, уходи! Приказываю: доложить на заставу! В бой не вступать!

События резко приняли стремительный, непоправимый оборот.

Из глубины ущелья показалась еще одна группа нарушителей – человек пятнадцать, не меньше. Отголосок завязавшегося у границы боя и молчание оставленного у тоннеля наблюдателя чужаки мгновенно и безошибочно взаимосвязали, опыта им было не занимать, никто не ударился в панику, не замешкался, серо-черные фигуры моментально рассыпались в стороны, занимая доступные укрытия, затем приглушенно хлопнул выстрел из подствольного гранатомета.

Наномашины!

Капсула с микросканерами разорвалась на высоте сотни метров, и тотчас по связи пришло предупреждение – серв докладывал о формировании сети микроустройств!

– Попали мы с тобой, – сквозь зубы процедил Глеб.

Якут замер, ничем себя не выдавая.

«Почему Яшка не ушел назад по системе внутрискальных разломов?! Я же отдал ему приказ!»

Серв не подчинился! Резкое изменение оперативной обстановки протекало на фоне явной несостоятельности его искусственных нейросетей, до этого имевших неоспоримый приоритет над кибернетическим ядром системы.

Все изменилось за одно мгновенье.

Колониальные сервы проектировались, исходя из возможности возникновения самых разных ситуаций. Для каждой заранее программировалась последовательность действий. Нейросети в процессе саморазвития должны были создать уточняющие взаимосвязи между инструкциями и эквивалентом «жизненного опыта», накопленного в условиях иной планеты.

Как и предупреждал Глеб, эти механизмы не были предназначены для несения боевой службы в рамках Земли. Каждый человек по изначальному определению являлся другом. Но с начальством не поспоришь. Сервов, отправленных на границу, грубо перепрограммировали, просто и незатейливо создали новый приоритет, ввели (на период переобучения) опцию безусловной защиты «хозяина».

Глеб считал такой подход неправильным, но его мнения не спрашивали. Внезапное обострение обстановки на границе требовало хотя бы продемонстрировать группы боевых кибермеханизмов, несущих службу на заставах России.

Доигрались!

Программная привязка к отдельным офицерам, отвечающим за обучение механизированных групп, стала роковой ошибкой.

Яшка не ушел с позиции. Ядро его кибернетической системы, отстранив нейросети как сбойный, несостоятельный элемент своей архитектуры, приступило к реализации программ: сканеры зафиксировали сеть наномашин, отследили каналы обмена данными, оценили угрозу, исходящую от боевиков, мгновенно вычислили тех, кто направил оружие в сторону Глеба.

Один из них, вооруженный крупнокалиберной снайперской винтовкой, в этот момент действительно целился в лейтенанта Полынина, получая данные от витающих в знойном воздухе микромашин.

Укрытие уже не спасало Глеба. Мгновенно произведенное моделирование ситуации неизбежно вело к гибели человека, которого Яшка должен был защищать. Полученный приказ: отступить и доложить на заставу – был признан вторичным.

Манипуляторы цепко впились в камень, каплевидный корпус чуть приподнялся над обломком скалы, бесшумно открылись диафрагменные порты, коротко рявкнула прицельная очередь интегрированного двадцатимиллиметрового орудия, неподалеку от входа в ущелье лег пунктир огненных всплесков, осколки камня, оставляя сизые шлейфы, брызнули по сторонам, целившийся в Глеба наемник даже не вскрикнул – он погиб мгновенно.

– Тыгын, связь с заставой! – Полынин сменил позицию, ушел правее по оплавленному ходу сообщения, краем сознания отметив тусклую россыпь гильз от крупнокалиберного пулемета, попавшуюся под ноги.

Якут попытался, но тщетно. Наномашины не только передавали информацию наемникам, они блокировали связь, маркеры доступных спутников потускнели и исчезли, горное плато, со всех сторон окруженное отвесными скалами, превратилось в ловушку!

Бой разгорался. Наемники распределили цели, сориентировались: пятеро вели ураганный огонь по скальному выступу, где занял позицию серв, четверо обстреливали Глеба и Тыгына, остальные, разбившись на пары, начали обходить небольшую возвышенность.

В их действиях не ощущалось паники. Они вели себя уверенно, считая этот участок горной местности своей территорией.

Над скальным выступом, клубясь, разрасталось облако пыли.

Яшка отстреливался скупо, но точно. Двоих он уложил в момент перебежек, всклубившая каменная пыль не мешала ему целиться, но и противник видел его энергетическую матрицу – наномашины отслеживали каждое движение серва.

Тыгын потерял связь с Полыниным. Старый командный пункт с просевшим, растрескавшимся сводом не выглядел надежным укрытием. Скорее он походил на ловушку.

Нанопыль, кружа в восходящих потоках нагретого воздуха, осядет еще не скоро. Связи не будет как минимум час.

Значит, ровно столько нужно продержаться.

Куда подевался Глеб? Он уходил вправо по ходу сообщения, но это было минуту назад, перед потерей визуального контакта.

Серв продолжал сковывать противника. Очереди автоматического огня рассыпались дробным эхом, два выстрела из реактивных противотанковых гранатометов взметнулись черно-оранжевыми разрывами, изрядный фрагмент скалы внезапно надломился, скатываясь по голому, лишенному растительности склону рокочущим камнепадом.

«Все?» – Тыгын метнулся вправо, вслед, высекая искры, полоснула очередь крупнокалиберного пулемета – он бил со стороны ущелья, там, среди выветренных скал, выдала себя огневая точка!

– Глеб? – он заметил Полынина. Лейтенант обернулся, жестом указал направление, сделал знак: принимай данные!

Якут переключился на систему лазерной связи, получил координаты цели. Пулеметное гнездо располагалось на высоте тридцати метров!

– Я прикрою!

Полынин, вооруженный «Абаканом», достать пулеметчика не мог, что с сервом – непонятно.

Тыгын не медлил. Не зря же тащил на себе трофейную снайперскую винтовку! Пока Глеб, экономя патроны, огрызался короткими очередями, заставляя наемников искать укрытия, жаться к скалам, он поставил оружие на сошки, прицелился.

А позиция у пулеметчика старая, оборудованная давно! Якут ожидал увидеть импровизированный бруствер, сложенный из крупных камней, но ошибся: укрытие было вырезано в скале при помощи лазера. Узкие бойницы, высокие монолитные стены, – шанс уничтожить противника одним или несколькими выстрелами ничтожен!

– Глеб, отходим! Мне его не снять!

– Понял, – Полынин принял данные от Тыгына, быстро сориентировался.

«Мы у них как на ладони! Изгиб хода сообщения простреливается, до гребня высоты тоже не добежим!»

Снизу к небольшой высотке подбирались наемники. Кто они, почему обосновались тут, сейчас уже не так важно.

Пулемет ударил вновь, раскатисто, уверенно. На фоне скал был виден хоботок огня. По оплавленному брустверу взметнулись султанчики каменной крошки, но очередь не стихла, метнулась зигзагом из стороны в сторону.

Прижали огнем. Головы не поднять. Глеб изловчился, одну за другой перекинул через бруствер три гранаты – две с антилазерным спреем и одну осколочную.

Взрывы ударили глухо. На высоту в десяток метров взметнулись облака микрочастиц, преломляющих свет. Не бог весть что, но пулеметчику сейчас уже не прицелиться, весь склон брызнул преломленным солнечным светом. Пока он переключится на показания сети наномашин, пройдет секунд десять, это если боец опытный, привычный к работе с микродатчиками.

– Тыгын, ходу!

Полынин первым рванул вверх по склону. По ту сторону возвышенности «мертвая зона», только нельзя забывать о наемниках, что пошли в обход!

Якут по непонятной причине замешкался.

– Ну, где ты?!

В ответ дважды сухо ударили выстрелы снайперской винтовки, следом полоснула длинная автоматная очередь, раздался близкий вскрик, а через некоторое время на позиции Полынина среди оплавленных камней показался Тыгын. Его лицо было сосредоточенным, злым.

– Двоих снял!

Глеб уже осмотрелся, указал на скалы, вплотную примыкающие к противоположному краю небольшого плато.

– Укроемся там.

* * *

Яшку задело осколками, посекло манипуляторы, завалило камнями.

Он замер, не двигаясь, оценивая нанесенный ущерб, затем мобилизовал резервные датчики.

Группа из семи противников быстро поднималась к его позиции. Двое несли нетяжелый, но объемистый пластиковый ящик, остальные прикрывали их, постоянно оглядываясь по сторонам.

Никто из наемников на этот раз прямо не угрожал его хозяину, и в системе вновь наступил сбой.

Программы колониального серва резко конфликтовали с установленными позднее боевыми модулями.

Первые рассматривали людей как дружественных существ, вторые требовали их немедленного уничтожения как врагов!

Люди приближались, а внутренний конфликт не находил решения, и в действие вступил третий тип программ, до сих пор не напоминавший о себе.

Система безопасности, установленная для неукоснительного соблюдения тайны технологий, реализованных в конструкции серва, запустила процедуру самоуничтожения.

Яшка не мог уйти. Он представлял собой сгусток противоречий. Сконструированный для созидания, оснащенный сырыми, не доведенными «до ума» боевыми программами серв не находил решения, не видел выхода из тупика.

Секунды обратного отсчета промелькнули и иссякли.

Чудовищной силы взрыв потряс окрестности. Выступ скал, образующий площадку перед входом в систему внутрискальных разломов, не выдержал, рухнул, огромные каменные глыбы покатились вниз, сметая фигурки людей.

Пластиковый контейнер, который несли двое наемников, увлекло вслед за обвалом, он несколько раз перевернулся, затем врезался в нагромождение угловатых камней, образовавшееся у подножия склона, и треснул по всей длине.

* * *

Глеб и Тыгын еще не успели уйти с позиции, когда раздался оглушительный взрыв.

Полынин резко обернулся.

– Самоликвидация!

– Яшка?! – переспросил Якут.

– Ну а кто еще? – Глеб включил систему оптического увеличения. Среди взметнувшихся клубов пыли он различил катящиеся по склону камни, заметил несколько человеческих фигур, распластавшихся в неестественных позах, и, наконец, увидел контейнер, который в этот миг промелькнул в поле зрения.

Полынин остановил кадр, детализировал его.

– Тыгын, планы меняются!

– Почему? – Якут наблюдал за обстановкой.

– Наемники пытались эвакуировать какой-то груз. Надо проверить.

– Реутов пришлет людей, вот тогда и проверим.

– Не пришлет. Тропа теперь перекрыта, плато изолировано. Мы здесь в ловушке вместе с наемниками. Врагов поубавилось, но нам от этого не легче.

– Позиция у пулеметчиков хорошая, – хмуро заметил Якут. – Я в прицел видел. Высоко засели в скалах. Туда со стороны ущелья ход должен вести.

– Дело говоришь, – Глеб задумался. Если укрепление создано инженерными машинами ВКС во время загадочных событий двухлетней давности, то есть шанс продержаться. Но как туда попасть?

– Прорвемся к ущелью? – Тыгын понимал сложность ситуации, но сдаваться не собирался, духом не падал. – Там ведь нас не ждут?

– Верно, – кивнул Полынин. – Есть у меня одна мысль.

В воздухе витала едкая пыль. Эффективность наномашинной сети резко снизилась, появился шанс добраться до пулеметного гнезда, только действовать нужно быстро!

* * *

Глеб первым добежал до осыпи камней. Поднявшийся ветер и полуденная жара помогали двигаться скрытно. От голых, лишенных

растительности скал истекало знойное марево, ослепляя датчики инфракрасного спектра. Ветер почти рассеял пылевое облако, но и наномашины попали под его воздействие, большинство микрочастиц отнесло к западу, их сканеры уже не охватывали всю площадь плато, и наемники утратили информационное преимущество.

Расколотый контейнер Глеб отыскал сразу. Прочный пластиковый кофр изнутри был покрыт мягким пеноматериалом. Его содержимое – оплавленные обломки непонятных устройств, фрагменты брони и упакованные отдельно, источающие неяркое свечение каплевидные предметы выглядели незнакомо. Глеб остерегся прикасаться к ним, прошелся по странному грузу излучением комплексного сканера, но прибор не сумел распознать и проанализировать структуру материала, из которого были изготовлены предметы!

Глеб повторил сканирование. Из собственного опыта он знал: сканер без труда идентифицирует любые известные на Земле материалы и их производные!

– Поторопись! – Якут заметно нервничал. Наемники, от которых удалось оторваться, вновь показались вдалеке. Осматривая периметр котловины, они не пропускали ни одного укрытия, где могли бы спрятаться двое пограничников. На гребне возвышенности, в центре окруженного скалами плато, также появился противник.

– Готово! – Глеб все же рискнул, схватил два каплевидных предмета, рассовал их по кармашкам разгрузки. – К скалам! В темпе!

Фантом-генераторы, установленные Полыниным, сработали поочередно, формируя оптическую иллюзию и характерный тепловой контур бегущих людей.

С высоты расположенного в скалах укрепления ударил пулемет, поисковые группы тут же прекратили прочесывание местности, наемники мгновенно рассредоточились, все внимание противника сейчас сконцентрировалось в противоположном направлении.

Глеб и Тыгын бегом преодолели с полсотни метров, прижались к скале, под нависающим каменным козырьком. Вход в ущелье располагался правее. Над головой вновь рыкнул крупнокалиберный пулемет.

– Куда дальше? – Якут успел окинуть цепким взглядом ближайшие скалы, но не нашел ничего похожего на лаз.

Полынин завершил сканирование. Отвесная, выветренная, местами оплавленная скала. Никаких следов крепления тросов или других подъемных приспособлений.

Как добраться до огневой точки?

Через ущелье. Иных вариантов нет.

– Туда! – Глеб указал на сумеречный разлом.

* * *

Обвал, вызванный давними взрывами, заполнил теснину ущелья массивными угловатыми глыбами. Стены носили уже знакомые следы плавления, в сумраке ярко сияли сборки переносных осветительных устройств. Их свет, направленный на расчищенный от камней участок, играл неровными бликами на какой-то глянцевитой поверхности.

Глеб и Тыгын затаились, осматриваясь.

Звуки стрельбы стали глуше, небольшой по протяженности отрезок ущелья выглядел таинственно. Справа в оплавленной скале зиял разлом, видимо, по нему наемники сумели подняться к старому укреплению.

Якут вопросительно взглянул на Глеба.

«Прикрой, сканирую», – жестом ответил лейтенант.

Тыгыну такое решение не понравилось, и он взглядом указал на расселину.

«Нет!» – вновь используя язык жестов, отрезал Полынин. Он успел проанализировать увиденное. На скалах, поверх следов воздействия высоких температур, прослеживались глубокие борозды. Прежде ущелье было завалено каменными глыбами. Кто-то произвел огромный объем работ, расчистил оползень и начал прокладывать широкий тоннель: обломки скал измельчались в гравий, вышележащие глыбы скреплялись между собой современными материалами, способными проникать в зазоры, образуя прочные спайки.

Тоннель успели проложить метров на пятьдесят. Под искусственно созданным каменным сводом угадывались обтекаемые очертания некоего объекта, подле него, несмотря на тревожные события, продолжали работать люди.

Понять, что именно тут происходит, по мнению Глеба, было крайне важно. Ясно, что два года назад на небольшом плато держал оборону взвод военно-космических сил России, оснащенный самыми современными инженерными средствами и системами вооружений. Следы плавления скал, их направленность и различная площадь воздействия сверхвысоких температур наводили на мысль о том, что позиции взвода подверглись атаке с воздуха.

Мысли, сконцентрированные в нескольких мгновениях напряженного ожидания, получили неожиданное подтверждение.

Системы сканирования очертили контур объекта.

«Космический корабль!» – догадка обдала волной дрожи, мурашки побежали по телу от внезапно сделанного открытия.

«Неземной. Явно неземной, – лихорадочно думал Глеб, ведя запись поступающих данных. – Что же получается? Здесь произошло столкновение между подразделением ВКС России и иной космической цивилизацией?!»

Следы того боя убрали, но полностью уничтожить все свидетельства не смогли, прикрылись версией о падении небольшого астероида, его взрыве в атмосфере над горами. Но как же военные специалисты, работавшие тут два года назад, не смогли обнаружить космический корабль, погребенный под обвалом?

Очень странно. Возникало нехорошее предчувствие, будто его намеренно «не заметили», а затем передали информацию неким заинтересованным лицам, которые и организовали повторное исследование, обнаружили инопланетный объект, а затем прочно обосновались тут в приграничье, чувствуя себя как дома!

Система экипировки подала сигнал. Сбор данных завершен. По показаниям сканеров была построена модель объекта. В его заостряющейся носовой части повреждения выглядели наиболее серьезными, там прослеживалась деформированная полость, скорее

всего, отсек управления, где среди искореженных конструкций приборы зафиксировали органические останки!

Тело погибшего пилота?!

Якут коснулся плеча напарника, привлекая внимание.

Стрельба стихла, по всей видимости, наемники обнаружили источник ложных сигналов и теперь вновь приступили к прочесыванию местности.

Дальше медлить опасно. Неожиданно сделанное открытие не оставляло сомнений: их не выпустят отсюда живыми!

«Почему нет встречного сканирующего излучения? – спросил себя Глеб. – Неужели они не установили электронный рубеж охраны на подступах к объекту?

Резонно, если работа электронных устройств в непосредственной близости от корабля иной космической цивилизации способна вызвать какие-то неизвестные мне, но явно нежелательные последствия, – запоздало догадался он. – Выходит, только что произведенное мной сканирование может послужить источником новых проблем?!»

Тыгын вновь коснулся его плеча.

«Почему медлим?»

В глубине «раскопа» внезапно возникло движение. Работавшие там люди неожиданно всполошились, четверо бегом кинулись прочь, раздался скрежет, словно заработал серьезно поврежденный механизм, затем теснину вдруг осветила серия рубиновых вспышек!

Трое бегущих к выходу упали, на поверхности скал появились раскаленные темно-вишневые пятна, раздался треск – это лопался перегретый камень, тоннель тут же начал наполняться дымом, со стороны неопознанного объекта вторично ударили лазеры, на этот раз по сервам, которые занимались укреплением свода.

Сканирование, произведенное Глебом, активировало дремлющие подсистемы инопланетного корабля! Сработали устройства автоматической защиты, но их энергоресурс был явно истощен, третья серия лазерных разрядов не причинила вреда ни сервам, ни людям, пытающимся спастись бегством.

Первым не выдержал Якут. Он не совсем понимал, что именно происходит, но видел врагов: шесть человек, бегущих в их сторону, были

вооружены, от свода начали спускаться сервы, кто-то истошно орал, смрадный дым нес запах обгорелой плоти, ударили несколько выстрелов – это спасающиеся бегством наемники заметили пограничников.

Тыгын дал короткую очередь, резко отпрянул, вжался в скалу.

Полынин перекатом ушел к противоположной стене, привстал на колено, серией одиночных выстрелов обезвредил серва, не зная, вооружен тот или нет?!

Якут вновь открыл огонь, еще один наемник мешковато осел на землю, остальные, быстро сообразив, что к чему, бросились к ближайшим укрытиям, прячась за массивными обломками скал.

– Тыгын, пошел! – Глеб привстал, сдерживая противника короткими очередями. В ограниченном пространстве выстрелы звучали оглушительно, пули визгливо рикошетили, казалось, все вокруг полнится слепо несущейся смертью.

Якут благополучно скрылся в расселине.

Полынин выждал пару секунд и не ошибся – плотный ответный огонь ударил почти мгновенно, что означало – боевики привстали из-за укрытий. Одни стреляли, другие держали под прицелом пространство тоннеля, ждали, когда их противник не выдержит, попытается сменить позицию или ответить, ведь деваться-то некуда, со стороны плато уже спешат группы, прочесывавшие местность!..

Глеб метнул вдоль пола две светотермические гранаты, поставленные на небольшую задержку, на миг отвернулся, пережидая нестерпимые магниево-белые вспышки, затем рванулся к расселине.

Ни одного выстрела. Автоматический огонь стих, лишь серв, у которого выжгло датчики, бестолково царапал манипуляторами по камню.

Мрак расселины, дружеский толчок кулаком в плечо, вид двух туго натянутых тросов, к которым прикреплены каретки с электродвигателями, – все слилось в одно ощущение – прорвался, выжил!..

– Гранаты есть?

Тыгын с готовностью расстегнул подсумок.

– Давай, – на этот раз Глеб выбрал осколочные. – Держи вход! – он прикрепил три смертоносных заряда к подъемному устройству, коснулся сенсора, отсылая механизм вверх.

Грубо, но действенно. Иного выхода все равно нет. Противники матерые, это уже понятно. Те, что засели в господствующем над местностью укреплении, чувствуют себя полными хозяевами положения. По логике их двое. Один по-прежнему контролирует окрестности, другой приготовился встретить незваных гостей, злобно радуется подрагиванию троса.

Строенный взрыв ударил оглушительно, вниз посыпались камни, взвизгнули осколки, один трос лопнул, хлестнул по стенам стальной плетью, только искры сыпанули, второй лишь глухо завибрировал, выдержал.

– Наверх!

Тыгын одной рукой ухватился за исправную каретку, коснулся сенсора и исчез во мраке.

Глеб присел, укрывшись за угловатым камнем, удерживая под прицелом вход.

Секунд тридцать прошли в напряженной тишине. Сверху не раздалось ни выстрелов, ни звуков борьбы, зато со стороны тоннеля послышались мягкие крадущиеся шаги.

«Возиться со мной не станут, закидают гранатами…»

Вниз соскользнула каретка подъемного механизма. Якут на позиции, все чисто.

Глеб для острастки дал очередь, ухватился за крепление подъемника, почувствовал, как ноги оторвались от пола.

Он уже выбирался на площадку верхнего укрепления, когда в глубине расселины ухнул гранатный разрыв, горячая ударная волна подтолкнула, обожгла, от едкой пыли перехватило дыхание.

– Подорви трос! – сдавленно просипел он, откатился к стене, зашелся в кашле.

* * *

Как и предполагал Глеб, укрепленная огневая точка, вырезанная в скальной породе, была создана специальными инженерными машинами, какие при полной комплектации входят в состав штатного оборудования взвода космодесанта.

Сервы потрудились на славу. Снаружи укрепление невозможно отличить от фона окружающих скал, изнутри же оно обработано составом, цементирующим камень, проникающим сквозь мельчайшие поры и трещины. Единственный вход выполнен в форме вертикального колодца. Над ним, закрепленные у свода, сейчас покачивались обрывки тросов.

Якут присел подле амбразуры.

Из укрепления хорошо просматривалось плоскогорье и вход в ущелье. Наемники об этом знали и не показывались на открытой местности.

«Положение, по сути, патовое, – подумал Глеб. – Мы в ловушке, но можем продержаться достаточно долго».

– Теперь, Тыгын, надежда только на связь, – он присел, укрепил датчик на обрывке троса, добавил к нему последнюю оставшуюся гранату, спустил нехитрое устройство метра на три вниз. – Как дела у тебя с патронами?

– Четыре полных магазина к «Абакану» и три обоймы к «снайперке», – ответил Якут.

– Негусто. У меня три рожка, один неполный, – Полынин отыскал взглядом припорошенный пылью массивный люк, – сервы вырезали его из камня, используя подручный материал при строительстве укрепления. Сдвинуть его? Перекрыть колодец? Пожалуй, хоть от нескольких выстрелов из подствольного гранатомета гарантированно убережет.

– Тыгын, помоги.

Вместе они сдвинули массивную преграду, установили ее на место, оставив лишь небольшой зазор для троса с укрепленным на нем датчиком.

– Притихли, – обронил Якут, возвращаясь к амбразуре.

«Да, неразговорчивый у меня напарник», – Глеб активизировал коммуникатор кибстека. Устройство связи мигнуло искоркой индикатора,

включился миниатюрный дисплей, началось сканирование доступных частот.

Наемники не рвались штурмовать укрепление. Все стихло, никакого движения вокруг, будто этот участок гор никогда не посещался людьми.

Коммуникатор поймал два слабых сигнала спутников.

Один гражданский, определил Глеб по условному коду, высветившемуся на дисплее, второй военный, причем наш.

Прямой связи с заставой нет. Мешают горы.

– Наши вне зоны действия, – сообщил Глеб.

Тыгын кивнул, даже не обернувшись. Он не удивился, вообще не выказал никаких эмоций, лишь достал из внутреннего кармана свой коммуникатор.

– Ты кому звонить собрался?

– Русанову, – ответил Якут. – Он поможет.

– Тыгын, притормози! – нахмурился Глеб.

– Почему? Андрей хороший человек, – упрямо повторил Якут.

– Я приказываю – не звонить!

Тыгын все же обернулся.

– Почему? – вновь спросил он. – На заставу не доложить. Тропу, по которой пришли, завалило. Патронов мало. Сколько мы продержимся?

– А чем твой Русанов поможет?

– Быстро пришлет людей.

– По воздуху? – усомнился Глеб. На таких высотах «вертушки» не тянут. Дорога, как справедливо подметил Якут, сюда теперь не ведет.

– У него есть машины, не знаю, как называются. Одна прилетала за нами, когда мы в прошлый раз тут побывали. Русанов ногу повредил, идти через горы не мог.

– Интересно, – Глеб устанавливал соединение с военным спутником. Он знал, что существуют опытные образцы двигателей, основанных на эффекте антигравитации, но они только начали проходить испытания на полигонах ВКС. В принципе машина с установленным на ней антигравом способна преодолеть расстояние в тысячу километров за два-три часа, при этом горные высоты и разреженный воздух помехой не являются. Вопрос: откуда в распоряжении владельца корпорации «Сибирь»

сверхсекретная разработка? И кого он пришлет в помощь пограничникам? Бойцов своей частной корпоративной армии?

– Тыгын, я не знаю Русанова, может, он действительно хороший человек, но корпам[3] тут делать нечего, – не терпящим возражений тоном произнес Полынин. – Ты все видел. В глубине ущелья какой-то неопознанный объект. Думаю, это небольшой космический корабль неземного происхождения. Ни Русанов, ни кто-либо другой информации о нем не получит, даже если наше положение станет совершенно отчаянным.

– Это приказ? – уточнил Тыгын.

– Приказ. – Глеб не собирался вступать в полемику.

– Будем отбиваться?

– До последнего. Но не унывай, – он быстро набрал условный код на крохотной экранной клавиатуре. – Помощь скоро придет.

Якут лишь молча кивнул.

* * *

Глеб не получил ответа на отправленное сообщение, но не сомневался, что его уже приняли в штабе военно-космических сил.

От усталости болела голова, мышцы ломило, чувство голода пришло и угасло, а вот пить хотелось все сильнее.

Он сделал экономный глоток из фляги.

После скоротечной схватки в ущелье прошло уже минут десять, а наемники ничего не предпринимали.

Сеть наномашин постепенно теряла функциональность, большинство микрочастиц отнесло ветром, некоторые опустились на землю.

Глеб присел у второй амбразуры, пристально наблюдая за местностью, а мысль о космическом корабле не давала покоя.

«Вот почему свернули программу исследования дальнего космоса и колонизации Новой Земли?! – думал он, глядя, как знойное марево истекает от скал, искажая их контуры. – Получается, что первый контакт

с «братьями по разуму» произошел тут, на Земле, и носил далеко не мирный характер?!

Но почему же тогда расформировали бригаду ВКС? Зачем ликвидировали единственное полностью боеспособное подразделение, обученное для несения службы в космосе, психологически адаптированное к экстремальным условиям Дальнего Внеземелья?»

Логика такого решения не просто хромала, оно выглядело совершенно бессмысленным, граничащим с предательством интересов Земли!

Нет. О такой трактовке неизвестных событий даже думать не хотелось. «Я практически ничего не знаю, – упрекнул себя Глеб. – Нет оснований для далекоидущих выводов».

Разумные доводы не помогали. Душу саднило. Подсознательная тревога не отпускала ни на миг. Зачем расформировали? Почему? Отпала необходимость в подразделении ВКС? Бред. Это возможно лишь в двух случаях – либо командование уверено, что «братья по разуму» больше никогда не появятся в Солнечной системе, либо… мы уже проиграли, вот только информация тщательно скрыта?

Его мысли нарушил сигнал от установленного датчика слежения.

Зашевелились!

– Тыгын?

– У меня чисто. – Якут наблюдал за выходом из ущелья.

– Держи свою позицию, – предупредил Глеб. – Не дай им шанса произвести выстрел из реактивного гранатомета!

Якут обиженно засопел.

Полынин переместился, укрылся за простенком, отделяющим его от массивного каменного люка.

Снизу ударила автоматная очередь, в узком пространстве каменного колодца рявкнули, сливаясь в оглушительном грохоте, несколько взрывов, каменную плиту подбросило вверх, разнесло на угловатые обломки.

Едкий дым ворвался в укрепление, воздушный поток тут же начал выдавливать его через узкие разрезы амбразур, мешая Якуту вести наблюдение.

Наемники пошли на штурм! Два автомата работали, не умолкая, пули били в низкий свод, высекали искры, рикошетили с визгом.

– Прорываются! – одновременно с возгласом Якута заговорила его снайперская винтовка, снаружи раздались вскрики, по внешней стене укрепления ударили автоматные очереди.

Глеб мгновенно понял замысел противника, метнулся назад, ко второй амбразуре.

Дым и пыль выталкивало наружу, блокируя обзор, стрельба через каменный колодец явно носила отвлекающий характер, рассчитанный на подавляющий психологический эффект, вновь приглушенно хлопнули выстрелы из подствольных гранатометов, два разрыва ударили гулко, протяжно, дышать без маски стало совершенно невозможно, а внизу перебегали фигурки в серо-черном камуфляже, тащили на плечах пусковые тубусы для реактивных противотанковых снарядов.

Полынин выдернул из нагрудного кармана экипировки автономный дыхательный аппарат, надел его, и тут же, не теряя ни мгновенья, открыл огонь.

Наемникам удалось отбежать метров на двадцать от ущелья. Некоторые уже заняли позиции за естественными укрытиями и били из автоматов. Оспины попаданий щедро осыпали скалу вокруг узких, едва различимых прорезей, но Тыгын и Глеб не обращали на них внимания, стараясь в первую очередь снять тех, кто бежал к траншеям на холме. «Если они успеют там закрепиться, дотащат пусковые тубусы, нам не поздоровится», – промелькнула мысль.

Тыгын, отстреляв две обоймы, резко отпрянул, переместился к средней амбразуре, схватился за пулемет. Покореженный взрывами треножный станок заклинило, и Якут сорвал оружие с креплений, шумно выдохнул, присел на корточки.

Коробчатый магазин был полон, и «Утес» заговорил ритмично, басовито, крупнокалиберные заряды дробили камень, несколько наемников рухнули, остальные залегли, не добежав до старых укреплений.

В каменном колодце раздался подозрительный шорох. Стрельба из тоннеля прекратилась, и Глеб метнулся назад, выпустил остаток патронов

из полупустого магазина двумя очередями.

Раздался характерный звук: пули били в металл.

Серв?

Глеб сменил автоматный магазин, достал отрезок оптического кабеля, изогнул его, заглянул при помощи нехитрого устройства в колодец.

Точно. Два серва медленно поднимались, полностью перекрывая узкую шахту своими корпусами. Их манипуляторы цепко впивались в отвесные стены, а следом, как показалось, медленно и осторожно двигался человек!

Гранат нет, патроны надо беречь, корпуса сервов лишь оцарапало очередями!

Что делать?!

Взгляд зацепился за обломки каменной плиты, расколотой взрывами.

Полынин положил автомат на пол, сдвинул угловатый осколок камня весом килограммов пятьдесят, не меньше, поднатужился, столкнул его вниз.

Раздался глухой удар, сопровождаемый надрывным скрежетом, – манипуляторы сервов не выдержали, оба механизма рухнули вниз, высекая искры из стен.

Глеб едва успел подобрать оружие и отскочить в глубь укрепления, как снизу вновь заговорили автоматы.

«Сколько еще продержимся?!»

Тыгын бил короткими очередями. Ствол пулемета нагрелся, сизый пороховой дым сминало сквозняком, гильзы со звоном рассыпались по полу.

Внезапно снаружи раздался характерный вой.

Ракета!

Якут едва успел отшатнуться, как скалы потряс взрыв, часть внешней стены не выдержала, по ней побежали трещины, солнечный свет на миг брызнул сквозь них, высвечивая замысловатые завитки дыма, и вдруг изрядный фрагмент укрепления с грохотом обрушился вниз.

Глеба контузило, сознание стало нечетким, реальность отдалилась, контуры предметов плыли перед глазами, дыхательная маска сбилась, и он судорожно закашлялся.

– Тыгын, живой? – хрипло выдавил он, поправляя дыхательный аппарат. Глоток чистого воздуха немного прояснил сознание.

Якута взрывной волной отбросило к дальней стене, ударило об нее.

– Вроде цел… Пулемет… – Он шарил вокруг себя рукой, находясь в состоянии шока. Из-под экипировки на плече Якута выступило, расплываясь по ткани, темное пятно.

– Ранен?!

– Зацепило…

– Держись! – Глеб вскрыл упаковку с повязкой быстрой помощи. Особые органические вещества, которыми был пропитан материал, в считаные минуты останавливали кровь, дезинфицировали рану, проникая сквозь ткань одежды. – Прижми и не отпускай!

Якут бессильно привалился к стене, тяжело, неровно дыша.

Глеб подобрался к краю безобразной пробоины, образовавшейся во фронтальной стене укрепления.

Противник перегруппировывался. «Сейчас еще раз долбанут ракетой, и все», – с отчаянием продумал Глеб.

Он успел дать прицельную очередь, задел одного из наемников, вжался в пыльное каменное крошево, чуть отполз, укрываясь от плотного ответного огня, как вдруг заметил три крохотные точки в лазурных безоблачных небесах!

Наши…

Пилоты трех штурмовиков ясно видели цель, машины приближались, следуя боевым курсом, еще несколько секунд, и кустистые оранжево-черные разрывы взметнулись плотной стеной.

– Держись, Тыгын! Наши! – Глеб не удержался, открыл огонь по ищущим спасения наемникам.

Его выстрелы не остались без внимания, один из штурмовиков слегка изменил курс, неуловимо сманеврировал, но Глеб не опасался дружественного огня – в переданном сообщении он четко указал координаты своей позиции, и ошибиться пилоты не могли!

Две управляемые ракеты рванулись в сторону ущелья.

Одна нырнула в тоннель, вторая ударила точно в укрепление!

Сознание Глеба взорвалось вспышкой боли и погасло.

Глава 3

Время – неизвестно. Точка пространства – неизвестна

Сознание возвращалось медленно.

Он долго, натужно карабкался из бездны небытия к слабому неяркому источнику света.

Холод. Будто очнулся в могиле.

Лишь дрожь, гуляющая неконтролируемыми волнами ледяного озноба, позволяла чувствовать собственное тело.

Глеб боролся инстинктивно. Разум еще не вырвался из плена абсолютного беспамятства, он ловил крохи ощущений, медленно собирая кусочки собственного «я» – обрывки воспоминаний, чувств, мыслей.

Почему же так холодно?..

Он помнил: стоял полуденный зной, пыль скрипела на зубах, пот пропитал одежду под экипировкой, пороховая гарь перехватывала дыхание.

Может, наступила ночь? В горах после заката температура падает быстро, даже после погожих солнечных дней. В тени скал на больших высотах можно запросто замерзнуть насмерть.

Нет, не ощущалось ледяного дыхания ветра, да и стылое окружение затененных скал – он помнил – воспринималось иначе.

Холод шел изнутри, растекался по вялым мышцам потливой, несогревающей дрожью, мысли кружили хороводом, по кругу, от вопроса к вопросу, без надежды на ответ.

Внезапно в поле зрения появилась размытая, нечеткая тень.

Кожу вдруг стало покалывать, появился тошнотворный запах, отдаленно знакомый, связанный с какими-то событиями безвозвратно потерянного прошлого.

Медленно, нехотя темное пятно обретало контуры человеческой фигуры, склонившейся над ним.

Он не смог разглядеть черты лица и детали одежды, словно между ними находилась преграда.

Туман вдруг начал рассеиваться, режущий запах стал глуше, приобрел иные оттенки, взгляд немного прояснился, и вдруг вспышкой пришло воспоминание:

«Нас было двое!»

– Тыгын? – едва шевельнув губами, почти неслышно выдавил он.

Вопрос остался без ответа, зато удалось сфокусировать взгляд, уловить некоторые детали окружающего.

Холод медленно отступал. Перед глазами на какой-то выпуклой поверхности косым зигзагом лежал блик света.

– Тыгын...

Его опять не услышали или не захотели отвечать. Раздалось громкое протяжное шипение, затем чавкающий звук, который он узнал: его обычно издает уплотнитель, если открывается герметичная камера, долгое время пребывавшая в замкнутом состоянии.

«Где я?»

Хороший вопрос. Глеб сосредоточился, улавливая все новые ощущения.

Озноб еще гулял по телу, но вместе с тем чувствовалась легкость и связанное с ней характерное головокружение.

Низкая гравитация?

Серия мягких вкрадчивых толчков пробежала по его жесткому ложу.

Муть, мысленно охарактеризованная как «туман», окончательно растаяла, косой блик куда-то исчез, да и воздух теперь пах иначе.

Фигура человека склонилась над ним, в изголовье раздался писк, затем волна тепла пробежала по телу.

– Ну вот, Глеб Сергеевич, уже намного лучше, – голос был незнаком.

Перед прояснявшимся взором медленно детализировались предметы окружающей обстановки.

«Отсек космического корабля?»

Слабая гравитация, мягкие толчки, переходящие в едва заметную вибрацию, – ощущения, характерные для маневрирования корабля в открытом космосе, да и низкий свод отсека, закругляющиеся стены с выступающими ребрами жесткости не имели ничего общего с отделкой или архитектурой обычных зданий.

– Где я?..

– Не напрягайтесь, после криогенного сна усилия противопоказаны, – ответ уже не ошеломил, он лишь подтвердил промелькнувшую догадку. – Ваш организм весьма ослаблен. Последствия полученных ранений. Помните последние события?

Глеб внял предупреждению и ответил взглядом, движением век: да, помню.

Стремительно приближающийся штурмовик ВКС России. Ракета, выпущенная по укреплению в скалах. Всплеск пламени и… тьма.

– Вы потеряли много крови. У нас не было иного выхода, кроме применения интенсивной биорегенеративной терапии, которая, к сожалению, чрезмерно истощает организм. Затем, когда раны затянулись и ваше состояние стабилизировалось, пришлось воспользоваться криогенной камерой – ее система жизнеобеспечения позволила продолжить медленное, но неуклонное выздоровление. Мы, честно говоря, опасались за ваш рассудок, невозможно было прогнозировать, как скажется криогенный сон на процессах высшей нервной деятельности, ведь вы были контужены, получили серьезную черепно-мозговую травму.

Слова незнакомца казались Глебу нескончаемым мутным потоком, омывающим сознание. Он хотел получить внятные ответы на несколько вопросов и впасть в спасительное небытие, – внезапно вновь навалилась неодолимая слабость.

– Вам лучше поспасть.

– Тыгын?.. – он едва шевельнул губами.

– Извините, я не понимаю, о ком речь. Вы, Глеб Сергеевич, были моим единственным пациентом на протяжении последних семи месяцев. Повторю: вам нужно отдохнуть. На все вопросы вам ответят, но позже.

Незнакомец так и не представился, снова склонился к изголовью, что-то переключил, и сознание Глеба затуманилось.

Он сопротивлялся, осознанно, но недолго.

Последнее, на чем смог сфокусироваться взгляд, была поднятая каплевидная крышка криогенной камеры, по ободу которой шла надпись:

«Транспланетные перевозки. «Альфа».

Вязкая тьма подступила к горлу внезапным спазмом.

* * *

Во второй раз Глеб очнулся в полном одиночестве.

Большинство болезненных ощущений исчезло, он прислушался к собственному организму, но даже не смог определить, куда был ранен.

Семь месяцев. Криогенная камера. Глубокий космос. «Альфа»…

Последовательность мыслей и образов вызвала вспышечное воспоминание. Транссистемный космический корабль «Альфа» являлся первым международным проектом в области снабжения колоний на Марсе и Ганимеде – спутнике Юпитера.

«Альфа» на протяжении десятилетий совершала регулярные рейсы между Землей и Ганимедом с промежуточным выходом на марсианскую орбиту.

Затем корабль отработал свой ресурс, и его списали, планировали превратить в орбитальный музей, но, – мгновенно вспомнился разговор с Якутом, – «Альфой» внезапно заинтересовалась корпорация «Сибирь», а если быть точнее, ее нынешний владелец Андрей Русанов.

Дверь отсека открылась.

Вошел человек среднего роста, на вид лет сорока пяти, одетый в летную униформу ВКС, но без знаков различия.

Его лицо показалось Глебу смутно знакомым. «Не сослуживец, точно. Может, кто-то из гражданских пилотов? – подумал он, машинально подметив одну особенность. – Этот человек серьезно относился к самому факту нахождения на борту космического корабля, ведь униформа – это высокотехнологичное изделие, оснащенное собственными системами экстренного поддержания жизни. Она – не просто дань принадлежности к определенной профессии, ее ношение – это сила хорошей привычки…»

Мысли ассоциативные, бессвязные, промелькнули и исчезли.

– Как самочувствие? – Незнакомец подошел, поправил упругий валик под головой Глеба, взглянул пристально, но без вызова.

– Нормально…

– Будем знакомиться? – он протянул руку, словно счел Глеба совершенно здоровым, равным себе по силам, или же просто не хотел подчеркивать его слабость? – Русанов Андрей Игоревич, – представился он.

Глеб молча пожал протянутую руку, ничем не выдав замешательства.

– Мы на борту «Альфы», – Русанов передвинул кресло, снабженное электромагнитами, зафиксировал его на новом месте, сел. – Корабль в глубоком космосе, мы пересекли орбиту Нептуна и движемся к поясу Койпера. Предлагаю перейти на «ты». Не возражаешь?

– Как я оказался на борту? – Глеб собрал все силы, чтобы произнести фразу твердо.

– Тыгын успел сделать один звонок, – на лицо Русанова набежала тень. – Он набрал мой номер.

– Он… жив?

– Нет, – сухо ответил Русанов. – Спасти его мы не смогли. Ты тоже был очень плох, по мнению Ромашина – практически безнадежен, но он попытался, и как видишь – не зря.

Полынин закрыл глаза. Известие о гибели Якута отозвалось саднящей болью. Хороший был мужик. Простой. Надежный.

– Ты ошибся в выборе, Глеб. Нужно было сразу послушать Тыгына, – Русанов держался уверенно, но не высокомерно, хотя был полным хозяином положения.

«До поры», – мысленно урезонил себя Полынин.

– Произошла ошибка… – хрипло выдавил он. Сил на твердый, уверенный ответ уже не нашлось.

– Брось. Давай без иллюзий. Вас зачистили.

– Мы попали под дружественный огонь, – упрямствовал Глеб.

– Думай как хочешь. Правда все равно одна, и тебе придется ее принять.

Глеб молча отвернулся. Силы почти иссякли. Не хотелось спорить, говорить, что-то доказывать.

– Ладно. Извини. Ты еще слаб для таких тем. Поговорим через пару дней, когда наберешься сил.

* * *

Пояс Койпера. Эрида, карликовая планета. Трое суток спустя…

Дальний космос.

Бездна, способная поглотить разум, антрацитовая тьма, простирающаяся в бесконечность, миллиарды далеких, кажущихся недостижимыми звезд, среди которых затерялась искорка Солнца.

Последний межпланетный перелет легендарной «Альфы» завершился, корабль вышел на орбиту Эриды – карликовой планеты пояса Койпера.

«Непонятный выбор точки базирования, – подумал Глеб, пристально рассматривая замеченный на поверхности комплекс сооружений. – Доступна ли мне информационная сеть корабля?»

Он коснулся сенсора кибстека и, к своему удивлению, получил отклик от кибернетической системы. «Жест доверия со стороны Русанова? Посмотрим», – Глеб не понимал намерений нового владельца «Альфы», чувствовал себя настороженно, не собираясь принимать ситуацию без внятных пояснений.

Данные, полученные по поисковому запросу, заинтересовали Глеба. Оказывается, скупые искры габаритных огней очерчивали структуру из пяти полностью автоматизированных рудодобывающих комплексов.

«Царство машин?» – мысленно удивился он.

Кому пришла в голову идея добывать полезные ископаемые за орбитой Нептуна? Недоумение росло. Даже если тут найдены богатые месторождения редкоземельных элементов, их добыча и транспортировка экономически невыгодны. Затраты огромны, они превысят прибыль.

Он внимательнее присмотрелся к схеме, полученной из бортовой сети, затем вновь взглянул на обзорный экран, укрупнил изображение.

Огромные роботизированные планетопреобразующие машины двигались по поверхности Эриды, прокладывая сеть дорог. Медленное

орбитальное движение «Альфы» позволяло последовательно рассмотреть все новые и новые подробности развернутого тут масштабного строительства.

Рудники являлись лишь малой частью инфраструктуры. В поле зрения появились очертания котлована – если верить полученным данным, на его месте вскоре будет возведен стапель космической верфи, рядом простирались два уже завершенных стартопосадочных поля, чуть дальше возвышались герметичные купола промышленных комплексов и жилых модулей.

Глеб был потрясен. Его взгляду открылся настоящий город, затерявшийся на окраине Солнечной системы!

«Город, о котором никто не знает?»

В искусственном свете искрился метановый снег, прожилки и глыбы азотного льда выделялись на сером фоне скал, спутник Эриды – Дисномия пепельной тенью скользил в черном небе.

– Удивлен?

Глеб обернулся на голос.

– Да, удивлен. – Он кивком поздоровался с Русановым. – Эрида, на мой взгляд, не самое лучшее место для строительства внеземного поселения.

– Зато надежное в плане обеспечения секретности и самодостаточное. Здесь обнаружены уникальные месторождения полезных ископаемых. Многое, что предстоит сделать, не потребует поставок сырья.

– Андрей Игоревич…

– Просто по имени, Глеб, мы же договорились. – Русанов сел в кресло напротив, заказал себе кофе, вопросительно взглянул на Полынина. – Присоединишься?

– Не откажусь.

Они определенно присматривались друг к другу, словно два бойца на ринге.

В отсек вошел андроид.

Полынин в первый момент не понял, что кофе им подал человекоподобный механизм. Его облик был безупречен, пеноплоть не только имитировала кожные покровы и мышцы, – искусственный

материал пронизывали тяги микроприводов, движения андроида выглядели естественными, непринужденными, даже мимика присутствовала, и лишь тонкий, едва различимый на слух шум сервомоторов выдал истину.

– Модель оснащена искусственными нейросетями, – перехватив взгляд Полынина, пояснил Русанов. – Все, начиная от эндоостова и заканчивая обликом, – разработка НИИ «Роботекс». Институт принадлежит корпорации «Сибирь». Так что андроид наш, отечественный, – последние слова прозвучали тепло и гордо.

Полынин отпил глоток кофе.

– Я бы хотел прояснить свое положение, – он сменил тему, возвращаясь к вопросам насущным.

– Ты гость на борту «Альфы».

– На таком удалении от Земли слово «гость» теряет смысл, – заметил Полынин.

– Да, понимаю. Но не нужно сарказма. Эрида обитаема. Население города вскоре достигнет тысячи человек. Здесь вполне можно жить, работать, осуществлять мечты.

Интригующее, многообещающее начало беседы. Глеб не хотел показаться неблагодарным, все же Русанов спас ему жизнь, но что он потребует взамен? А потребует обязательно, иначе он бы не оказался на борту «Альфы».

– Может, поговорим начистоту?

– А ты готов?

– Вполне.

Русанов кивнул. Откровенный разговор его устраивал.

– Недавно я создал «DST-Cargo»[4] – независимую корпорацию, которая в ближайшем будущем станет основным внутрисистемным перевозчиком. Доставка грузов в колонии, регулярное пассажирское сообщение между Землей, Марсом и Ганимедом.

– Большой межпланетный бизнес? Но почему он базируется тут, на задворках Солнечной системы, а не на Марсе, к примеру? – Глеб задал явно «неудобный» вопрос. Как отреагирует Русанов? Уйдет от темы? Отделается полуправдой? Или ответит честно?

– «DST-Cargo» станет прикрытием. Корпорация сейчас находится в прямой зависимости от финансовых потоков «Сибири», но в течение двух-трех лет я сделаю ее самоокупаемой. Это поможет, не привлекая внимания, приступить к основной задаче – ремонту и переоснащению «Альфы».

Предельно честный ответ. Настолько неожиданный и прямой, что у Глеба тут же возникло чувство опасности: «Мы ведь едва знакомы. У Русанова нет никаких причин доверять мне. Хотя чем он рискует? Мы в глубоком космосе, на борту его корабля. Выбор у меня, видимо, небогатый? Либо принимаю его сторону, что бы он ни предложил, либо в шлюз?»

– Вижу, ты недолюбливаешь корпов? Считаешь, все, у кого есть реальная власть и деньги, испорчены ими?

– Восторга, если честно, не испытываю. Скорее чувствую себя заложником.

– Глеб, у меня нет времени на долгие утомительные беседы. Сам предложил говорить открыто.

– Так зачем я здесь?

– Давай поступим иначе: я даю информацию, ты делаешь выводы. Уверен, точки соприкосновения у нас найдутся. – Русанов извлек из нагрудного кармана микрочип, поместил его в считывающее гнездо системы голографического воспроизведения. – Данные с датчиков твоей экипировки, – пояснил он. – Мои люди поработали с ними, проанализировали, кое-что реконструировали. Узнаешь?

Полынин пристально взглянул на объемное изображение. Фрагмент расчищенного ущелья он узнал сразу. Секунда боя, зафиксированная автоматикой экипировки. Застывшие росчерки лазерных разрядов, фигуры бегущих наемников, падающие камни, два серва, вовлеченных в обвал, – все это служило фоном, главное находилось в дальней части раскопа. Космический корабль небольших размеров, незнакомой конструкции – опаленная, местами деформированная металлокерамическая капля размером с грузовик.

Дрожь невольно ползла по спине. В носовой части инопланетного аппарата броня отсутствовала. Поврежденные сегменты, видимо, успели

демонтировать. Были видны изогнутые балки каркаса, за ними отчетливо прорисовывалась система противоперегрузочного кресла, а в нем – существо, похожее на черную пантеру. Лоснящаяся шерстка, широкий лоб, зеленые глаза с вертикальным зрачком, передние лапы… нет, не лапы – руки сжимают короткие изогнутые рукоятки. Развитые пальцы застыли на небольших вздутиях, которыми покрыта поверхность астронавигационных рулей… – Рассудок Глеба поневоле манипулировал доступными сравнениями, проводил аналогии, давая определения незнакомым устройствам.

– Давай начнем с ответов на простые вопросы. – Голос Русанова пробился сквозь концентрацию внимания. – Облик существа реконструирован. На самом деле в кресле пилот-ложемента твои видеокамеры зафиксировали лишь его полуразложившиеся останки. Теперь вопрос: могли ли спецы из подразделения «Первого контакта», осматривая местность, *не заметить* инопланетный космический корабль, пусть даже его скрывал обвал?

– Нет, – машинально ответил Глеб.

– Верно. Не могли, но пропустили. Ладно. Допустим. Бывает всякое. Теперь арифметика. Тебе известно о контакте с эшрангами?

– Да.

– Хорошо. Значит, мы знаем уже два вида инопланетных существ? Неплохо, да? А девяносто девять процентов населения Земли по-прежнему наивно верит, что мы одиноки во Вселенной! – Русанов постепенно усиливал давление. – Но это не все, Глеб. Взгляни еще на одно изображение. Оно получено в частном порядке, но в его подлинности можешь не сомневаться.

Кадр изменился. Полынин увидел снимок плато, сделанный сразу после таинственного боя. Все усеяно обломками. Не меньше десятка сбитых инопланетных кораблей двух типов, одни каплевидные, обтекаемые, другие крупные, с виду неповоротливые, чуть угловатые.

– Обрати внимание, – Русанов укрупнил часть изображения, – на эти тела.

Они похожи на пауков. Еще одна космическая раса?!

Мгновенно вспомнилось ощущение информационного вакуума, недосказанности, а если говорить прямо – санкционированной лжи. Он снова взглянул на тела инопланетных существ, обломки космических кораблей. Вот что на самом деле скрывалось за официальной версией событий!

– Вывод. – В голосе Русанова звучали жесткие интонации, а его слова были созвучны мыслям Глеба. – Земля оказалась в зоне конфликта нескольких инопланетных цивилизаций. А нам рассказывают о падении мифического астероида, заставляют верить в басни о загадочном вирусе.

– Что им нужно? – Полынин по-прежнему, не отрываясь, смотрел на изображение. – Жизненное пространство? Наша планета в качестве колонии? – он боролся с информационным шоком, пытался хоть как-то осмыслить увиденное.

– Нет, им нужны наши технологии, – ответил Русанов. – Здесь, – он указал на экран, – силами ВКС была пресечена попытка передать «братьям по разуму» партию боевых сервов.

– Кто решился на такой шаг?!

– В том конкретном случае – одна из международных промышленных групп. Люди без принципов. Их остановили, но какой ценой? Последствия того боя прямо отразились на судьбе многих, в том числе и на твоей.

Тактика, избранная Русановым, причиняла боль, ломала устоявшееся мировоззрение. Он действовал прямо и жестко, уничтожая в эти минуты многое, во что верил лейтенант Полынин.

«Теперь понятно, почему заморозили колониальный проект…» – тяжелые мысли теснились в голове Глеба.

– Обратил внимание на корабли двух типов, на разных существ, ими управлявших? – Русанов вернул разговор в первоначальное русло.

– Да, обратил.

– Мой источник утверждает, что они в буквальном смысле сцепились друг с другом! Одни прибыли за партией сервов, другие попытались им помешать. Действовали нагло, не скрываясь, не считаясь с потерями.

– Это секретные сведения! – прервал его Глеб. – Даже я ничего не знал!

– А у меня сплошной допуск – деньги, – цинично ответил Русанов. – Извини, придется разрушить некоторые из твоих иллюзий, иначе толку от нашего разговора не будет! Сейчас просто наплюй на методы получения информации! – Он сменил чип, включил запись видео. – Смотри, это еще не все!

В стереообъеме голографического монитора появились изображения четырех космических кораблей. Три из них вели ожесточенный бой. Один, уже изрядно поврежденный, окутанный облаками обломков, смешанных с кристаллизованной атмосферой подвергшихся декомпрессии отсеков, пытался оторваться от преследователей, два других догоняли его. Узнаваемые очертания четвертого корабля – крейсера «Варяг» – выглядели крошечными на фоне исполинов, обменивающихся ударами плазмы. Глеб невольно затаил дыхание. Рассудок с трудом воспринимал увиденное. Удары энергетического оружия, неистовый свет защитных полей, отражающий их, – поистине звездные энергии были задействованы в схватке!

– Это запись боя в системе Новой Земли, – произнес Русанов.

– Они атаковали колонию?!

– Нет. Все намного сложнее. «Братья по разуму» выясняли между собой, кому из них достанется «Варяг», а вместе с ним и технология мобильного гиперпривода! Да, Глеб, как ни парадоксально это прозвучит, но по нескольким направлениям научно-технического прогресса мы их обогнали! Внепространственный двигатель, робототехника, наномашинные комплексы, модули искусственного интеллекта – вот краткий, неполный список достижений, за которыми охотятся представители иных цивилизаций.

Полынин досмотрел короткое видео, глубоко задумался.

Сомнительные методы Русанова выглядели невинной шалостью на фоне позиции, которую заняло руководство ВКС. Но, скрыв правду, похоронив ее под грифом секретности, чего добились?

– Я все равно не понимаю ситуации, – глухо признался он. – Какой смысл в молчании? Почему правду скрыли? На что надеялись? Если как минимум три космические расы знают о человечестве, заинтересованы в

получении наших технологий, не скрываясь, действуют на Земле и в колониях, как мы можем противостоять им? Спрятав голову в песок?!

– Действия ВКС вполне оправданны, – неожиданно заявил Русанов. – Крейсер «Варяг» недавно вернулся из автономного поиска. В границах пояса Койпера им было найдено и уничтожено устройство внепространственной транспортировки.

– Что?!

– Понимаю, тебе тяжело, но ты сам хотел правдивой и полной информации! Повторюсь, действия ВКС разумны! Анализ обломков, оставшихся после боя в горах, и тщательное изучение энергетических матриц кораблей, с которыми «Варяг» столкнулся в системе Новой Земли, позволили сделать вывод: ни у одной из инопланетных рас нет технологии мобильного гиперпривода. Их корабли неспособны свершать самостоятельные межзвездные прыжки, но – Русанов жестом пресек вопросы, – но иные цивилизации построили и эксплуатируют сеть внепространственных тоннелей. Она основана на работе стационарных устройств пробоя метрики, расположенных в уже разведанных точках пространства. Условно их называют «Врата Миров». Как формируется межзвездная сеть, почему ею пользуются существа разных, видимо, враждующих друг с другом цивилизаций, пока непонятно.

– Выходит, сейчас Земля в безопасности? Инопланетное устройство уничтожено и доступ в Солнечную систему закрыт?

– Боюсь, что нет.

– Поясни!

– У меня нет прямых доказательств, но логика подсказывает: для создания маршрута между звездными системами при использовании технологии стационарных порталов требуется осуществить многолетний, а в некоторых случаях – многовековой полет на досветовых скоростях. Затраты огромны, и, согласись, со стороны строителей межзвездной сети было бы глупо установить только одно устройство формирования гипертоннеля, не продублировать его на случай непредвиденных обстоятельств, например, отказа техники.

– Логично, – согласился Полынин. – Значит, мы получили только отсрочку? Повторное вторжение неизбежно?

– Я не знаю. В ВКС уверены – вопрос исчерпан. Они считают, что обезопасили Землю, и сейчас сконцентрировались на двух направлениях. Первое – тщательно изучить все обломки, записи сканирования, понять и по возможности перенять чужие технологии. Второе – не допустить утечку информации. Любой ценой. Здесь я с ними солидарен, шаг верный, паника ни к чему хорошему не приведет, но в управлении военно-космических сил явно завелась «крыса», возможно, не одна. Кто-то из высшего эшелона власти затеял свою игру. Посуди сам: сначала один из инопланетных объектов оказался скрытым, затем информация о его местонахождении попала в руки китайских спецслужб. Ты, конечно, ни о чем не подозревал, думал, что действуешь правильно, передавая сообщение в штаб ВКС о найденном инопланетном объекте, о нарушителях, но тем самым, Глеб, ты подписал приговор себе и Тыгыну. Вас зачистили, – повторил Русанов. – Кто принял это решение, мне пока неизвестно.

Полынин угрюмо молчал.

Сжатая информация обрушилась на него, едва не надломив рассудок.

Русанов встал, прошелся по отсеку.

– Мне стало неуютно на Земле. Ты должен меня понять. Владея такими сведениями, трудно сохранять спокойствие, заниматься бизнесом, планировать свою жизнь, вообще, думать о будущем, делая вид, что все нормально.

– Да, понимаю, – глухо ответил Глеб.

– Нет, не понимаешь. У меня ведь тоже была мечта. – Андрей остановился у обзорного экрана, глядя на скованную азотным льдом поверхность Эриды.

– Какая, если не секрет? – машинально переспросил Глеб, думая о своем, не рассчитывая на откровенный ответ.

– Ты помнишь старт «Первопроходца»?

– Нет. Я родился только через пять лет.

– А мне уже было пятнадцать. Это событие произвело на меня потрясающее, неизгладимое впечатление. Только подумай – первый колониальный транспорт человечества! Десятки тысяч колонистов, погруженных в криогенный сон. Сменные экипажи. Парадокс времени:

ведь на Земле пройдут века, когда он достигнет цели полета. Внепространственного привода тогда еще даже в теории не существовало.

– И что? – Полынин никак не мог сосредоточиться на его словах.

– С юности меня целенаправленно готовили к управлению огромной финансово-промышленной империей, – Русанов вернулся к креслу, облокотился о высокую спинку. – А я мечтал об ином, втайне грезил романтикой Дальнего Космоса, великими открытиями. Знал, что мечтой нельзя ни с кем поделиться, ее нужно хранить в секрете, – воспитывали меня достаточно жестко, и жизненные приоритеты были расставлены очень рано. Это теперь я понимаю: мой образ мышления, склад характера попросту оттачивали под определенные задачи, но знаешь, Глеб, это не убило мечту! Со временем она вызрела, окрепла. Сейчас настало время ее воплотить.

– Не дадут.

– Посмотрим.

– У тебя нет нужных технологий!

– Есть.

– Конструкцию гиперпривода держат в строжайшей тайне. Даже ты со своими миллиардами близко к ней не подберешься.

– А мне и не нужно, – Русанов проигнорировал грубое замечание Полынина. – «Сибирь» не зря считается ведущей мировой корпорацией, – ответил он. – Мой отец начинал с добычи полезных ископаемых, затем стал приобретать промышленные предприятия, в основном градообразующие, а на склоне лет сделал шаг, значение которого трудно преувеличить.

– Участие в строительстве мегаполиса?

– Верно. Корпорация стала не только инвестором, но и подрядчиком. Проект мегагорода потребовал тщательной проработки его технического наполнения, были созданы десятки узкоспециализированных исследовательских центров и предприятий, куда мой отец пригласил ученых и инженеров с мировыми именами. В результате «Сибирь» сконцентрировала огромный научный потенциал. Мы стали получать правительственные заказы, наш уникальный опыт, открытия, технологии

сейчас востребованы везде, начиная от сельского хозяйства и заканчивая космическими программами. Да, ты прав, ни одно правительство не передаст в частные руки стратегически важное открытие, но исследовательские центры «Сибири» разрабатывали многие элементы технологий, воплощенных в конструкции «Варяга» и «Одиссея». Я начал строить на Эриде город, население которого находится сейчас в криогенных отсеках «Альфы». Поверь, они – не худшие, далеко не последние умы нашего времени и все как один – сотрудники корпорации. Я не сдамся, Глеб. Нас предали. У нас отняли мечту о звездах. Кучка испуганных политиканов собралась в узком кругу и приняла решение – закрыть колониальный проект, демонтировать действующие образцы гиперпривода, уничтожить всю документацию, – они попятились в прошлое, потащив за собой всех нас!

Русанов обошел кресло, сел, сделал глоток остывшего кофе.

– У меня есть цель в жизни и, что немаловажно, средства для ее достижения! Я не хочу сидеть сложа руки и ждать второго пришествия «братьев по разуму»! А оно произойдет, и достаточно быстро, можешь не сомневаться.

– Есть альтернатива? – глухо спросил Полынин.

– Я начал планировать полет к звездам задолго до первого контакта! – ответил Русанов. – Годы потратил на подготовку! Вложил миллиарды в приобретение «Альфы»! И не отступлю! – резко повторил он.

– Каким образом я вписываюсь в твой частный колониальный проект?

– Нервы у тебя крепкие?

– Ну, не жаловался до сих пор.

– Тогда окончательно расставим точки над «i»? Помнишь два небольших каплевидных инопланетных устройства?

– Да. Я взял их из контейнера, который наемники намеревались переправить через границу.

– Смотри, – Русанов подошел к небольшому столику, накрытому полусферическим колпаком из непрозрачного материала, коснулся сенсора, снимая затемнение.

Преграда приобрела вид стекла.

Полынин недоуменно пожал плечами. Он не видел раньше ничего подобного. По столу медленно перемещалось, поглощая тонкую пленку органики, скопление кристаллов.

На вид студенистая, желеобразная масса, явно живая, неприятно колышущаяся при движении, но сохраняющая кристаллическую структуру.

Русанов снял с запястья кибстек, подключил его к разъему, контакты которого проходили внутрь изолированного пространства.

Желеобразные кристаллы прекратили движение, явно заинтересовались кибернетическим устройством, потянулись к нему, соприкоснулись с контактами, и через пару мгновений личный нанокомп Русанова вдруг активировался, сформировал сферу голографического монитора, в объеме которой внезапно возникло изображение… Земли!

Вид из космоса стремительно укрупнился, затем вдруг зарябили помехи, промелькнули и исчезли облака, появился фрагмент земной поверхности.

Горы! То самое плато!

Внизу перебегали крохотные человеческие фигурки, боевые машины космодесанта, похожие на игрушечные модельки, вели зенитный огонь, а в небе над горами стремительно маневрировали десятки инопланетных кораблей!

Яркая вспышка, беспорядочное вращение, удар и мрак…

Глеба вдруг охватил озноб, возникло ощущение дежавю, словно он уже видел эту фрагментированную запись, был каким-то мистическим образом связан с этими органическими кристаллами!..

Русанов добился своего. Сознание Глеба, переполненное шоковыми ощущениями, уже балансировало на грани, но Андрей не остановился на достигнутом, включил еще одну запись.

Глеб внезапно узнал себя.

Съемка велась в медицинском модуле «Альфы». Окровавленная экипировка и одежда лежали в стороне, а он, обнаженный, пристегнутый ремнями к пластиковому ложу, пребывал в бессознательном состоянии.

Множественные осколочные ранения, сломанная рука, раздробленная кость ноги – с такими травмами не живут. «Я должен был истечь кровью

задолго до прибытия помощи…»

Изображение внезапно укрупнилось. Он вздрогнул, когда камера показала колонию кристаллов – неправильной формы пятно, растекшееся по коже, перекрывшее самые тяжелые раны.

– Мы не решились удалить инопланетную форму жизни. Кристаллы не навредили тебе, они остановили кровотечение, но не без пользы для себя, конечно. Они питались свернувшейся кровью. Только не спеши с выводами. Смотри дальше. Скорость воспроизведения увеличена. В одной минуте – сутки непрерывной записи.

Глеб невольно затаил дыхание.

Колония живых кристаллов пришла в движение, теперь она медленно ползла от раны к ране, растворяя коросту запекшейся крови, видимо, продолжая питаться ею. Постепенно чуждая форма жизни добралась до шеи, затем поднялась к виску, случайно соприкоснулась с имплантом, и поведение колонии вдруг резко изменилось, кристаллы сгруппировались, слились с кибернетическим устройством!..

– Дальше можешь не смотреть. Они не двигались в течение месяца.

– Изучали мой имплант? – голос Глеба прозвучал хрипло.

– Да. Но мы поняли это позже, когда Ромашин случайно забыл свой кибстек на столике у твоего изголовья. Кристаллы оставили тебя в покое, перебрались на нанокомп, а через пару дней продемонстрировали свою разумность, воспроизвели видео, – они сумели разобраться в системе кибстека и самостоятельно активировали его!

– Контакт состоялся?! Кто они?!

– Насколько удалось понять – это одна из систем управления инопланетного корабля. Называют себя алгитами, всегда только во множественном числе. После крушения они остались в одиночестве. Пилот погиб. Алгиты ждали помощи, но тщетно. Потеряв надежду, они закрылись в индивидуальных капсулах, но их ресурс истощился за два года, что корабль находился под обвалом. Одна колония к тому времени погибла, вторая балансировала на грани смерти, когда наемники извлекли их из-под обломков. Ты забрал капсулы с алгитами из контейнера, спрятал в карман «разгрузки» у себя на груди. В момент попадания ракеты осколок разбил защитную оболочку, и колония

алгитов проникла сквозь экипировку, одежду, добралась до ран. Ты не истек кровью только благодаря их вмешательству, а они выжили, питаясь твоими отмершими кровяными тельцами!

– Симбиоз?!

– Нет, не думаю, – ответил Русанов. – Скорее экстренная мера выживания.

– Выяснили, в конце концов, кто они? – Глеб с трудом унял дрожь.

– Я же сказал, одна из систем управления. Большего узнать мы не смогли.

– Живой, разумный компонент?

– Да. Я полагаю, что колония алгитов владеет огромными объемами бесценной для нас информации. Но ее невозможно извлечь.

– Почему?

– После первого контакта они отвечают на простые вопросы, но отказываются от более глубокого общения. Смотри, – Русанов коснулся голографической панели ввода, набрал текст:

«Алгитам нравится еда?»

«Вкусно», – односложный ответ появился незамедлительно.

«Алгиты ответят на вопрос?»

«Глеб. Ответим ему».

Русанов обернулся.

– И так на протяжении пяти месяцев! – не скрывая досады, пояснил он. – Они полагают, ты их спас.

– Невольно. Я даже не знал, что находится в этих контейнерах!

– Это уже не важно. Нечего оглядываться, Глеб. На контакт они пойдут только с тобой. Так что принимай решение. Я предлагаю тебе место в колониальном проекте, интересную работу, осуществление мечты.

Полынин глубоко задумался, глядя на алгитов.

Как отнестись к Русанову? Из всего арсенала средств убеждения он выбрал правду. Хороший психолог? Несомненно, но облик человека циничного, испорченного деньгами и властью, к нему не подходит. Глеб попытался его примерить к Андрею, но не получилось.

«Для всех я погиб на границе, в бою с нарушителями.

Что, если откажусь от предложения, найду способ вернуться?

Земля в окружении иных цивилизаций, ведущих свою непонятную борьбу. Худший сценарий сложно придумать. Позиция руководства ВКС ясна, колониальный проект не возобновят. Да и меня вряд ли примут с распростертыми объятиями. Система остается системой, этого не изменишь. Второй раз ликвидировать не станут, но оставят на Земле, под плотным наблюдением спецотдела. Пожизненно. В кварткапсуле, со знанием истины, но без возможности действовать.

А что в сухом остатке?

Я выжил. Мне предоставляется уникальная возможность – попробовать наладить мостик взаимопонимания с таинственным живым компонентом чужого корабля…»

Русанов молчал.

«Альфа» скользила по орбите вокруг Эриды.

Холодно, вызывающе сияли звезды. В искусственном свете искрился метановый снег.

«Я попытаюсь, – решил для себя Глеб, возвращаясь взглядом к колонии разумных кристаллов. – Попытаюсь наладить с ними контакт, присмотрюсь к Русанову и тогда сделаю окончательный вывод. Сейчас все слишком сложно, запутанно, несмотря на обилие и кажущуюся ясность информации. Чтобы разобраться, понять, нужно время. Время и свобода действий…»

– Пожалуй, я соглашусь с предложением, попробую поработать с алгитами, – он обернулся. – Только ответь: куда ты направишь «Альфу», к какой из звезд, если там повсюду – чужие нам существа?

– Не «Альфу», а «Прометей», – поправил его Русанов. – Корабль будет не только реконструирован, но и переименован. А на твой вопрос должны ответить алгиты. Иного достоверного источника информации у нас просто нет!

Глава 4

Эрида. Год спустя…

Жизнь Глеба Полынина после немыслимого поворота судьбы постепенно начала налаживаться.

Люди, с которыми он познакомился на Эриде, оказались близкими по духу, и его настороженное отношение к сотрудникам корпорации постепенно таяло. Русанов действительно собрал сплоченную команду единомышленников, профессионалов, для которых проект «Прометей» стал не просто делом всей жизни, а ее смыслом, надеждой на будущее.

После короткого периода адаптации Глеб вплотную занялся собственными исследованиями и настолько увлекся ими, что практически не замечал бега времени, изменений, происходящих вокруг.

Алгиты охотно пошли на контакт, но способ общения с ними отнимал все силы, доводил до изнеможения. Интерфейс мысленных команд, разработанный для управления сервомеханизмами, плохо подходил для преодоления семантической пропасти, и Полынину пришлось обратиться за помощью к специалистам в области кибернетики.

Его имплант доработали, оснастили нейрочипами, которые взяли на себя часть нагрузки, хранили результаты многодневных усилий, обеспечивая быстрый доступ к накопленным сведениям.

Постепенно перед Глебом открывались все новые и новые горизонты, он учился распознавать чуждые человеку мысленные образы, общаться с алгитами на мнемоническом уровне, понимать их.

Свой первый доклад он представил Русанову спустя год после их памятного разговора, состоявшегося на борту «Альфы».

Город Эриды к тому времени вырос, и они встретились уже не в тесном отсеке, а в отлично оборудованном зале информатория.

– Это и есть Врата Миров? – Русанов заинтересованно подался вперед, с неподдельным интересом рассматривая голографические модели устройств, которые Глеб подготовил для демонстрации.

Все объекты имели одинаковый размер, сферическую форму, их усеивали цилиндрические выступы надстроек, расположенные попарно.

«Чем-то они похожи на древние морские мины», – подумал Русанов, а вслух спросил:

– Алгиты знают принцип их действия?

– К сожалению, нет, – ответил Глеб.

– Почему? Мы ошиблись в оценке их специализации?

– Извини, давай по порядку.

– Ладно.

– Колоний, как ты помнишь, было две. Та, что погибла, являлась действующей системой. Наша, выжившая, еще очень молода. Алгиты не успели накопить достаточно опыта, расширить свой кругозор, они только начали проходить обучение.

– Жаль, – разочарованно произнес Русанов. – Я-то думал, ты мне сейчас преподнесешь уникальную инопланетную технологию!

– Алгиты по природе мышления не технари, а скорее исследователи, – ответил Глеб. – Несомненно, они мыслящие существа, обладающие собственным взглядом на окружающий мир, но их развитие как личности происходит в тесной интеграции с космическим кораблем. Однако они не идентифицируют себя как часть «оборудования», понимаешь?

– Не очень.

– Я тоже не сразу во всем разобрался. Они не помнят или не знают иной жизни. Молодую колонию алгитов помещают в особый отсек, подключают к сенсорике космического корабля. Их взросление протекает постепенно, корабль – их дом, пилот – друг, космос – среда обитания. Врата Миров, в понимании алгитов, нечто естественное, само собой разумеющееся.

– То есть информации по-прежнему – ноль?! Иные космические расы попросту используют их как рабов?

– Алгиты действительно ничего не знают о родной планете, но они не мыслят жизни вне космоса. Нам неизвестно, кто и когда начал использовать их в качестве бортовых навигационных систем. Что касается информации – тут ты не прав. Мне удалось многое узнать. – Глеб включил систему компьютерного моделирования, продемонстрировал объемную карту.

– Межзвездная сеть?! Ты все-таки смог получить ее изображение?! – Русанов подался вперед, указал на тонкие нити, связывающие между собой отдельные точки. – А это гипертоннели?!

– Да. Каждая линия – это маршрут, – с таким же азартом и увлеченностью ответил Глеб. – На протяжении полугода я пытался идентифицировать участок сети, ты ведь понимаешь, что перед нами всего лишь ее фрагмент, несколько десятков гипертоннелей, с которыми успели ознакомиться наши алгиты в процессе накопления опыта?!

– Довольно странная методика, – заметил Русанов. – Что, каждая молодая колония формирует собственную карту? Нерационально.

– С нашей точки зрения, да, нерационально, но мы ведь не знаем образа мышления иных существ! Алгиты обучаются постоянно, на протяжении жизни. Они запоминают звездные карты, коды доступа к Вратам Миров. Проходят годы, десятилетия, прежде чем молодая колония обретает самостоятельность. К моменту интеграции в новый корабль алгиты уже знают сотни маршрутов, владеют множеством навыков, необходимых для путешествий между звездами.

– Все это весьма увлекательно, но меня интересует практическая сторона вопроса. Нам нужны конкретные навигационные сведения, ты же понимаешь. Очень важно получить координаты звездных систем, где есть пригодные для жизни планеты.

– Мне удалось идентифицировать участок сети, – не скрывая гордости от проделанной работы, ответил Глеб. – Помог сравнительный анализ изображений Врат Миров. Смотри, – он указал на ряд голографических моделей.

– В чем секрет? С вида они одинаковые.

– Не совсем. Обрати внимание на расположение и количество парных выступов.

– Это и есть устройства пробоя метрики? – уточнил Русанов.

– Верно. Каждая пара, образующая генератор, четко сориентирована в пространстве. Конфигурация и количество надстроек уникально. Нет двух абсолютно идентичных Врат Миров. Я долго не мог понять, чем это обусловлено, пока в общении с алгитами не выяснил – максимальная дальность прыжка равняется пятнадцати световым годам.

– То есть существуют Врата Миров, не связанные друг с другом?

– Да, сеть намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. Ограничение по дальности прыжка позволило мне сопоставить конфигурацию устройств с нашими звездными картами! Зная расстояния между соседними светилами, я предположил, что количество и ориентация парных выступов должны соответствовать числу звезд по сфере радиусом в пятнадцать световых лет! Взгляни. – Полынин выделил одну из моделей, включил объемную звездную карту, движением пальца переместил устройство в систему звезды, начал медленно вращать. – Я написал программу, которая условно создает «маршрут», как только генератор пробоя метрики будет точно сориентирован на объект звездной величины в пределах от одного до пятнадцати световых лет, – пояснил он.

Русанов с неподдельным интересом следил за действиями Глеба. По мере вращения модели устройства между парными выступами и некоторыми звездами вдруг возникали тонкие изумрудные линии.

Полынин для наглядности некоторое время манипулировал Вратами Миров, пытаясь сориентировать их так, чтобы задействовать все генераторы пробоя метрики, но ничего не вышло. Некоторые из устройств так и не нашли цели, не соединились условными линиями маршрутов со звездным окружением.

– По сведениям, полученным от алгитов, нам известно пятьдесят семь Врат Миров, формирующих локальный участок внепространственной сети. Пришлось усложнить программу поиска, автоматизировать процесс. – Полынин прекратил ручные манипуляции, запустил модуль идентификации.

Кибернетическая система приступила к поиску. Модели Врат Миров перемещались в объем звездной карты, стремительно вращались и при отсутствии результата «мигрировали» между светилами до тех пор, пока одно из них вдруг не подсветилось ярким изумрудным контуром – все устройства пробоя метрики оказались задействованы, от них к ближайшим звездам протянулись ниточки маршрутов!

– Глеб, ты гений!

– Ну, без помощи алгитов я бы не справился, – ответил Полынин.

Тем временем все новые и новые Врата Миров находили свое место в объеме звездной карты, пока не «подключилось» последнее из устройств, – теперь паутина внепространственной сети охватывала огромный участок космоса!

– Обрати внимание, некоторые звездные системы и ведущие к ним маршруты отмечены на карте алым цветом. Вероятно, гипертоннели не могут быть сформированы. Если сравнить количество красных линий с повреждениями Врат, которые помнят алгиты, то нетрудно догадаться, почему некоторые маршруты блокированы.

– Уму непостижимо... – Русанов не мог оторвать взгляд от объемного изображения. – Алгиты знают, кто построил межзвездную сеть?!

– Нет. Как я понял, их не интересует история цивилизаций. Но смотри, что получается: многие Врата Миров серьезно повреждены, но никто даже не попытался восстановить их на протяжении достаточно долгого времени! Это наводит на мысль, что современные цивилизации лишь эксплуатируют межзвездную сеть, но не являются ее создателями! К тому же я выяснил: часть маршрутов была недоступна и ранее! Они как бы «зарезервированы», вот только непонятно кем? Я пока не смог разобраться, – алгиты отвечают слишком неопределенно.

Русанов глубоко задумался.

– Значит, сеть гипертоннелей постепенно приходит в упадок? – переспросил он.

– Без сомнения.

– Тогда это наш шанс, Глеб! Помнишь, ты спрашивал: куда мы полетим, какие планеты сможем колонизировать, если Солнечная система находится в плотном окружении иных цивилизаций?

– Конечно, помню.

– Мобильный гипердвигатель позволит совершить прыжок на координаты одной из надежно изолированных звездных систем! Там наверняка имеется пригодная для жизни планета, иначе зачем было прокладывать маршрут к ней?

– Но она будет населена!

– Не факт! Ты ведь сам упомянул: некоторые маршруты были зарезервированы! Вне всякого сомнения, это сделано строителями сети!

– Не спеши с выводами. Я пока не выяснил точного значения термина, – предостерег его Глеб. – Зарезервированы, отрезаны, запрещены – вот три варианта трактовки.

– Не важно! Туда нет доступа! Но как нам добраться до изолированной звездной системы?!

Полынин задумался.

– Выбор невелик, а расчеты прыжка сложны, – ответил он, глядя на звездную карту. – Я бы не стал пренебрегать ограничением по дальности. Строители сети не зря его ввели.

– Значит, ищем звезду в радиусе пятнадцати световых лет?

– Учитывая это условие, есть только два блокированных маршрута, – ответил Глеб. – Один не функционирует из-за повреждений Врат Миров, второй относится к разряду зарезервированных.

– Вот его мы и используем для тестовой настройки гипердвигателя! – заключил Русанов.

– У меня есть предложение.

– Говори.

– Подумай относительно интеграции алгитов в систему навигации «Прометея». Изучив гипердвигатель, они смогут оказать помощь в расчетах.

– Думаешь, сами не справимся?

– Мне удалось узнать некоторые подробности. Непосредственно перед прыжком алгиты соединяются с системой пробоя метрики и передают точные данные относительно массы космического корабля, его реальной энергооснащенности и расстояния, которое требуется преодолеть. На основе этой информации автоматика Врат Миров производит расчет импульса, необходимого для формирования гипертоннеля.

– Следовательно, зная массу «Прометея», энергетический потенциал корабля и расстояние до звездной системы, мы тоже сможем рассчитать прыжок!

– Не совсем так, – Полынин не разделял оптимизм Русанова. – В нашем случае возникает новая переменная. Смысл в том, что Врата Миров расходуют собственный запас энергии. Мы же, используя

мобильный гиперпривод, создаем импульс с помощью силовой установки корабля, что в доли секунд изменит заряд бортовых накопителей!

– А алгиты, по-твоему, справятся с введением поправок в момент формирования гипертоннеля?

– Теоретически – да. Но без ознакомления с двигателями «Прометея», без испытаний, тренировок, компьютерного моделирования они не дадут однозначного ответа. Алгитам необходимо ощущать корабль, осознавать себя его частью! Предлагаю все же ввести их в схему навигационного управления, но в качестве дублирующей системы. Расчеты будем производить параллельно, и если результат, выданный кибернетическими системами, совпадет с данными алгитов, тогда мы сможем говорить, что близки к успеху!

– Близки? – Русанов нахмурился.

– Пространство и время неразрывно связаны между собой, ты это понимаешь не хуже меня. Мы знаем, как создать пробой метрики, преодолеть огромное расстояние, но как поведет себя темпоральный поток?

– Никаких временны́х сдвигов до сих пор не возникало! «Варяг» совершил пять прыжков на координаты Новой Земли и обратно!

– Да, но гиперпривод «Прометея» отличается от прототипа!

– Глеб, этими вопросами занимаются специалисты, и поверь, мы учитываем все риски… – Русанов обернулся. – А ты молодец! Такую работу проделал! Есть какие-то пожелания? Общение с алгитами нужно продолжать, теперь, когда мы выбрали цель прыжка, их содействие будет особенно ценным!

– Не тяни с решением по интеграции. Я уверен, вреда не будет, только польза. Алгиты потеряли корабль, у них исчез смысл жизни. Они охотно согласятся на такое сотрудничество.

– Значит, настаиваешь? И что потребуется?

– Необходимо написать специальные программы, которые позволят колонии кристаллов взаимодействовать с кибернетическими системами «Прометея».

– Хорошо, я выделю тебе группу. Что-то еще?

– Я постепенно изучаю язык, на котором алгиты общались с представителями разных цивилизаций. Есть прогресс, неплохо бы систематизировать данные, создать программный модуль для автоматического перевода.

– Дельное предложение, – Русанов пристально взглянул на собеседника и добавил: – Рад, что не ошибся в тебе, Глеб.

* * *

Эрида. Три года спустя…

Глеб не чувствовал бега времени, работа поглощала его без остатка.

Мечта окрепла. Она приобрела материальные черты, воплотилась в колониальном транспорте «Прометей».

Облик легендарной «Альфы» не претерпел радикальных изменений, а вот внутреннее наполнение отсеков стало совершенно другим. Месяц назад завершился монтаж нового оборудования, и сейчас корабль находился в стадии тестирования основных систем.

В ангарах космической верфи работы шли круглосуточно.

Полынин остановился на обзорной площадке, обежал взглядом ближайшие сегменты в поиске Русанова.

Андрея он увидел издалека. Тот о чем-то эмоционально спорил с Захарьиным, главным инженером проекта.

– …Готовность систем корабля – восемьдесят процентов, – услышал он, подойдя ближе. – Криогенные залы загружены на три четверти. Сейчас основные работы ведутся в локационной надстройке. Датчики дальнего радиуса действия еще не подключены. Система жизнеобеспечения успешно прошла тестирование. Гипердвигатель проверяли только в условиях компьютерной симуляции. Реакторы выведены на предстартовую мощность, резервные накопители полностью заряжены.

– Ускорь работы, – Русанов был озабочен и зол. – Экипажи и боевые расчеты палуб должны находиться на борту в состоянии готовности!

– Я не понимаю, Андрей Игоревич, чем вызвано такое необоснованное изменение графика?! Мы, конечно, можем ускорить некоторые процессы, но окончательная отладка систем…

– Делай, что сказано! – Русанов заметил Полынина, жестом попросил: – Подожди, – вновь обернулся к Захарьину: – Выведи корабль на девяносто процентов готовности! Все! Исполняй! Искал меня? – он пожал Глебу руку.

– Да, ты не отвечал по коммуникатору. Что-то случилось?

– Датчики дальнего радиуса действия зафиксировали «Варяг»! – сообщил Русанов тревожную новость. – Движется к нам, выйдет на орбиту Эриды примерно через сутки!

– Надо поговорить.

– Хорошо, Глеб, но не здесь. Лучше у меня в кабинете.

* * *

В последние несколько месяцев они общались и виделись редко.

Каждый участник проекта «Прометей» отвечал за свой фронт работ, состав групп менялся по мере выполнения текущих задач. Те, кто начинал переоснащение космического корабля, сейчас находились в состоянии низкотемпературного сна, им на смену пробуждали специалистов иного профиля, ротации происходили постоянно, так удавалось экономить ресурсы систем жизнеобеспечения, поддерживая численность бодрствующего населения Эриды на уровне двухсот человек.

– К делу. – Русанов сел.

– Что происходит, Андрей? Ты взвинчен. Это из-за «Варяга»? – Глеб искал Русанова по другому вопросу, но известие о приближении крейсера ВКС России взволновало его.

– Есть причины. Боюсь, придется форсировать события, провести ходовые испытания раньше намеченного срока. На нас начали давить, Глеб, – неожиданно признался Русанов. – Ниточки, как ни горько

признавать, тянутся к Земле, хотя основные события происходят в колониях.

– Не понимаю, о чем речь?

– «DST-Cargo» пытаются обанкротить! На Ганимеде двум нашим транспортным кораблям, доставившим грузы в американский сектор освоения, отказано в дозаправке. Аналогичная ситуация в ближайшие сутки прогнозируется на Марсе, там намечаются проблемы в секторах освоения Евросоюза и Китая. В средствах массовой информации уже открыто говорят о грядущем банкротстве корпорации!

– Не знал. Новости доходят с запозданием. Да и работы много. – Глеб поднял взгляд. – Выстоим?

– Безусловно. – Русанов выглядел неважно. – Выстоим, но сигнал сам по себе очень тревожный! Фактически «DST-Cargo» сейчас находится в экономической блокаде. Мне пришлось использовать финансовые активы «Сибири», чтобы выполнять обязательства по контрактам внеземных перевозок!

– Кто за этим стоит?

– Страны Евросоюза, Соединенные Штаты и Китай! Можешь представить? Они начали внезапный, скоординированный натиск! Тактика не новая, но весьма эффективная! Сам понимаешь, каждый час простоя грузовых космических кораблей влечет за собой миллиардные убытки. Их цель – разорить «DST-Cargo», затем выкупить долги корпорации и получить ее, как говорится, на блюдечке. При этом осложнения в колониях неизбежны, но воспринимаются как допустимое зло, то есть наши противники готовы пойти на любые жертвы, лишь бы достичь цели!

– Сбой в снабжении колоний не выгоден никому, – заметил Полынин.

– Единственное разумное объяснение – утечка информации по проекту «Прометей»! – Русанов сцепил пальцы рук. – Все складывается одно к одному, Глеб. Проблемы начались, как только мы завершили монтаж и отладку гиперпривода!

– Думаешь, нас хотят остановить?

– Не исключаю! Китай, Соединенные Штаты и Евросоюз никогда не действовали сообща, не выступали одним фронтом! Появление «Варяга»

тоже оптимизма не внушает. Три года он не покидал орбиту Земли, а тут вдруг – незапланированный глубокий рейд! Не верю я в случайные совпадения!

– И как мы поступим?

– На Эриду доступ закрыт! Это частная территория! Не понимаю, на что они рассчитывают?

– А если пойдут на силовой вариант? – мрачно спросил Полынин. Перспектива ему совершенно не нравилась.

– Не решатся. Ладно, хватит. «Сибирь» выстоит, а на Эриду я никого не допущу!

Глеб его уверенности не разделял. Если произошла утечка информация о готовности «Прометея» к ходовым испытаниям, то проблемы не ограничатся многомиллиардными убытками.

– Я знаком с командиром «Варяга», капитаном Завьяловым. Может, выйти на связь, переговорить с ним?

– Пока рано. Пусть обозначат намерения.

– Ну, ты имей в виду: он давний друг моего отца, – все же уточнил Глеб.

– Приму к сведению. Так что у тебя? Зачем искал?

– Алгиты готовы к подключению. В условиях виртуальной реальности все прошло на «отлично». Нужно твое разрешение на инсталляцию пакета программ взаимодействия. Меня тревожит лишь одно обстоятельство – они тесно контактировали лишь со мной, среди сменных экипажей нет людей, способных на мысленное общение с ними.

– Что предлагаешь? – сухо спросил Русанов.

– Подготовить.

– Хорошо. Сам подбери кандидатуры. А они пойдут на мысленный контакт с другими членами экипажа?

– Да. Они согласны.

– В таком случае действуй. – Русанов явно не был настроен на продолжение разговора. – Извини, Глеб, голова раскалывается. Если вдруг понадобишься для переговоров с командиром «Варяга» – вызову.

* * *

Выйдя из кабинета Русанова, Глеб отдал несколько безотлагательных распоряжений, а сам направился в локационный центр.

«Давление на «DST-Cargo» со стороны стран, развивающих собственные колониальные программы освоения Марса и Ганимеда, еще можно объяснить причинами, никак не связанными с проектом «Прометей», – думал он. – Вероятно, они просто хотят устранить единственного успешного на сегодняшний день космического перевозчика, прибрать к рукам активы динамично развивающейся корпорации, а вот появление «Варяга» в схему чисто экономических интересов никак не укладывается…»

За годы, прожитые на Эриде, он часто задавал себе вопрос: как мы поступаем по отношению к другим людям, тем, кто так и не узнал правды? Не бежим ли, бросая миллиарды жителей Земли на произвол судьбы?

Второго пришествия «братьев по разуму» не произошло. Русанов ошибся в своих мрачных, пессимистичных прогнозах. Есть ли вообще в Солнечной системе вторые, дублирующие Врата Миров?

Алгиты не смогли ответить на этот вопрос. Им было известно только об одном, уже уничтоженном устройстве.

На сомнения Глеб отвечал себе предельно правдиво. Мы никого не предаем, ведь проект «Прометей» – это не билет в один конец! В случае успеха мы обязательно вернемся, откроем первый безопасный маршрут, ведущий в колонию! Наш пример, наши знания, накопленный опыт уже не смогут проигнорировать!

В локационном центре царила обычная рабочая обстановка. Отсюда велось слежение за объектами пояса Койпера – за три года было предотвращено два столкновения Эриды с небольшими астероидами.

Полынин занял свободное кресло, включил резервный терминал, углубился в изучение обстановки.

* * *

Оставшись один, Русанов налил себе коньяка. Нервы начинают сдавать. Накапливается усталость. Но тревожным ожиданием событий ни с кем не поделишься, – он уже жалел, что рассказал Глебу о внезапных проблемах корпорации. Нельзя сейчас дать слабину. Никак нельзя.

Внезапно заработал терминал дальней космической связи. Кибернетическая система поставила вызов в режим ожидания.

– Ответить!

Мгновенно сформировался голографический монитор, но изображения не появилось.

– «Варяг» на связи, вызываю Эриду!

– Русанов, слушаю.

Включился видеоканал.

Генерал Стожаров выглядел неважно. Еще бы. Дальний поход на окраину Солнечной системы на борту военного космического корабля – это не загородная прогулка.

– Давно не виделись, Андрей Игоревич! – Стожаров начал разговор с непринужденной фразы.

Русанов дружеского тона не поддержал. Не было ни времени, ни желания обмениваться пустыми любезностями.

– Поясните свои намерения, Денис Юрьевич. Почему крейсер движется к Эриде?

– Сам не догадался?! – тон Стожарова изменился. – Решился на собственную колониальную программу?! Думал, никто ничего не узнает?!

Холодок пробежал в груди Андрея. Стожаров блефует. Информация о «Прометее» не могла попасть в руки спецслужб!

– Я переоборудую «Альфу», – спокойно ответил он.

– Пригласишь взглянуть на корабль? – прищурился Стожаров. – Вижу, не по душе тебе гости. Небось и системы ПКО уже ввел в боевой режим? – На лице генерала играли желваки. Он нервничал и не мог до конца скрыть это. – Подставляешь ты, Андрей Игоревич, всех! Всех, живущих на Земле! Ведь владеешь полной информацией, а выводов не сделал, нашей позиции не понял! Воссоздал технологию гиперпривода, и что теперь? Преподнесешь ее «братьям по разуму»? Откроешь им доступ в Солнечную систему? Нет у тебя такого права, Русанов, и выбора

тоже нет! Либо ты допустишь моих людей на Эриду, уничтожишь гиперпривод, либо мы будем вынуждены действовать с позиции силы!

Русанов молча выслушал его, мысленно оценил угрозу.

Стожаров по-своему расценил его молчание.

– Думаешь, на испуг тебя беру? Нет. Прокололся ты на поставках нейтриниевых излучающих трубок!

– Нейтриний широко используется в разных устройствах.

– Но в малом количестве. В миллиграммах. Ты соблюдал осторожность, но заказ мы все же отследили. В общей сложности тридцать семь килограммов! Ровно столько требует основной компонент гиперпривода. Если я не прав – открой доступ, позволь осмотреть переоборудованную «Альфу», и вопрос закрыт, принесем глубочайшие извинения. Правильно пойми, Андрей Игоревич, при всем уважении, ты сейчас действуешь, как враг. Ну, совершишь прыжок, и что? Тебя уничтожат, корабль присвоят, а через пару лет мы получим пришельцев у себя на пороге? Стоило рисковать жизнями и вести поиски, уничтожать их устройство формирования гипертоннелей?! Ты же все прекрасно понимаешь сам!

– Притормози, Денис Юрьевич, – сухо прервал его Русанов. – Экономическое давление на «DST-Cargo» – тоже дело рук ВКС?

– Нет. Сами сейчас пытаемся разобраться. Мы не собирались делиться разведывательной информацией ни с Евросоюзом, ни с Соединенными Штатами, ни с Китаем. Тем более что основной удар приняла на себя корпорация «Сибирь»! Из-за твоих проблем сейчас миллиарды выводятся из российской экономики! Вариант, на мой взгляд, один: они также отследили поставку!

– Россия рассекретила технологию гиперпривода?

Стожаров побледнел.

– С ума ты сошел? Нет, конечно! И не рассекретим!

– Тогда откуда им знать, для чего нужен нейтриний?

– Ты не уходи от ответа!

– А я задал встречный вопрос по существу!

– Мы технологию никому не передавали!

– Ой ли? Ты так уверен? И о дублирующих Вратах Миров ничего не знаете?

– Искали их. Но не нашли! Ты к чему клонишь, Русанов?!

– К истине.

Информация, полученная от Стожарова, сложилась в непротиворечивую картину происходящего.

– Давай, Денис Юрьевич, взглянем на ситуацию с другого угла зрения. Наши разногласия мы решим, рано ты меня занес в категорию «врагов человечества». Подумай, что вдруг объединило три соперничающие державы против моей корпорации?

– Понятия не имею!

– Извини, значит, дальше своего носа ничего не видишь! Предположим, что дублирующие Врата Миров существуют и действовали все это время!

– Чушь! Вторжения не было!

– А кто тебе сказал, что нас попытаются захватить? Чужим не нужна Земля в качестве колонии! Им нужны наши технологии! Не проще ли позволить нам развиваться как ни в чем не бывало и снимать сливки с достижений прогресса?

– Думаешь, они тут? Наблюдают? Манипулируют?

– Уверен. И вот тебе мой прогноз: как только станет ясно, что «DST-Cargo» выстоит, не обанкротится, они проявят себя! Правительства трех стран прекрасно знают, что проблемы моей корпорации приведут к срыву поставок в колонии! Там пострадают люди! Но политиканы легко пошли на эту жертву! Им что-то предложили взамен. Например, инопланетную технологию. Такую, которая даст шанс на мировое господство!

– Ты только не перегибай!

– А ты придержи «Варяг». Подожди недельку, пока я улажу финансовые проблемы, возобновлю снабжение Марса и Ганимеда! Предлагаю тебе сделку – я выкладываю карты на стол, делюсь информацией, привожу объективные доказательства, что моя колониальная программа не несет угрозы и чужих в Солнечную систему

не приведет! Даже больше тебе дам! – запальчиво пообещал Русанов. – Получишь координаты дублирующих Врат Миров!

Стожаров поперхнулся.

– Тебе известно их местоположение?!

– Нет. Но мы получим координаты в ближайшие дни!

– Интересно, каким же образом?!

– Если я правильно просчитал ситуацию, за попыткой обанкротить «DST-Cargo» стоят наши «братья по разуму». Они хотят завладеть «Прометеем» сейчас, потому что поняли мою логику и знают: как только корабль уйдет в прыжок, им не видать его как своих ушей!

– Это почему? – опешил Стожаров.

– Я сказал, объясню.

– А ждать-то я почему должен?

– Как только станет ясно, что мы выдержали экономическую блокаду, появится «третья сила». И придет она через дублирующие врата!

– Ох, темнишь ты, Русанов! Время пытаешься выиграть?

– Я сделал конкретное предложение. Эрида без боя никому не сдастся, ни тебе, ни чужим! – жестко заявил Андрей. – Думай, генерал. Повременишь недельку – получишь все. Ударишь по Эриде сейчас – бездарно упустишь шанс узнать координаты Врат, реально изолировать от врагов Солнечную систему! Что скажешь?

– Выход «Варяга» на геосинхронную орбиту, личная встреча плюс обещанная тобой информация – вот мои условия! – Стожаров принял трудное решение. – Докажи, что твой проект не несет угрозы, и, может быть, еще разойдемся миром.

– Согласен. Доступ к информации будет открыт. Остается заранее обговорить один вопрос.

– Слушаю?

– Как мы будем действовать, если Эриду атакуют чужие? Врозь? Или вместе?

Стожаров помрачнел.

– Торопишь события!

– Нет. Готовлюсь к ним. Хочу ясности!

– Получу от тебя информацию – обсудим и этот вопрос!

* * *

Судьба не оставила шанса, уничтожила сомнения.

Русанов находился в ангаре «Прометея», когда заработал экстренный коммуникационный канал.

– Слушаю, Глеб! – отрывисто ответил он.

– Неопознанный объект на сканерах дальнего действия! – встревоженно сообщил Полынин. – Идентификации по сигнатуре не поддается! Всплеск энергии зафиксирован в пределах облака Оорта![5] По всем признакам – отработали дублирующие Врата Миров!

– Чужие?! – У Русанова дрожь рванула по спине, на миг пришло ощущение бессилия, отчаянья. – Курс определили?! Координаты устройства зафиксировали?!

– Объект движется к нам! Область энергетического всплеска сейчас уточняем! У нас в запасе три часа, не больше!

– Попытайся установить связь с неопознанным объектом! – Русанов уже спускался с площадки, направляясь к главному шлюзу «Прометея».

– Андрей, пустая трата времени! Как ты и предполагал, они знают о проекте!

Иллюзии действительно неуместны…

– Объявляй экстренную эвакуацию города! Всех жителей – в ангар «Прометея»! Систему противокосмической обороны в боевой режим!

– Понял! Связь отменить?

– Нет, попробуй их вызвать! Используй язык алгитов! Нам нужно выиграть время на предстартовые процедуры! – Русанов уже прошел через шлюз, оказался в отсеке предстартового накопителя. – Я в рубку! Держим связь!

Он знал, это случится, но все равно испытал замешательство. «Прометей» еще ни разу не покидал ангар после реконструкции! Мы не испытали гиперпривод в действии, не завершили всех запланированных процедур! Да что же теперь?! Сдаваться?!..» – мысли теснились в голове, мешали сосредоточиться.

Он растерялся. Первый раз в жизни по-настоящему растерялся.

…

– Эрида вызывает неопознанный объект! Эрида вызывает неопознанный объект! Эрида вызывает…

Нет ответа. Глеб коснулся сенсора, перевел систему связи в автоматический режим, встал, направился к нише со скафандрами.

– Андрей, они не отвечают! «Варяг» сошел с геосинхронной орбиты!

– Понял, используй защищенный канал ВКС, запроси у капитана Завьялова данные по объекту! Он должен что-то знать, уверен!

– Сделаю! – Пластины легкой, но прочной металлокевларовой брони начали смещаться, герметизируясь.

Над кратером, где располагалось основное поселение Эриды, разливалась тьма. Огни города гасли сектор за сектором.

Тонко пискнул предупреждающий сигнал.

– «Варяг», это Эрида. Вызываю капитана Завьялова.

Через секунду пришел ответ:

– Эрида, слушаю вас!

– Савелий Иванович, это Глеб Полынин.

– Глеб?! – Завьялов был потрясен. – Ты же погиб!

– Нет времени объяснять! У нас неопознанный объект на сканерах дальнего радиуса действия! Передаю файл сканирования. Просмотрите сигнатуру. Есть какие-то соображения? И доложите Стожарову, что мы начали экстренную эвакуацию! Система ПКО введена в режим автоматической обороны!

– Секунду, Глеб! – Завьялов быстро взял себя в руки. – Да, подтверждаю, энергоматрица мне знакома! Встречал подобный корабль в системе Новой Земли!

– Можно хоть что-то прояснить относительно их намерений?!

– Минуту!

Глеб завершил экипироваться, загерметизировал гермошлем, проверил связь.

– Мы сориентировали локационный комплекс, ведем энергосканирование, – сообщил Завьялов. – Корабль чужих в боевом режиме!

– Накачка оружия?

– Да, есть характерные признаки! Что собираешься предпринять?

– Дать отпор!

– Ты в своем уме, Полынин? – в диалог вмешался Стожаров. Он только что прибыл в рубку «Варяга» и пытался понять ситуацию.

– Первым не начну! – огрызнулся Глеб. – Попытаются открыть огонь или высадить десант – получат по полной!

Злоба душила. Сомнений и надежд не осталось. Не поздороваться же они летят!

Он вызвал Русанова:

– Андрей, мне нужен второй командный код! Не могу ввести энергоматрицу чужого корабля в качестве цели!

– Я в рубке. Вводи свой, я синхронизируюсь по сети!

Через несколько секунд оба командных кода были введены, теперь автоматические системы обороны Эриды получили четкие указания.

– Осипов! – Глеб вызвал командира второго сменного экипажа «Прометея».

– На связи!

– Доложить!

– Эвакуация идет по плану! Из двухсот человек половина уже в накопителе!

– Разблокируй доступ к ангару «Прометея»! Всем на борт! Сформировать бригады медиков! Начать заполнение криогенных залов! Штатный экипаж по боевым местам!

– Мы стартуем?! – в голосе Осипова прорвалась плохо скрытая дрожь.

– Вероятно! – процедил Полынин. – Действуй! Чтобы через десять минут в городе не осталось никого, кроме сервов!

* * *

Прошлого уже нет, будущее не определено, остался лишь миг настоящего, право на выбор.

Дрожь по переборкам. Алая засечка на целевом мониторе, писк индикационных сигналов, ровный спокойный голос, несущий теплые оттенки человеческих интонаций:

– *Эвакуация завершена. Все системы Эриды в автоматическом режиме. Батареи противокосмической обороны развернуты в боевую позицию. Обновление для программ распознавания целей установлено. Неопознанный объект на сканерах дальнего радиуса действия. Идет анализ энергоматрицы.*

Ледяная испарина по телу. Лавина острых ощущений грозила смять рассудок.

Прошлое уже не играло роли. Оно осталось за чертой невозвращения, теперь память сохранит лишь шаг, порог шлюза да тяжелую бронированную дверь, закрывшуюся за спиной.

– Командир!

Русанов вздрогнул. Он не сразу осознал, что обращение адресовано ему.

«Ну что за нелепость? Откуда предательская дрожь, головокружение, слабость? Ты ведь так истово мечтал отправиться к звездам, а теперь не готов ответить? Зачем же тогда поднялся на мостик?»

Его пальцы побелели, вцепились в дугообразный поручень смотровой площадки, расположенной выше боевых и рабочих постов.

– Командир, надень бронескафандр! – Голос Глеба Полынина раздался на фоне очередного доклада кибернетической системы:

– *Завершено обновление навигационных программ. Колония алгитов успешно инициализирована. Модуль расчета гиперпрыжка готов к приему данных.*

Он неотрывно смотрел на экраны, пальцы свело судорогой, а лавина ощущений все нарастала, пока в поле периферийного зрения не появились две массивные фигуры.

– Командир, дай помогу! – Полынин коснулся сенсора на втором скафандре, и тяжело бронированная оболочка глухо взвыла сервомоторами, сдвигая сегменты, открывая доступ внутрь.

«Я даже не успел потренироваться. Все некогда было… – разорванные, мятущиеся мысли продолжали низводить разум до состояния шока. – Никто из нас не был готов к такому обвальному развитию событий!

Нет, ты знал, Русанов, интуитивно предвидел всевозможные сценарии, иначе почему «Прометей» в буквальном смысле пронизан системами двойного предназначения? Ты никогда не верил, что дальний космос легко и безропотно подчинится людям. Ты мечтал созидать, исследовать, путешествовать между мирами, но подсознательно готовился к борьбе на пределе сил, на грани выживания, за чертой…»

Он с усилием разжал пальцы, сделал шаг назад, ощутил, как затылок коснулся мягкой подложки гермошлема, и кибернетическая система скафандра тут же начала процесс автоматической герметизации: десятки увитых приводами, оканчивающихся разъемами шлейфов самостоятельно соединились с ответными гнездами, бронепластины с шелестом скользнули на свои места, опустилось проекционное забрало шлема, окружающее на миг подернулось дымкой и вдруг обрело новую остроту и четкость.

– Глеб? – он развернулся, чувствуя, как идет финальная стадия адаптации, массивный бронескафандр подстраивался под особенности его телосложения, и, несмотря на вес экипировки, движения получались плавными, без рывков.

– Я тут, – мгновенно откликнулся Полынин.

На внутреннем ободе забрала искрами пробежала цепочка индикационных сигналов, свидетельствуя о статусе систем.

Собственное дыхание поначалу казалось громким, отчетливым, затем ощущения вновь трансформировались, потребовалось лишь волевое усилие, мысленный окрик, команда собственному рассудку: «Хватит уже! Соберись!»

– Примешь командование?

– Нет! – категоричный ответ Полынина, переданный коммуникатором, прозвучал твердо, без тени сомнения. – Люди верят тебе, Андрей!

– Нам предстоит бой!

– Мы готовились к разным ситуациям. Экипаж не подведет!

Русанов молча развернулся, направился к противоперегрузочному ложементу.

Сотни подсистем «Прометея» находились в финальной стадии предстартового тестирования. Отчеты продолжали поступать, теперь

голос кибернетической системы дублировался бегущей в нижней части забрала текстовой строкой:

Базы данных обновлены. Установлены словари универсального языка для модуля автоматического перевода.

Единое информационное поле сформировано. Связь с боевыми и техническими постами проверена.

Русанов сел в кресло. Новизна ощущений не притупилась, но острых, мешающих сосредоточиться реакций стало меньше, рассудок уже не тонул в информационном поле, а осознанно погружался в него, принимая лишь необходимые данные, отсекая лишние сведения.

Спинка кресла изменила наклон, механические захваты зафиксировали бронескафандр, система противоперегрузочного ложемента сообщила о готовности.

– Эвакуационные группы, доложить! – потребовал Русанов.

– Персонал размещен в криогенных залах. Готовы к стартовому ускорению!

– Двигательный отсек?

– Захарьин на связи! Проверка синхронизации завершена! Готовы к маневрированию!

– Полынин?

– Принял командование боевыми постами! Канал телеметрии между «Варягом» и «Прометеем» установлен, модули боевого взаимодействия подключены! Активированы программы защиты от декомпрессии, дополнительные переборки опущены, сегментация корабля произведена успешно! Накопители артиллерийских и ракетных батарей полностью заряжены, боевые эскалаторы протестированы!

– Начинаем сброс атмосферы из ангара!

Заработал канал внешней связи:

– «Прометей», на связи «Варяг»! – Голос капитана Завьялова в данный момент слышали только Русанов и Полынин. – Мы в геосинхронном маневре! Заняли позицию, закрыты планетой. Доложите, что у вас?!

– Завершаем предстартовую подготовку!

– Торопитесь! Инопланетный корабль увеличил скорость! Расчетное время до визуального контакта – тридцать две минуты! Отслеживаем

работу защитных силовых полей и систем энергетического оружия! Еще раз подтверждаю: анализ сигнатур совпадает с записями, полученными в системе Новой Земли! Они готовы к бою! Нам бы такие двигатели и гасители инерции! – с досадой добавил он.

– Информацию принял! Включаем системы активной маскировки. Некоторое время связи не будет!

– Ждем на позиции! – напомнил о себе Стожаров. – Твоя правда, Русанов! Мы зафиксировали координаты дублирующих Врат! Дальше действуем согласно плану! Вы уходите в прыжок, мы прикрываем!

* * *

Город Эриды затаился во тьме.

Мрак смыкался над приземистыми постройками, лишь на обособленных экранах в рубке «Прометея» призрачными, размытыми аурами на фоне тьмы проступали энергоматрицы активных систем опустевшего, приготовившегося к автоматической обороне поселения.

Не так, совершенно не так представлялся Русанову старт «Прометея»!

– Свод ангара открыт! Донная тяга, два процента мощности!

Среди построек космической верфи зародилось яростное сияние, оно ширилось, приобретая оттенки пламени, словно в безмолвии вакуума вдруг началось извержение вулкана.

«Прометей» медленно поднимался над стартовой плитой. Сегменты свода, сдвинувшиеся в стороны и повернувшиеся ребром, защищали окружающие постройки от воздействия набирающего силу пламени, пока огромный космический корабль не поднялся выше их среза.

На минуту все здания города отбросили резкие, стремительно укорачивающиеся тени.

– Включение маршевых двигателей!

В кормовой части колониального транспорта резким нестерпимым сиянием обозначилась пунктирная дуга, состоящая из двадцати секций фотонного двигателя.

Корабль начал ускоряться.

– Десять процентов мощности! Внимание в отсеках! Приготовиться к перегрузке!

Русанов едва не задохнулся, когда индикатор мощности досветовых двигателей плавно переместился к отметке тридцати процентов тяги. «Прометей» принял ускорение, поверхность Эриды резко провалилась вниз, начала стремительно удаляться, одновременно навалилась перегрузка, сложная система пилот-ложемента частично компенсировала ее, но все равно потемнело в глазах, дыхание перехватило, сознание помутилось.

Треть мощности. Черепашья скорость в сравнении с возможностями инопланетного корабля, но без мощных гасителей инерции даже такой маневр требовал серьезной физической и моральной подготовки.

Через пару секунд перегрузка стала терпимой, системы корабля адаптировались, автоматически вносили поправки, корректировали настройки ложементов.

– Тридцать пять процентов мощности! Фиксирую вибрации в кормовых отсеках! – пришел по сети доклад Захарьина.

– Снизить до двадцати пяти!

Русанов не хотел рисковать сейчас, когда корабль еще не совершил и первого витка вокруг Эриды. Ходовые испытания «Прометея» планировалось провести только через год, по сути, в эти минуты шла автоматическая настройка всех бортовых систем.

– «Варяг» мы на околопланетной орбите!

– Видим вас! – немедленно ответил Завьялов. – Время до контакта не определено! Они погасили скорость, маневрируют!

Русанов перевел взгляд на экран, куда выводились данные, полученные локационной системой «Варяга».

Инопланетный корабль по-прежнему выглядел как точка. Пока «Прометей» осуществлял старт, он совершил маневр, поднялся над плоскостью эклиптики Солнечной системы, видимо, пытаясь избежать обнаружения.

– Начинаем расчет прыжка!

* * *

Город Эриды исчез из поля зрения датчиков, скрылся за изгибающимся горизонтом.

– Они атакуют! – раздался в эфире возглас капитана Завьялова. – «Прометей», вас не заметили, все удалось, уходите в прыжок!

– Нам потребуется больше времени! – ответил Русанов. – Выясняем причину возникновения вибраций!

– Плохо! Нам с ними не тягаться!

– Попробуем! – резко ответил Полынин, вступив в разговор на командной частоте.

– Что вы задумали?

– Долго объяснять! Сейчас увидишь, система уже в действии!

Город Эриды действительно подвергся атаке. Три лазерных луча, преодолев огромное расстояние, ударили в склон кратера, вырвали из него гейзеры раскаленного вещества и погасли.

Через несколько секунд все повторилось, но на этот раз прицел был более точен. Две установки периметра противокосмической обороны превратились в брызги расплавленного металла.

«Они напали! – Русанов с трудом выдержал переданную со спутников картину беспощадных ударов, на которые невозможно ответить. – Чужой корабль собирался методично уничтожить все оборонительные узлы, оставаясь на огромном расстоянии от поверхности планеты!

Им известно точное расположение каждой точки периметра! Они постоянно наблюдали за нами, а мы не смогли обнаружить их устройства слежения!»

– Двигателям стоп! Маневр торможения со снижением орбиты!

– Андрей?! – генерал Стожаров немедленно вышел на связь. – Что ты задумал?! Не рискуй! Мы же обо всем договорились!

– Я не позволю уничтожить город!

– Это не наш бой! Противодействие уже началось! Автоматические системы справятся!

Русанов ничего не ответил. Злость кипела, выжигала рассудок.

– Захарьин, Рязанцев, готовьте корабль к гиперпрыжку! Расчетам боевых постов, внимание! Захватить цели по данным телеметрии с «Варяга», распределить и доложить!

Постройки покинутого людьми поселения внезапно озарила серия ракетных запусков, над кратером полыхнули множественные разрывы, и вдруг безвоздушное пространство над поверхностью Эриды начали застилать плотные облака, затопившие кратер от края до края.

Вновь ударили лазерные разряды, но они не достигли целей, на их пути теперь клубилась неодолимая преграда в виде нанокристаллов, преломляющих свет, рассеивающих энергию, сгорающих, но неистребимых, – на месте уничтоженных частиц тут же появлялись новые, искусственно созданный «облачный» покров мгновенно затягивал прорехи.

– Отлично сработано, «Прометей»! – на связь вышел генерал Стожаров. – Доложите, как идет подготовка к прыжку?

– Мы скрыты от противника, – ответил Полынин. – Проводим повторное тестирование систем. Выясняем причину возникших при ускорении вибраций.

– Инопланетный корабль ускоряется! Курс – Эрида! – сообщил Завьялов. – Они изменили тактику. Попытаются устранить помеху, сжечь облака частиц ударами плазмы!

– Что нам и требовалось! – резко ответил Русанов. – Их щиты предназначены для отражения ударов энергетического оружия! Они не помеха для снарядов и ракет!

– Город не выстоит! – высказал сомнение Стожаров.

– Не выстоит, если мы ему не поможем!

– Андрей, не дури!

– Денис Юрьевич, либо мы действуем сообща, используем фактор внезапности и врежем им, либо все усилия зря!

– У «Прометея» другая задача! Вы должны совершить пробный прыжок и вернуться!

– Выполним обе! Какой смысл совершать прыжок, если возвращаться будет некуда?! Надо скоординировать действия! Они нас не видят, мы по другую сторону планеты! Фактор внезапности на нашей стороне!

– Недооцениваешь противника! Мы понятия не имеем, насколько хороши их сканеры!

– Стали бы они атаковать город, если б зафиксировали старт «Прометея»?! Их возможности не безграничны! Нужно рискнуть, иначе они справятся с обороной поселения, а потом разделаются с «Варягом»!

– Русанов прав! – неожиданно поддержал Андрея Завьялов. – Они снизятся над поверхностью Эриды до дистанции удара плазмой! Есть шанс перехватить их маневр! Нужно лишь точно синхронизировать атаку, просчитать траектории движения!

– И развязать войну?!

– Они уже ее начали! – резко ответил Полынин. – Теперь мы знаем координаты дублирующих Врат Миров, но если не разделаться с этим кораблем, то шансов отстоять Солнечную систему у «Варяга» не будет!

На некоторое время в эфире установилась гнетущая, напряженная тишина.

– Ладно! – принял решение Стожаров. – Атакуем их!

* * *

Над городом Эриды клубились облака антилазерных частиц, часто ритмично сверкали вспышки ракетных запусков.

Инопланетный корабль стремительно приближался к обороняющемуся поселению.

Он в десятки раз превосходил «Варяг» и «Прометей» по размерам, обладал несоизмеримо более мощными и многочисленными системами вооружений. Ни одна из выпущенных ракет пока что не достигла его обшивки, боеголовки уничтожались плотным лазерным огнем, чужие полностью контролировали ситуацию, действовали согласно своему замыслу.

Эмоции глохли. Моральное напряжение достигло предела и шагнуло за черту.

Русанов, сжав зубы, молча наблюдал за тщетными ракетными запусками.

Еще немного…

– «Прометей», фиксирую сигнатуры плазменных батарей! Они сейчас нанесут удар!

Пора...

Импульсные орудия города, молчавшие до сих пор, не выпустившие ни одного снаряда, вступили в бой. Сотни огненных пунктирных трасс ударили из недр облака, беспрепятственно прошили сетку лазерных лучей, хлестнули по обшивке исполина, – каждый снаряд, будто хищник, вырвал несколько кубических метров брони, испаряясь при соударении.

Чужой корабль содрогнулся.

Декомпрессионные выбросы ударили в космос. Атмосфера отсеков, смешанная с обломками брони и фрагментами оборудования, окутала его, растянулась вслед движению мутным шлейфом.

Ответный удар, казалось, испепелит Эриду.

Плазмогенераторы разрядились залпом, облака антилазерных частиц на мгновенье вспыхнули и исчезли, превратились в раскаленный газ, большинство плазменных сгустков ударили в скалы и здания, взорвались, озаряя поверхность Эриды режущими глаз вспышками, изогнулись бесчисленными, похожими на молнии вторичными разрядами.

Импульсные орудия систем противокосмической обороны смолкли.

Оборона Эриды была сломлена в течение нескольких секунд, но инопланетный корабль, медленно затмивший небеса над беззащитным городом, заплатил высокую цену – его обшивка по-прежнему извергалась декомпрессионными выбросами, часто аритмично включались двигатели ориентации, компенсируя реактивные импульсы, возникающие при сбросе атмосферы из поврежденных, потерявших герметизацию отсеков.

Чужие уверовали в победу. Они не сомневались, что город пал. Изменение в картах распределения энергий ясно указывало на подготовку к высадке десанта.

Два земных корабля двигались всего в сотне метров над поверхностью Эриды, повторяя неровности рельефа.

– Приготовиться в отсеках!

Один шанс на миллион. Одна попытка.

Курс «Прометея» и «Варяга» был проложен с таким расчетом, чтобы инопланетный корабль оказался между ними в момент атаки.

– Ракетные и орудийные комплексы правого борта – готовность! Беглый огонь с дистанции прямой видимости! Левый борт – режим ожидания маневра!

Первым над склонами кратера появился «Варяг».

За две-три секунды, пока работал фактор внезапности, батареи носовой полусферы крейсера выпустили весь боекомплект, без остатка.

Инопланетный корабль принял удар, содрогнулся, и его вдруг начало заваливать на один борт, – попадания тысяч снарядов и десятков ракет придали исполину неуправляемый импульс дрейфа, толкнули его в направлении скал.

«Прометей» вступил в схватку мгновением позже, когда «Варяг» уже двигался вдоль исполина, вспарывая его обшивку шквальным огнем ОРК[6] правого борта.

Колониальный транспорт ускорился в атакующем броске, его системы вооружений стремительно расходовали боекомплект, еще секунда, и орудия смолкли, включились двигатели ориентации, вращая корабль вокруг оси, открывая сектор обстрела батареям, еще не принимавшим участия в схватке.

Казалось, участь инопланетного корабля предрешена. Десятки тысяч попаданий вспороли его броню, в ответ ударили лишь разрозненные лазерные разряды, исполин окончательно потерял управление, он снижался, дрейфуя в опасной близости от поверхности Эриды.

– Русанов, мы выходим из боя! Держите курс на точку гиперперехода! Ускоряйтесь! Удачи и… ждем вашего возвращения!

– «Варяг», это «Прометей»! Повреждения минимальные! Уходим в прыжок!

Колониальный транспорт начал набирать ускорение, взмывая в угольно-черные небеса, навстречу пепельному диску Дисномии, когда все уцелевшие плазменные батареи инопланетного корабля залпом ударили вслед «Прометею».

Гипердвигатель уже работал.

Две вспышки слились в одну. Колониальный транспорт, объятый пламенем плазменных попаданий, разорвал метрику пространства и исчез.

Глава 5

За границами Солнечной системы…

Ослепительный свет сменился абсолютным мраком.

Не работал ни один экран. На многочисленных консолях управления стыл узор аварийной индикации.

– Мы… живы? – раздался голос в абсолютной тишине.

Андрей Русанов медленно обвел взглядом обстановку рубки.

– Отчет по состоянию систем! – хрипло потребовал он.

– Осмотреться в отсеках! Командирам палуб – доложить! – Командир первого сменного экипажа «Прометея» Сергей Рязанцев очнулся от непонятного оцепенения, начал действовать.

Приборы постепенно оживали, заработало несколько секций обзорных экранов, на фоне тьмы проступили колючие искорки звезд.

– Мы в трехмерном континууме!

– Прыжок совершен?! – Русанов помнил, как за мгновенье до перехода корабль настигли разряды плазмы и… больше ничего!

– Прыжок совершен… – Глеб Полынин включился в сеть. – Произошел сбой… – Он говорил прерывисто, тяжело, одновременно общаясь с колонией алгитов и опрашивая доступные кибернетические системы. – Удар плазмы изменил расчетные показатели энергии.

– Глеб, говори яснее! Что случилось на самом деле?!

– Перед тобой ядерные часы, командир.

Русанов перевел взгляд на показания бортового хронометра.

Рассудок помутился. «Мы совершили прыжок не только в пространстве, но и во времени?! На девяносто семь лет… в будущее?!»

– Алгиты не смогли учесть внезапную переменную, – вновь раздался голос Полынина. – Кибернетические системы тоже оказались бессильны. Мы двигались по заданным координатам, но создали аномалию временно́го потока!

На минуту воцарилась тишина, нарушаемая лишь сигналами прошедших перезагрузку приборов.

– Мы в заданной точке пространства?

– Да. Но прошло девяносто семь лет с момента старта!

Бездна времени. Как могла она сконцентрироваться в ощущение нескольких секунд?

– Проверить работу бортовых систем, включая ядерный хронометр!

Рязанцев, приняв доклады от командиров палуб, медленно произнес:

– Обшивка правого борта уничтожена на сорок процентов! Пятьдесят четыре отсека подверглись декомпрессии. Потери среди экипажа уточняю!

«Один залп. Всего один залп...» – Русанов чувствовал, как палуба уходит из-под ног.

– Звезда по левому борту! Система локации фиксирует три планеты!

Он перевел взгляд на заработавший информационный экран.

Характеристики планет удручали. Первая – раскаленный шарик, похожий на Меркурий, вторая обладает кислородосодержащей атмосферой, но, судя по данным экспресс-сканирования, скована льдом, третья – газовый гигант в окружении пяти лун.

– Уточняющие данные!

Центральная секция обзорного экрана автоматически укрупнила изображение второй планеты.

Шар, укутанный серым, непроницаемым покрывалом облачности, окружали кольца, состоящие из множества обломков!

Космические корабли, орбитальные станции, платформы, небольшие спутники...

– Здесь произошла битва, – Полынин находился на постоянной связи с алгитами. – Врата Миров уничтожены.

– Мы теряем энергию! Криогенные модули с четвертого по восьмой под угрозой отключения! Доклады из смежных секций не поступают!

Русанов чувствовал: еще немного, и он просто не выдержит. Все происходящее грозило раздавить рассудок!

– Глеб? – он вызвал Полынина по защищенному каналу связи. – Возьми несколько человек. Нужно добраться до вакуумного дока! Потери энергии критические, – Русанов постоянно принимал все новые и новые данные. – Работают только некоторые дублирующие системы. У нас совершенно нет времени! Сканеры дальнего радиуса так и не

включились. Мы практически ослепли. Доберись до десантного модуля. Нужны подробные данные по второй планете! Это сейчас главное, понимаешь?! Она – наш единственный шанс!

– Андрей, возьми себя в руки! – Полынин переключил канал связи. – Мещерин, Шевцов, идете со мной!

* * *

В поврежденных отсеках царил мрак.

– Питание полностью отсутствует. Телеметрию принимаете? – Полынин повернулся, осветил пробоину, сквозь которую улетучился воздух.

– Данные принимаем, – раздался ответ Русанова. – Осмотром повреждений займутся другие группы. Глеб, выдвигайся к третьему вакуумному доку, нам удалось подать энергию к его механизмам. Десантный модуль с бортовым номером «семь»!

– Понял, конец связи.

Искусственная гравитация в поврежденной части корабля не работала. В невесомости парили предметы, сорванные порывом декомпрессии со своих мест, но не выброшенные за пределы поврежденной обшивки «Прометея».

«Плохи наши дела, – думал Полынин. – По уточненным данным, третья часть корабля разгерметизирована и лишена энергии. В зону тотальных разрушений попали четыре криогенных зала, двести человек сейчас находятся на волосок от гибели».

Гнетущие ощущения нарастали. Он медленно продвигался по коридору, стараясь не потерять сцепление подошв скафандра с полом. Предметы и обломки, попадающиеся на пути, Полынин осторожно убирал с дороги.

Через двадцать метров путь преградила герметичная дверь. Здесь сработала защита палубы, но действия автоматики не предотвратили взрывной декомпрессии.

– Шевцов, взгляни, – Полынин посторонился, пропуская техника группы.

– Глухо, – ответил тот, вскрыв панель управления. – Можем открыть только при помощи ручного механического привода.

– Не пойдет. – Глеб вызвал на проекционное забрало гермошлема план уровня. Прежде чем достичь развязки коридоров, придется преодолеть три десятка аварийных переборок. Потери времени неприемлемы в сложившейся ситуации. – Всем внимание. – Он обернулся, осветил очередную пробоину. Во время атаки материал переборки размягчился под воздействием плазмы, давление воздуха внутри отсека выдавило его наружу в виде раскаленного пузыря. Он лопнул, образовалась округлая дыра с неровными волнистыми краями. – Пройдем через поврежденные отсеки. По внешнему корпусу доберемся до вакуумного дока. Мещерин, идешь первым, я следом, Шевцов замыкающий. Прикрепить фалы. Страхуем друг друга.

* * *

За пробоиной во тьме отсека плавали мелкие капли остывшего металла. Большинство приборов и корабельные коммуникации выглядели безнадежно поврежденными. Раскаленные частицы, подхваченные порывом декомпрессии, в буквальном смысле изрешетили все, что попадалось на их пути.

Свет закрепленных на гермошлемах фонарей выхватывал из мрака обрывки кабелей питания, фрагменты разорванных трубопроводов, осколки приборных панелей.

– Все в хлам, – разочарованно произнес Шевцов. – Восстановлению не подлежит.

– Помолчи, без тебя тошно! – грубо оборвал его Полынин.

Впереди показалось слабое мерцание.

Защитное поле, призванное удержать давление воздуха в поврежденных помещениях, блокировало часть пробоин.

– Полынин на связи. Мы в отсеках внешнего слоя. Некоторые эмиттеры еще работают.

– Герметизация?

– Нет. Слишком много повреждений.

– Понял тебя. Мы вышлем дополнительную группу техников. Поле отключим, энергию перераспределим на питание криогенных залов, – голос Русанова уже звучал спокойнее, что радовало.

Сухо щелкнул коммуникатор, вновь навалилась тишина.

Орудийный модуль. Надстройку, выступающую за границы двойного корпуса, выжгло. Сюда пришелся один из ударов плазмы. В вакууме парили тысячи снарядов, сегмент боевого эскалатора заклинило, створки аварийного люка не смогли закрыться, неизрасходованные боекомплекты выбросило из артпогреба устремившимся к пробоине воздушным потоком. «Хорошо, что каждый снаряд оснащен предохранителем, который дезактивируется только при прохождении через магнитное поле ускорителя», – подумал Глеб, приближаясь к огромной бреши.

Мещерин уже миновал ее, закрепился на обшивке и теперь подтягивал фал, помогая выбраться остальным.

– Не слабо нам досталось... – прозвучал по связи голос Шевцова.

Полынин выпрямился, осмотрелся, но ничего не ответил. Огромный участок брони по правому борту «Прометея» был похож на ноздреватый снег. Количество небольших пробоин не поддавалось мгновенному подсчету. На фоне тотальных разрушений выделялись места многократных попаданий, где секции обшивки полностью расплавились, обнажая изогнутые ребра жесткости.

Вакуумный док располагался чуть ниже, плазменный «дождь» почти не затронул его, лишь в некоторых местах на броне виднелись круговые подпалины.

– Шевцов, установи дистанционную связь с модулем, начинай предстартовую проверку. Ты, Сергей, – он обернулся к Мещерину, – используй ранцевый двигатель. Перепрыгнешь на ту сторону, – Полынин измерил взглядом пятидесятиметровый зазор между основным корпусом

«Прометея» и выступом стартовой палубы, – закрепишь фал. Мы страхуем тебя.

Звездная бездна расплескалась вокруг.

Отчаянные мысли лезли в голову.

– Прорвемся… – сквозь зубы выдавил он, понемногу стравливая фал.

Мещерин удалялся, тонкая нить скользила за ним, вот он коснулся выступа надстройки, на миг замер, затем ловким движением перебрался выше.

– Креплю фал. Вакуум-створы открыты, оборудование дока почти не пострадало.

– Отлично. – Полынин уже накинул каретку на трос и приготовился к движению.

* * *

Вторая планета системы. Три часа спустя…

Десантный модуль совершил орбитальный виток и пошел на снижение. Обломки сотен космических кораблей, образующих кольца, постепенно исчезли с экранов.

«Мир, непригодный для жизни?» – спросил себя Глеб.

Непроницаемый облачный покров преграждал путь животворящему солнечному свету.

«Ядерная зима?» – промелькнуло предположение. Сколько раз подобную катастрофу прогнозировали на Земле, но она, к счастью, так и не произошла. Что же случилось тут?

– Непроницаемая облачность на высотах в три-пять километров, – доложил Шевцов. – Внизу, должно быть, вечные сумерки.

– Сканирующее излучение «вязнет» в облаках. Много вулканического пепла, – добавил Мещерин. – Будем садиться? – он посмотрел на командира.

– Ищите площадку, – Полынин переключился на дальнюю связь. – «Прометей», как слышите нас?

– Пока слышим отчетливо, – ответил Рязанцев. – Глеб, не томи! Есть хорошие новости?

– Пока нет. Планета укрыта мощным слоем облачности. Предполагаем эффект ядерной зимы. Идем на посадку, связь, скорее всего, прервется.

Ответ потонул в помехах.

– Все. «Прометей» вне досягаемости.

– Выпускаю разведывательные зонды.

– Не сходится, командир… – Шевцов работал с системами датчиков. – Радиационный фон в норме. В составе облаков частицы сажи и пепел, скорее всего вулканический.

– Ядерный удар по планете исключаешь?

– Я тут поработал с данными сканирования. Битва в околопланетном пространстве произошла около века назад, не меньше. Ядерная зима закончилась бы раньше.

Ощутимые вибрации заставили всех замолчать.

Вокруг лишь серо-пепельная хмарь. Видимость упала до нуля, излучение датчиков едва пробивалось сквозь облачность.

– Внизу ледовый панцирь. Кое-где есть площадки, материал не определить, его нет в базах данных.

– Крыши зданий?

– Типа того. Какие-то сооружения, вмерзшие в лед. Нужно решать, командир. Где приземляемся?

Полынин внимательно изучал модель рельефа, построенную по показаниям приборов.

«С ума сойти. Единственная планета с кислородосодержащей атмосферой. Неужели нам придется жить тут? А какие варианты? «Прометей» критически поврежден, лишен энергии».

– Садимся здесь, – он отметил точку на карте.

– Понял, – Мещерин ввел координаты.

* * *

Над поверхностью планеты шел крупный снег, бушевала гроза. Ветвистые молнии рвали мрак, на миг освещая огромные пространства.

– Мрачно… – Мещерин начал облет места посадки.

– Толщина ледового панциря около километра. Множество крупных инородных вкраплений, – Шевцов скупо комментировал показания датчиков. – Вокруг места посадки мощные очаги инфракрасного излучения. Радиационный фон в пределах нормы.

– Снижаюсь, – предупредил Мещерин. – Площадка неровная, есть сомнения относительно ее устойчивости!

– Двигатели не выключай. Если что – немедленно взлетаем.

– Понял. Перехожу на донную тягу!

Десантный модуль погасил горизонтальную скорость, начал вертикальное снижение.

– Посадочные опоры выпущены. Пять секунд до касания. Три… Одна… Есть контакт!

– Ждем!

Внешние микрофоны передавали гул двигателей, заглушающий иные звуки.

– Площадка держит! Снизил мощность до десяти процентов. Амортизаторы отработали.

Пламя рвалось из-под днища, озаряя окрестности, вокруг начал таять и испаряться лед.

Модуль просел, серия глухих толчков обозначила работу системы самостабилизации, двигатели смолкли, теперь лишь вспышки молний освещали туманную пелену, окутавшую корабль, слышалось завывание ветра да трескучие раскаты грома.

– Шевцов, остаешься. Мещерин, со мной! – Полынин отстегнулся от кресла, встал, первым направился к шлюзу.

* * *

Снаружи бесновалась метель. Видимость почти нулевая.

– Открываем грузовой отсек. Развернуть аппаратуру. Шевцов, выпускай сервов, проведи стандартный комплекс исследований. Пробы льда, воздуха, грунта, конструктивного материала руин. Мы осмотрим окрестности.

Тонко взвыли приводы, раскладывая в рабочее положение отсек полевой лаборатории.

– Саша, за мной.

Снегопад внезапно прекратился, редкие снежинки еще кружили в воздухе, но видимость улучшилась, появилось сумеречное, красноватое освещение, словно неподалеку рдели очаги пожаров.

Полынин остановился на границе ровной площадки. «Несомненно, мы приземлились на крышу какой-то постройки», – подумал он.

Гроза теперь бушевала в отдалении.

Минус пятнадцать по шкале Цельсия. Источник красноватого освещения находился вне поля зрения, окружающий ландшафт не давал никаких поводов к оптимизму. Встроенные в бронескафандр датчики сканировали местность, система обрабатывала данные, формируя в толще проекционного забрала объемное изображение. Дождавшись, пока картинка стабилизируется, Полынин медленно повернулся, проверяя быстродействие кибернетических компонентов.

Нормально. При среднем уровне детализации на пятнадцать метров видно как днем, дальше, в перспективе, предметы тонули в дымке, сохраняя лишь общие очертания.

– Возраст ледового панциря составляет девяносто четыре года, – пришел по связи доклад Шевцова. – Взял четыре керна, результат одинаковый. Ядерный удар по планете исключен.

– Падение астероида?

– Не думаю. Здесь едва ли не каждый год происходят катастрофы. Ледовые керны содержат много вкраплений сажи и частиц вулканического пепла. Ледники образовались за очень короткий промежуток времени. Думаю, океаны планеты выкипели, затем наступило резкое глобальное похолодание.

– Вижу зарево у горизонта. Что там происходит?

– Это извергаются вулканы, фронт непрерывный, скорее всего, разлом в планетарной коре.

– Понял тебя. Продолжай исследования. Мы осмотрим прилегающую территорию.

– Не похоже на город, – Мещерин внимательно изучал окрестности. Огромные кратеры окружали место посадки, из толщи льда выступали обломки конструкций.

– Спускаемся, – Полынин указал на длинные, постепенно понижающиеся, как будто сползающие ко дну исполинских воронок осыпи сцементированных льдом каменных обломков.

– Во льду много примесей, – вновь раздался голос Шевцова. – В атмосфере ядовитые газы, химический состав еще анализируется.

– Здесь можно выжить? – Полынина волновали ближайшие перспективы.

– Да. Лед при очистке даст пресную воду, атмосфера содержит семнадцать процентов кислорода, но придется строить убежища с системой фильтрации. Нашему поколению не завидую, честно. Но в перспективе, лет через тридцать, все изменится к лучшему.

– Откуда такая уверенность? – Полынин продолжал спуск, двигаясь по гребню осыпи обломков.

– Выводы кибернетических систем. Я загрузил все доступные данные. Разломы в планетарной коре, извержения вулканов – это следствие периодического падения на планету крупных обломков космических кораблей. По логике, наиболее массивные, те, что находились на низких орбитах, уже сыграли роковую роль.

– То есть ситуация стабилизировалась?

– Это только предположение. Хотя вулканическая деятельность, судя по анализу ледовых кернов, постепенно затухает. Атмосфера уже начала очищаться, лет через тридцать солнечный свет снова согреет поверхность, начнется массовое таяние ледников.

– Короче, наступит «весна»?

– Верно. Место для поселения придется выбирать очень тщательно. Многие регионы затопит.

– Лично нам ничего не светит, кроме проблем? – Мещерина новости явно не порадовали.

– Ну почему же? – Шевцов охотно поддержал тему. – Разломы планетарной коры – это источники тепла. С уверенностью предположу – существуют зоны умеренного климата на границе геотермальных аномалий, где льда практически нет, а влияние вулканов слабеет. Это не очень обширные, но многочисленные территории, где вполне можно жить!

Каждый из них постепенно, от шага к шагу, от слова к слову, начинал понимать: они находятся на планете, которая станет их домом. Еще один прыжок, даже если удастся устранить все неполадки на борту «Прометея», был бы, по меньшей мере, безумием.

«Планета, конечно, не райский сад, но и выбора у нас нет», – думал Полынин, двигаясь по широкому разлому. Впереди датчики обнаружили стену здания с несколькими пробоинами.

– Командир, источник энергии! – Мещерин остановился.

– Не вижу.

– Внутри постройки! Тридцать градусов левее пролома!

– Есть. Зафиксировал. Идем туда. Мне кажется, это и не здание вовсе!

– Да, стена странная, – Мещерин детализировал изображение. – По структуре похоже на сморщенную кору дерева.

– Органика?

– Надо взять пробу. На первый взгляд – пластик!

Полынин уже подошел к фрагменту стены, проступающему сквозь лед, осветил ее.

Странная поверхность. Вся в наплывах, плавно закругляется в стороны и вверх. Борт космического корабля? Возможно. Он перевел взгляд на пробоину. Края иззубренные, угловатые. Следов воздействия энергетического оружия не видно.

Источник энергии сканировался в двадцати метрах от границы «обшивки».

– Заходим. – Он первым шагнул в темноту.

В свете фонарей был виден коридор овального сечения, похожий на ребристую глотку какого-то исполинского животного.

– Точно, не здание! – Мещерин остановился, осматривая свод, затем протянул руку, выдвинул комплексный анализатор. Зашелестело сверло, материал стены поддался, сбегая завитками стружки в приемный лоток.

Полынин прошел чуть дальше. Коридор разветвился, один из его отрезков резко уходил вверх, одновременно изгибаясь вправо, два других понижались.

– Вижу помещение. Зал полусферической формы. Источник энергии там.

– Взял пробу материала стены, – откликнулся Мещерин. – Система анализа показывает сложное органическое соединение.

– Конкретнее?

– Автоматика не распознает, – в голосе лейтенанта прозвучало разочарование. – Молекулы очень сложные. Никогда не видел ничего подобного.

– Обшивка корабля состоит из органики?

– Да.

– Ну, посмотрим, что там дальше? – Полынин направился по уводящему вверх коридору к залу, обнаруженному сканерами.

Шаги гулко отдавались в тиши пустых помещений. «Странный корабль, – думал Глеб. – Ни приборов, ни оборудования, хотя кто знает, для чего предназначены многочисленные наплывы и выступы?»

Коридор плавно изогнулся, и путь внезапно преградила мембрана из кожистого материала, пронизанного темными нитями, напоминающими сетку кровеносных сосудов.

– Разрежем? – спросил Мещерин.

– Подожди, – Глеб осмотрелся в надежде найти какие-то органы управления, но среди многочисленных потеков, образующих замысловатый рельеф закругляющихся кверху стен, не было ничего привычного, знакомого взгляду, способного натолкнуть на ассоциативное решение.

Он протянул руку, коснулся мембраны, ожидая встретить упругое сопротивление органического материала, но усилие оказалось чрезмерным, а преграда твердой, словно остекленевшей от холода, – по

ней вдруг побежали трещины, раздался резкий звук, со звоном посыпались осколки.

– Не рассчитана на низкие температуры. – Полынин перешагнул порог зала и замер.

В некоторых местах сквозь темно-коричневый, местами дымчатый материал наплывов, образующих сложный рельеф поверхностей, тускло просвечивали разноцветные искры индикационных сигналов!

Стены, плавно переходящие в полусферический свод, мерцали, но если на высоту двух метров от пола огни образовывали не поддающиеся интерпретации сочетания, то выше их свет становился ровным, серебристым, – над головами Полынина и Мещерина сияли миллионы звезд!

– Вы нашли зал управления или навигационный отсек! – воскликнул Шевцов. Он наблюдал за происходящим, используя канал телеметрии. – Можно и мне присоединиться? Я уже завершил все пробы!

– Оставайся на месте, мы возвращаемся, – осадил его Полынин. – Стены могут оказаться сенсорными панелями управления! Лучше сделать запись происходящего и доложить на «Прометей».

– Но это же потрясающее открытие!

– Которое никуда не денется! Здесь должны работать специалисты. Ни к чему не прикасаться! – предупредил он Мещерина.

– Да, конечно, понимаю.

Через некоторое время, завершив видеозапись и сканирование, они покинули загадочный отсек инопланетного корабля.

Спускаясь по коридору, к выходу из корабля, ни Полынин, ни Мещерин не могли видеть, к чему привело их появление.

В тишине зала раздалось слабое потрескивание. Пол, покрытый замысловато сплетающимися линиями, взбугрился, словно из глубин потерпевшего крушение инопланетного корабля поднимался какой-то агрегат.

Процесс прошел неудачно. Низкая температура изменила свойства органического материала, он утратил былую пластичность, прыснул трещинами, распадаясь на угловатые фрагменты.

Из открывшейся ниши поднялось нечто, похожее на узловатую, обвитую мышцами кисть руки. «Пальцы» с четырьмя суставами сжимали темно-коричневую, испятнанную хрупкой замерзшей слизью капсулу веретенообразной формы.

Еще секунда – и большинство индикационных сигналов стали красными, запульсировали в одном ритме, уже не меняя узора.

Коричневый кокон так и не раскрылся, а спустя минуту все погасло.

– Командир, я только что зафиксировал всплеск энергии на борту чужого корабля!

– И? – Полынин уже взбирался по осыпи.

– Понятия не имею. Может быть, какой-то сигнал? Вы точно ничего не трогали?

– Сам же видел.

– Странно. Теперь сигнатура затухает!

– Специалисты разберутся. Если завершил анализ проб, сворачивай лабораторию, готовь модуль к старту. Осмотрим тектонический разлом, затем выйдем на орбиту, наладим связь с «Прометеем».

Глеб задержался подле шлюза, еще раз внимательно осмотрел окрестности.

Лишь красноватый свет, отражающийся от облаков, да унылый однообразный пейзаж ледяной пустыни.

Две пары глаз, горящих голодным огнем, наблюдали за ним. Существа притаились за глыбой льда, не решаясь напасть.

Полынин их так и не заметил.

* * *

«Прометей».

Трое суток без сна.

Андрей Русанов чувствовал себя абсолютно выдохшимся. Сколько пришлось пережить за эти дни, сколько узнать, осмыслить, принять?

Все на грани.

В зале совещаний собрались ведущие специалисты научных групп, командиры палуб, инженеры.

Первым докладывал Захарьин.

– Положение критическое, – начал он говорить без вступлений. – Плазменные попадания разрушили внешние отсеки правого борта, на некоторых участках, – он выделил на голографической модели места наибольших разрушений, – декомпрессии подверглись отсеки второго и третьего слоя. Бронирование криогенных модулей выдержало, но, к сожалению, подобный сплав использовался только для защиты отделяемых сегментов со спящими колонистами на борту. Локационную систему дальнего радиуса действия запустить так и не удалось. Мы потеряли двигатели правого борта и два реактора из четырех. Их отстрелила автоматика во избежание взрыва. На данный момент мы стоим перед выбором. Уцелевшие силовые установки работают исключительно на питание криогенных модулей. В сложившейся ситуации восстановление «Прометея» невозможно. Нам придется выбирать между поддержанием жизни людей и ремонтом корабля. Выполнить обе задачи без отделения криогенных модулей, их перевода в режим автономного питания невозможно. Системы жизнеобеспечения сейчас работают только на командной палубе. Заменить реакторы нечем. Предлагаю отключить все вооружение, иначе долго не протянем, даже в режиме строжайшей экономии энергоресурсов.

– Сколько времени понадобится на восстановление «Прометея»? – глухо спросил Русанов.

– Если решим проблему с энергией и задействуем всех бортовых сервов, на ремонтные работы уйдет несколько лет. Точнее сейчас сказать не могу. У меня все.

– Бестужев?

Ведущий планетолог проекта встал.

– Мы завершили анализ данных, полученных группой Полынина при разведке планеты. Составлена карта полушарий по данным орбитального сканирования. Поверхность скована льдом, среднегодовая температура – минус двенадцать градусов по шкале Цельсия. Основная

версия – глобальная климатическая катастрофа, вызванная боевыми действиями с применением плазменного оружия.

– Организация поселения возможна? – Русанова сейчас интересовал только один вопрос.

– Да, есть и некоторые плюсы. Во-первых, удары плазмы уничтожили биосферу. Испепелили ее еще до наступления резкого похолодания. Это снимает вопрос об исконных формах жизни, их негативных факторах влияния. Современная вулканическая активность связана с длительной бомбардировкой поверхности крупными обломками космических кораблей. Катастрофы продолжались примерно семьдесят лет. Столкновения носили характер, схожий с падением небольших астероидов. В результате сканирования в толще ледникового панциря обнаружены десятки тысяч обломков, – некоторые по массе и размерам превосходят «Прометей». Теперь главное: мы составили термальные карты районов, прилегающих к очагам вулканической активности. Наши предположения подтвердились, на поверхности существуют обширные «пятна», где среднегодовые температуры превышают точку замерзания воды. Там обнаружены признаки микрожизни, что представляет серьезную опасность для открытого, не изолированного от внешней среды поселения. Несколько раз датчики зондов фиксировали крупных живых существ. Их облик и метаболизм пока изучить не удалось, данные представлены лишь движущимися тепловыми засечками, обнаруженными на фоне ледников.

– Я поставил перед планетологами конкретную задачу! – резко напомнил Русанов.

– Мы ее выполнили, – уставшим, бесцветным голосом ответил Бестужев. – Вот взгляните, – он указал на укрупненное изображение участка поверхности. – Как видите, три горных плато расположены в виде ступеней. Над верхним нависает обширный выступ скал. В непосредственной близости расположена сеть тектонических разломов, но, что важно, – она отделена от системы плато невысокими хребтами. На выбранном участке поверхности сейчас царят отрицательные температуры. Наше предложение сводится к следующему: при помощи планетарной техники пробить наклонные

тоннели, которые соединят плоскогорья с зонами тепла, установить в них конвекторы геотермальной энергии, а также систему очистки и подачи теплого воздуха. Над первичным поселением предлагаем установить купол защитной пленки из наномашин. Скальный выступ позволяет расположить эмиттеры в нужной конфигурации, полностью изолировать от внешней среды верхнее плато, а при необходимости и достаточном количестве энергии «растянуть» защиту. На срединном и нижнем плоскогорьях мы со временем сможем создать почвенный слой, культивировать растения.

– Мощности геотермальных источников достаточно для организации контролируемой среды обитания?

– По предварительной оценке, да. Проблемой станет вулканический пепел, он будет накапливаться, периодически поле, поддерживающее наномашинную пленку, придется отключать, осуществляя «сброс» продуктов извержений. Делать это нужно только при благоприятном направлении ветра, чтобы токсичные осадки не выпали на поселение и посевы.

– Это уже проблема техническая, в нашей ситуации непринципиальная, – резюмировал Русанов. – Храпов, – он перевел взгляд на командира разведывательной группы, исследовавшей кольца обломков, – докладывай!

– Мы сканировали обломки при помощи наномашин. Получены детальные изображения некоторых крупных фрагментов. Обработка данных еще не завершена, но предварительные выводы сделаны. Мы предполагаем, что в битве принимали участие три космических флота.

– Как это установили?

– Мы классифицировали обломки по нескольким уникальным признакам. К первой группе относятся корабли с органической броней, аналогичные тому, что обнаружила группа Полынина на планете. Ко второй мы отнесли фрагменты космических кораблей с однотипными повторяющимися элементами конструкций. В третью условную группу мы выделили орбитальные станции – одна из них достаточно хорошо сохранилась. Кроме того, в кольцах обломков обнаружены действующие источники энергии. Сигнатуры нечеткие, затухающие.

– Реальная угроза существует? – спросил Русанов.

– Потребуются годы на детальное изучение обломков. Любая из энергоматриц может стать источником огромных проблем.

– Спасибо, пока достаточно! – Русанов резко и неожиданно прервал доклад. – Перед совещанием я изучил краткие отчеты исследовательских групп. Не так мы представляли прыжок, совершенно иначе планировали организацию колонии, но, – он вскинул взгляд, – сейчас у нас нет возможности выбора! Определяю три главные задачи, три направления, в которых будем работать. Первая: высадка на планету. Сколько времени потребуется сервам и планетарным машинам для прокладки тоннелей, монтажа эмиттеров защитного поля, сборки силовых установок, возведения построек?

– Не меньше недели, если на планету будут отправлены все спускаемые модули с планетарной техникой, – ответил Бестужев.

– Значит, вопрос решен! Бестужев, ты отвечаешь за организацию первичного поселения. Создать временную инфраструктуру, установить устройства очистки воды, собрать жилые модули. Срок – десять дней. Вся планетарная техника в твоем распоряжении. Все ясно?

– Да, но…

– Возражения не принимаются! – Русанов даже не попытался выслушать планетолога. – Вторая задача: восстановление «Прометея». Как только криогенные модули будут отстыкованы и совершат посадку на планету, ремонтные работы должны начаться немедленно. – Он обратился к Захарьину: – Возглавишь ремонт. Все необходимые ресурсы, механизмы, людей я выделю.

– Сделаем, – сдержанно ответил главный инженер. По тону Русанова он понял, спорить сейчас бессмысленно.

– И, наконец, третье, не менее важное направление. Изучение обломков, поиск инопланетных технологий, которые мы сможем адаптировать и использовать. Этим займется Храпов со своей командой. Начнешь с высадки на борт наименее поврежденной орбитальной станции. Сутки на отдых и подготовку. – Он окинул взглядом собравшихся. – Вопросы?

– Я против пробуждения колонистов! – реплика Глеба Полынина прозвучала в полной тишине.

– Это почему? – Русанов резко повернул голову, пристально взглянул на него.

– Слишком рискованно начинать полномасштабное развитие колонии на планете, где во льдах законсервированы обломки космических кораблей неизвестных нам цивилизаций! Прежде их необходимо изучить. Предлагаю после посадки подключить криогенные модули к источникам геотермальной энергии, пробуждение осуществлять выборочно, проводить исследования сменным, вахтовым способом вплоть до окончания ремонта «Прометея». Криогенные модули следует замаскировать, по периметру поселения возвести рубежи обороны.

– Поясни свою позицию!

– Нам неизвестно, что скрывают обломки. Многие из них крупнее «Прометея», на борту сканируются источники энергии, а значит, там могут функционировать индивидуальные средства спасения! Не факт, что экипажи кораблей, принимавших участие в битве, погибли. Энергоматрицы, обнаруженные среди орбитальных колец, также несут потенциальную угрозу. Мы лишь поверхностно оценили обстановку, и пробуждать колонистов сейчас – огромный риск! Здесь произошла битва между несколькими цивилизациями, и ее отголоски, учитывая явное превосходство инопланетных технологий, могут ударить по нам, ударить насмерть!

– Я принял решение и не собираюсь его менять! – резко ответил Русанов. – Все. Все свободны. Совещание окончено! Глеб, задержись! – добавил он.

Полынин кивнул, отошел к секции обзорных экранов.

Зал совещаний быстро опустел, но напряженная эмоциональная атмосфера осталась.

– Присаживайся, поговорим.

– Запросто, – Полынин занял привычное место, положил планшет нанокомпа на стол.

– В чем дело, Глеб? Почему ты пошел против меня? – в вопросах звучало плохо скрытое раздражение.

– Андрей, тебе придется понять – мы теперь не корпорация, а колония.

– Вот как? – Русанов прищурился. – Быстро же ты захотел демократии! – не выдержав, взорвался он.

– Не демократии. Здравого смысла. У нас нет связи с Землей, нет ресурсов, жизненных пространств. Зато появилось множество задач! – Полынин пытался сохранить спокойный тон, но получилось плохо. – Ты больше не можешь единолично принимать решения!

– Когда дело касалось управления корпорацией – мог!

– Да, но ситуация теперь отличается в корне! Понимаю, ты привык стоять у руля, и никто не оспаривает твоего лидерства! Колонии нужен руководитель, но грош цена тому лидеру, который не прислушивается к мнению других не менее компетентных в своих областях специалистов!

– Дам слабину, начну совещаться, и все пойдет прахом! Глеб, очнись! Взгляни, что нас окружает! – Русанов зло указал в сторону обзорных экранов. – Мне не нужна раздробленность, когда каждый начальник отдела станет высказывать свое мнение, вносить смуту, действовать, как вздумается!

– При определении прерогатив, разработке стратегии развития ты должен слышать не только свой голос! Мы на краю гибели, это понятно? Малейшая ошибка обернется смертями! Ты готов ее совершить?!

– В смысле?

– Я прошу только одного: не принимай решение сгоряча, на нервах! Ты сейчас играешь судьбами людей! Ремонт «Прометея», изучение чужих технологий, исследование обломков – это действительно задачи первостепенные! Но наши активные действия могут вызвать рецидив, внезапные и совершенно непредсказуемые осложнения! Компактное поселение легко защитить. Полномасштабную колонию – нет! Я готов подчиняться, поддерживать тебя, рисковать жизнью, но и ты должен понять: корпорации больше нет! Ее не стало с момента, когда «Прометей» ушел в прыжок! Мы предоставлены сами себе, рассчитываем только на себя, и каждое действие должно основываться на здравом смысле!

Русанов молча выслушал Полынина, задумался, затем заметил:

– Глеб, с момента битвы прошло столетие! На орбитах и на поверхности – только обломки! Ты же военный! Неужели не понимаешь, все свершилось давно, победители уже исследовали эту систему, подобрали выживших, захватили пленных! Они произвели зачистку, оставив лишь не подлежащий восстановлению хлам! Да, для нас обломки – кладезь технологий, но они не опасны, – вот мое мнение! Прекрати сеять смуту! Мы будем развивать колонию, проводить полномасштабные исследования силами всех специалистов, и ты меня не убедишь в обратном!

– Решение окончательное?

– Да. Поднимешь бунт?! – резко осведомился Русанов.

– Нет. Останусь при своем мнении. Раскол в экипаже – худшее зло. Но мое мнение ты теперь знаешь.

– И что мне с ним делать?!

– Принять к сведению.

– Глеб, почему ты?! Почему именно сейчас?!

– Андрей, здесь нет ничего личного! Просто я вижу ситуацию иначе! Предательством стало бы мое молчание! Мы не в состоянии обобщить картину, по результатам поверхностного сканирования невозможно определить степень потенциальной угрозы!

Наступила тяжелая тишина.

– Иди, Глеб. Мне нужно подумать, – холодно подытожил Русанов. – Хотя нет, подожди! – он остановил его на пороге. – Отправляйся на планету с Бестужевым!

– А как же алгиты?! – опешил Полынин.

– Обойдутся некоторое время без твоего общества. Все. Выполняй!

* * *

Первичное поселение. Две недели спустя…

Красноватый свет озарял горы, играл тенями, отражался от облаков.

Тектонический разлом протянулся на сотни километров. Рана на теле планеты источала тепло и свет, стирала понятие смены дня и ночи.

Трудно переоценить опасность такого соседства, соизмерить риск и выгоду.

Глеб Полынин остановил вездеход у съезда на небольшую площадку, где был оборудован один из наблюдательных пунктов. Открыв дверь, он выбрался наружу. Жар раскаленных недр поднимался вдоль склонов, ветерок нес ядовитые испарения. Без специальной экипировки здесь невозможно дышать, лишь сервы неутомимо трудились внизу, им нипочем токсичная атмосфера.

«Прометей» после серии маневров сблизился с планетой, произвел отделение криогенных модулей. Десять спускаемых сегментов успешно осуществили посадку на среднем плато. Сейчас жизням колонистов ничто не угрожало, криогенные модули временно подключили к геотермальным источникам энергии.

«Все изменится к худшему, как только начнем массовое пробуждение», – пессимистично подумал Глеб.

План, принятый к исполнению, базировался на единоличном решении Андрея Русанова.

Полынин подошел к краю скального выступа, крепко ухватился за установленный поручень, взглянул вниз.

В извилистом русле огненной реки не прекращалась затянувшаяся на десятки лет борьба стихий. Верхние слои магмы остывали, подергивались темной коркой. «Похоже на ледоход», – думал он, наблюдая, как черные участки поверхности покрываются трещинами, раскалываются, наползают друг на друга, медленно двигаясь по течению вязкой раскаленной лавы. В трещины прорывался огонь, местами происходили взрывы, в воздухе кружил пепел.

Сервы и тяжелые роботизированные планетарные комплексы трудились без перерыва.

Десять наклонных тоннелей проложили в течение недели. По ним от тектонического разлома отвели тепло недр, специальные установки конвертировали его, питая накопители энергии, расположенные за хребтом.

Скалы под ногами вздрогнули. Очередной толчок. В сутки, длящиеся по тридцать часов, происходили сотни незначительных сейсмических

колебаний, не опасных, но раздражающих.

По берегам огненной реки на десятки километров в стороны простирались каменистые пустоши, дальше начинался бескрайний ледник.

Глеб чувствовал одиночество, растущее с каждым днем внутреннее напряжение. Он не высыпался, постоянно ожидая осложнений, неприятностей, но вопреки въедливому предчувствию подготовительные работы шли с опережением графика, сказывался опыт, накопленный при строительстве города на Эриде, вот только легче от этого не становилось. Пробуждение двух тысяч человек моментально осложнит ситуацию, превратит мелкие бытовые неудобства в лавину проблем.

«Нужно еще раз попытаться поговорить с Русановым. Должен же Андрей внять голосу здравого смысла? Понятно, в первые дни после прыжка все находились в состоянии шока, но теперь, когда эмоции немного улеглись, он выслушает меня! Вечером выйду на связь, еще раз приведу доводы против массового пробуждения. Тем более что Бестужев придерживается того же мнения, но опасается высказывать его прямо.

Русанов считает иначе. Он возлагает на пробуждение большие надежды, уже приказал сформировать десятки исследовательских групп, словно не понимает, что люди почувствуют себя обманутыми. Им обещали новую родину, планету, пригодную для свободного расселения. Энтузиазма надолго не хватит. Они уже выложились на Эриде, причем по полной программе. Терпели лишения, реконструировали «Альфу» и что в итоге? Максимум, что они получат, – это расселение по небольшим комнатушкам, однообразную синтетическую пищу и вид на бескрайние ледовые поля.

Нельзя так поступать. Нужно сохранить у людей надежду. Пробуждать небольшими группами, исследования проводить вахтовым методом: отработал год – и снова в криогенную камеру, только так мы дадим каждому шанс дожить до Весны – глобального потепления, которое прогнозируют планетологи».

Со слов Бестужева Глеб так представлял себе картину будущего: тектонический разлом постепенно зарубцуется, превратится в шрам на теле планеты, с каждым годом излучая все меньше тепла, но за это

время климат претерпит серьезные изменения, продукты вулканической деятельности осядут, атмосфера очистится, начнется период массового таяния льдов.

«За это время сервы разведают и освоят месторождения полезных ископаемых, на плато вырастет настоящий город, с нормальными условиями для жизни, завершится ремонт «Прометея», мы постепенно, без спешки, изучим планету, начнем терраформирование», – думал Полынин, наблюдая, как отвесный участок «берега» вдруг обрушился в огненную реку. Несколько выбросов магмы ударили на десятки метров вверх.

По оценкам Бестужева, первичное поселение не затронут резкие температурные аномалии, высота над уровнем океанов, которые сформируются после таяния ледового панциря планеты, защитит колонистов от опасности «всемирного потопа».

«Нет, серьезного разговора с Русановым не избежать. И чем быстрее он состоится, тем лучше...»

Ход его мыслей нарушил вызов.

– Глеб Сергеевич?

– Слушаю.

– Бестужев на связи. На сегодня запланирован запуск атмосферных процессоров. Не забыли?

– Помню, – Глеб взглянул на показания нанокомпа: – Буду через тридцать минут. Устроит?

– Да, мы дождемся вашего прибытия.

* * *

Дорога, по которой двигался вездеход, была проложена при помощи планетопреобразующих машин. Бестужев предлагал использовать русла высохших горных рек, но Полынин не счел это разумным. Инфраструктура колонии должна быть максимально защищена, надежнее спланировать и создать ее заново. В преддверии грядущего изменения климата любое из пересохших русел может внезапно

превратиться в бурлящий горный поток, то же самое относилось к ущельям, ложбинам на склонах. При планировании приходилось учитывать многие факторы, порой это утомляло, но Глеб ловил себя и на позитивных мыслях: дни, прожитые в предельном напряжении сил, не проходили бесследно, постепенно формировалось его личное отношение к планете как к новой родине.

«Мы все же достигли звезд, – думал он, глядя на серые безжизненные горные ландшафты. – Мы выживем, создадим очаг цивилизации вдали от дома, за сотни световых лет от родного солнца...»

Планета не переставала удивлять, преподносила неожиданные сюрпризы. На днях при запуске разведывательных зондов был обнаружен кристаллический лес – загадочное образование, расположенное в глубине ледника, на границе с небольшим тектоническим разломом. По данным, полученным от зонда, структуры, очень напоминающие деревья, на девяносто процентов состояли из кремния. Сегодня туда отправилась исследовательская группа – двенадцать человек на пяти планетарных машинах.

В оранжевом сумраке появились обрывистые очертания первого плато. Густая облачность висела низко, окрестные вершины гор тонули в клубящемся мареве, языки густого тумана сползали вдоль склонов, словно медленно движущиеся лавины.

Необыкновенная, своеобразная красота. Взгляд уже находил эстетику в явлениях, которые недавно казались губительными, зловещими, мышление менялось постепенно, трудно, но Глеб все чаще воспринимал окружающую реальность своим домом.

«Надо бы поднять вопрос о названии планеты», – подумал он, направляя вездеход к подъему, ведущему на срединное плато.

* * *

Активация защитного поля и запуск атмосферных процессоров были важнейшим, поворотным моментом, завершающим начало организации первичного поселения.

Технически идея «купола» принадлежала Захарьину. Он провел серию экспериментов, варьируя мощность эмиттеров защитного поля, разработанных для предотвращения взрывной декомпрессии отсеков космических кораблей.

Одним из последних достижений человеческой цивилизации стало использование свойства металлокерамических наночастиц в сочетании с генераторами магнитного поля. Мельчайшие светопроницаемые пылинки формировали тончайшую пленку, способную изменять характеристики плотности в зависимости от настроек эмиттера, – при максимальных значениях мощности генераторов нанопленка приобретала прочность стального сплава, при плавном ослаблении поля между частицами возникали микроскопические зазоры, способные пропускать молекулы воздуха.

Полынин остановил вездеход неподалеку от построек временного лагеря.

– Глеб Сергеевич, поднимайтесь на командный пункт!

– Иду, – он направился к ступеням, вырубленным сервами в скале.

– Все готово? – он обменялся рукопожатием с Бестужевым, кивнул остальным сотрудникам.

– Да, генераторы откалиброваны, компьютерное моделирование успешно завершено, емкости с нанопылью доставлены.

– Отлично, – Глеб занял место наблюдателя.

– Сегодня мы включим поле и сформируем защитную пленку в виде купола над тремя плато. Затем, при успешном формировании защиты, постепенно будем продолжать калибровку, изменять плотность и конфигурацию поля.

– Ну, с конфигурацией понятно, а плотность-то зачем варьировать? – спросил Глеб.

– Управлять защитным куполом просто необходимо! – эмоционально ответил Бестужев. – Вы же знаете: в тоннелях, проложенных сквозь скалы, установлены системы очистки воздуха. В защищенной зоне будет поддерживаться избыточное давление, чтобы не допустить проникновения токсинов из загрязненной атмосферы. Поэтому нам не нужна максимальная плотность нанопленки, – это потребовало бы

колоссальных затрат энергии! Мы откалибруем устройства, добьемся показателей, при которых потери очищенного воздуха будут минимальны, а потребление энергии существенно снизится!

– Но в случае внезапной необходимости мы сможем дать полную мощность?

– Безусловно! Купол станет непроницаемым, только поддерживать его в таком состоянии сложно, да и накладно. А зачем нам может понадобиться полная изоляция?

– Просто спросил. На всякий случай.

– Если вы подумали о военном применении, то напрасно, – пленка не выдержит механических воздействий.

– То есть пуля, к примеру, пробьет в ней дыру?

– Образно говоря, да. Но частицы тут же сомкнутся с незначительной потерей плотности.

– Отлично. Это я и хотел услышать.

– А вот я ничего не понял! – Бестужев вопросительно смотрел на Глеба, ожидая пояснений.

– Зенитный огонь, – пояснил Полынин. – Если вдруг придется применять средства противовоздушной обороны, как это повлияет на состояние купола?

– Некоторое количество частиц будет уничтожено, но, думаю, вести огонь можно. А почему вы спросили про максимальную плотность? Пленка не остановит крупный объект, если вы подумали о летательных аппаратах...

– А если на миг включить и выключить поле? Например, в точно рассчитанный момент? Допустим, когда предполагаемый объект будет пересекать его границу?

Бестужев задумался, затем как-то странно, с оттенком страха, посмотрел на Глеба.

– В чем дело?

– Меня просто поражает, почему любое изобретение вы стремитесь превратить в оружие? Это особый образ мышления, да?

– Мы на чуждой, неизученной планете, – пожал плечами Глеб. – Случиться может всякое.

– Хорошо. Я сделаю для вас расчеты. А теперь мы можем приступить к мирному строительству?

Полынин кивнул. Последняя фраза его задела.

«Ладно, пусть думает обо мне что угодно. Дай бог, чтобы мои опасения оказались напрасными». – Глеб повернулся к экранам.

Огромные емкости, заполненные сероватой жидкостью, были установлены в центре среднего плато.

– Включаем купол!

– Мощность эмиттеров – семьдесят процентов. Частицы не реагируют!

– Меняем конфигурацию поля. Прижимаем его к земле!

– Есть изменение. Контакт!

Глеб с интересом наблюдал за происходящим. От емкостей вдруг начали подниматься тонкие струйки жидкости, они притягивались к незримому полю, растекались по нему, а затем вдруг… исчезали!

– Что происходит? Почему они как будто растворяются в воздухе?

– Частицы образуют пленку толщиной в несколько нанометров. Она светопроницаема и невидима для глаза.

Полынин кивнул, продолжая наблюдать.

В воздухе над емкостями медленно расползалось серое пятно.

– Забор частиц завершен! Начинаем конфигурировать купол!

Серое пятно пришло в движение, стало постепенно истончаться, растягиваться в виде полусферы, еще некоторое время его можно было наблюдать невооруженным взглядом, затем визуальный эффект исчез.

Несколько минут прошли в напряженном ожидании.

– Поздравляю всех! Купол сформирован! – неожиданно произнес Бестужев. – Толщина пленки расчетная, края сомкнулись со скалами. Потребление энергии – пятьдесят два процента от максимума!

– И что теперь? – поинтересовался Глеб.

– Теперь мы находимся под защитой, через час начнем тестовое включение атмосферных процессоров, а еще через сутки можно будет выйти наружу без защитного костюма и дыхательного аппарата!

* * *

«Прометей» двигался по орбите в опасном соседстве со множеством обломков инопланетных космических кораблей.

Русанов завтракал. Жизнь на борту постепенно вошла в рабочее русло, но будни не радовали. Панорама окрестного космоса вызывала чувство безотчетного ужаса. Русанов злился на себя, специально не отключал экраны, но становилось лишь хуже.

Он не понимал, что его психика дала трещину. Никогда Андрей не признавал за собой слабости, всегда, даже в самые трудные моменты, управлял ситуацией, не позволял сомнениям вмешиваться в свои планы.

Теперь все резко изменилось, но он продолжал мыслить стереотипами прошлого. Каждый из обломков, проплывающих в поле зрения, вызывал у него невольный холодок, пробуждал недавние шоковые ощущения, заставлял чувствовать себя совершенно беззащитным. Один залп инопланетного корабля едва не уничтожил «Прометей» – думать об этом было невыносимо!

Ночью его мучили кошмары. Днем он не находил себе места, постоянно вмешивался в ремонтные работы, срывался на Захарьина, но больше всего его злила позиция Полынина.

Тот упрямо отстаивал свою точку зрения, нес какой-то бред о людях, о надежде, которую им обещали, о потеплении, которое наступит лет через тридцать, не раньше!

«А на что надеяться мне?!» – озлобленно думал Русанов. «Полынин прав – корпорации больше нет», – тут же начинал нашептывать внутренний голос.

Он потерял привычную точку опоры, его мировоззрение пошатнулось, мечта, к осуществлению которой он шел всю жизнь, медленно угасала, он терял самоконтроль, постепенно погружаясь в глухую депрессию, грозящую обернуться нервным срывом, но упорно гнал прочь зреющую проблему.

«Люди будут делать, что прикажу! – раздраженно думал он. – Каждый должен работать с полной отдачей! Я не хочу состариться на борту покалеченного корабля!»

Мысли, вязкие, тяжелые, не отпускали ни на миг.

Русанов раздраженно коснулся сенсора дальней связи.

Несколько секунд тишины лишь усилили вспышку необоснованной злости.

Уснули они там?!

– Храпов на связи!

– Докладывай! – Русанов взглядом отыскал орбитальную станцию, куда отправилась научная группа в составе тридцати человек.

– Мы на борту. Объект крайне интригует! Порой мне начинает казаться, что он построен людьми!

– Меня не интересуют предположения, тем более такие! – резко осадил его Русанов. – Что конкретно удалось выяснить?

– Назначение станции пока непонятно. Планировка отсеков, структура коридоров, дизайн некоторых обнаруженных приборных панелей, сохранившиеся предметы «меблировки» – все наводит на мысль о существах гуманоидного типа, – Храпов упорно гнул свою линию. – Например, мы обнаружили помещения, похожие на каюты. Обстановка спартанская, но тем привычнее выглядят отдельные детали интерьера. Экраны, стилизованные под овальные иллюминаторы, трансформируемая мебель, мы даже нашли устройство, похожее на тренажер для физических упражнений!

– Меня интересуют источники энергии, системы управления, вооружений и защиты! Запомнил?! Еще раз услышу твои «предположения» – смещу с должности! Медленно продвигаетесь! Почему я должен всех подгонять?! «Прометею» нужны энергетические щиты! Без них мы – беззащитная мишень!

– Да, Андрей Игоревич, я помню свою задачу! Но, поймите, нам пришлось провести подготовительные работы, без них исследования не начать! Повреждения станции очень серьезные. Отсеки внешнего слоя разгерметизированы. Да, продвигаемся очень медленно, но быстрее не выйдет! За сутки прорезали две аварийные переборки, установили временные шлюзы. Сервы движутся впереди, они обнаружили огромный купол, вы должны его видеть на изображении станции.

– Вижу, – Русанов раздраженным движением руки повернул голографическую модель.

– Это оранжерея.

– Отсек гидропоники?

– Нет, именно оранжерея, если не сказать – парк! На видео, снятом механизмами разведки, отчетливо видны погибшие деревья. Это не гидропоника, смею уверить! Для получения кислорода, выращивания пищи или изготовления биомассы пространство под куполом было бы оптимизировано, а оно больше отвечает потребностям эстетическим, нежели…

– Ну, хватит уже! – Русанов все же сорвался на крик. – Мы не в том положении, чтобы тратить время на эстетику!

– Андрей Игоревич, я уже понял! Мы выйдем на связь, как только определим расположение силовой установки станции, поймем, как подать питание на неработающие сейчас системы!

– Действуйте, – Русанов коснулся сенсора отбоя связи.

Настроение падало, словно стрелка барометра перед бурей.

Мечта о дальнем космосе, путешествии между звездами, все, чем он жил, грезил, ради чего преодолевал немыслимые трудности, – все обернулось тщетой!

«Я не сдамся! – упорно повторял Русанов. – «Прометей» не останется тут. Мы восстановим корабль, изучим обломки, разгадаем технологии иных цивилизаций, установим новые системы и…» – дальше мысль обрывалась в тревожной неопределенности.

Что ждет за пределами этой изолированной звездной системы? Не обернется ли новый прыжок еще большим разочарованием?

В глубине души он понимал: его мечта тривиально сдохла! Требовалось время, чтобы смириться с мыслью о мертвом мире, над преобразованием которого придется трудиться до самой старости!

От мрачных мыслей Русанова отвлек вызов по внутренней связи.

– Главный пост, капитан Рязанцев!

– Слушаю.

– Андрей Игоревич, у нас восемнадцать активных сигналов! – встревоженно доложил он. – Идентификации не поддаются!

– Анализ сигнатур? – Русанова обдало липким холодным потом.

– Они еще слишком далеко, к тому же маневрируют, прикрываются обломками!

– Иду!

* * *

Рязанцев начал действовать, не дожидаясь особых распоряжений.

– «Прометей» вызывает колонию, прием!

– Полынин на связи!

– Глеб, к нам приближаются неопознанные объекты! Слышишь меня?!

– Сережа, только спокойно! Не провоцируй их! – Полынин мгновенно понял: сбылись самые мрачные из его предположений. – Я буду на орбите через пятнадцать минут! Установлю связь с алгитами, через них попытаюсь наладить диалог! «Прометей» сейчас не в том состоянии, чтобы вести бой!

– Что же делать?!

– Сообщи мне расчетное время подлета объектов!

– Минут двадцать до визуального контакта, если они не изменят скорость!

– Продержись! Задействуй двигатели, разорви дистанцию! Первым огонь не открывай! Людей эвакуируй во внутренние отсеки!

На фоне переговоров раздались приглушенные сигналы тревоги. Системы «Прометея» вошли в боевой режим.

– Рязанцев, чем ты тут занят?!

Глеб уже завершил подготовку к старту. Голос на канале связи принадлежал Русанову, он добрался до рубки и, похоже, сейчас примет командование. Дров бы не наломал…

Двигатели взревели, пламя опалило каменистую пустошь.

– Бестужев!

– Слушаю! Что происходит?!

– К «Прометею» движутся неопознанные объекты! – Полынин говорил, сопротивляясь навалившимся перегрузкам. – Немедленно замаскируй базу! Отдай приказ сервам, пусть стягиваются к криогенным модулям! Установи режим охраны периметра по созданной мною схеме! Посадочные капониры сверху завалить камнями! Ты понял?

– Да. Сейчас распоряжусь! Как быть с энергостанциями?

– Пусть работают! Тепловая засветка от извержений маскирует их! Все, некогда, до связи!

Перегрузки схлынули. Корабль вышел на низкую околопланетную орбиту.

На экранах множились изображения. «Прометей» погасил все габаритные и навигационные огни и теперь двигался среди обломков, словно призрак. Не послушал Рязанцев, не задействовал двигатели, ну да ладно, все равно молодцы, маскируются, хотя, наверное, уже поздно.

Он связался с алгитами. Колония кристаллов откликнулась немедленно.

Мы скучали! Где ты был?!

Глеб ответил мысленными образами, передал свое восприятие чужих кораблей.

– *Это хондийские транспорты,* – отреагировали спокойно алагиты, – *торговцы.* – В мыслях возник образ насекомоподобных существ.

Глеб взглянул на данные сканирования. Длина каждого из объектов – тридцать семь метров. Корпус миндалевидный, обводы аэродинамические, в хвостовой части видны стабилизаторы для атмосферного полета.

– Русанов!

– На связи!

– Алгиты опознали объекты. Они принадлежат цивилизации хонди – разумных насекомых! Это грузовые корабли!

– Мне что, должно стать легче?! Они сближаются с «Прометеем»!

– Не горячись! Я пытаюсь связаться с ними! Не открывай огонь! Есть шанс установить контакт! Алгиты помогут!

– Даже не надейся!

– Почему?!

– Мы это уже проходили! Или забыл?!

– Дай мне несколько минут! Не делай глупостей!

– Это ты не делай глупостей! – Русанов уже не говорил, он орал, не контролируя эмоции. Внезапно нахлынули свежие воспоминания, но острый приступ страха не удалось заглушить даже криком.

Тонко пискнул сигнал. Локационные системы ближнего радиуса действия завершили сканирование, на экране появились характеристики одного из приближающихся кораблей и схематичное изображение его внутренней структуры.

Броня органическая. Двигатели в корме. Оружейные отсеки по бортам! А это еще что?! Взгляд Русанова различил подвижные энергоматрицы! Сигнал смешанный. Существа в скафандрах?!

…

Глеб изменил курс. Теперь он летел в сторону огромной станции, откуда, по всей видимости, стартовали корабли хонди.

Мысленная связь с алгитами устойчивая.

Переводите мои слова!

– Я приветствую хондийских торговцев!

В эфире на частоте связи, определенной алгитами, раздались скрежещущие звуки перевода.

Ответная передача!

– Н-болг не будет торговать!

– Почему?!

– Пусть хомо покинут станцию! Они вторглись в заброшенные секторы!

Глеб на мгновенье оцепенел.

Станция населена?! А речь, видимо, идет о группе Храпова?!

– Прекратите сближение! Я прошу – дайте мне время!

– Мы подождем, – ответ пришел с небольшой задержкой. – Но помни, хомо, ц'осты злы! Они не потерпят вторжения!

– Я все улажу!

Мысленная связь с алгитами, управление кораблем, диалог с иными существами, анализ ситуации – все это полностью поглощало внимание Глеба.

В душе вспыхнул огонек надежды.

Первый настоящий контакт! Он все-таки состоялся!

– Откуда хонди знают хомо? – Глеб не удержался, задал мгновенно сформировавшийся вопрос.

– Хомо живут здесь. Немного. Их привезли ц'осты. Давно.

Невероятно! Люди с Земли?! Здесь? На борту инопланетной станции?!

…

Русанов не понимал происходящего.

Он слышал скрежещущие в эфире звуки, но не мог правильно истолковать события. Только Глеб умел общаться с алгитами на мысленном уровне. Только он слышал сейчас перевод, но упорно не отвечал на запросы.

Рассудок Русанова не выдержал неизвестности. Андрей больше не контролировал свой страх, свой гнев, он не мог, да и не хотел бороться с острой неприязнью к Глебу. «Сначала Полынин открыто выступил против моих решений, а теперь о чем-то сговаривается с чужими?!»

Скрежещущие звуки царапали по нервам. «Нельзя было допускать инопланетную форму жизни к управлению «Прометеем»!» – запоздало подумал Андрей.

Сканеры как назло выдали новую порцию данных, система анализа визуализировала приблизительный облик существ, воссозданный по тепловому излучению их тел и энергоматрицам экипировки.

Жуткие твари…

Сколько их?!

По двадцать существ на каждом корабле?! А что с наполнением грузовых отсеков?! Пусто?! Лишь тлеют энергоматрицы систем вооружений! Торговать прилетели?! Или хотят высадить десант?!

Чужие корабли вдруг начали гасить скорость, но, маневрируя, они пересекли незримую границу, очерченную для автоматических систем противокосмической обороны колониального транспорта.

В рубке взвыли сигналы тревоги.

«Еще минута промедления – и эти твари высадятся на борт!» – метнулась в голове Русанова паническая мысль.

Он ничего не мог сделать со своим страхом. Пытаясь сопротивляться ему, Андрей лишь пробуждал клокочущую ненависть к чуждым существам.

– Отойди! – он оттолкнул Рязанцева, сел в кресло командира корабля, резко подтянул сенсорную панель управления оружием, ввел личный код.

– Полынин вызывает! – Рязанцев указал на коммуникационную панель.

– Пусть проваливает! Здесь командую я!

«Прометей» внезапно озарился вспышками от работы электромагнитных орудий носовой полусферы.

Три хондийских транспорта мгновенно превратились в облака обломков, остальные начали маневрировать, еще один корабль окутался облаками декомпрессионных выбросов, но на этом удача изменила Русанову.

Чужие корабли изменили построение, резко ускорились, ответили на огонь. Шквал лазерных разрядов хлестнул по десантному модулю Полынина, затем ударил по «Прометею».

– Хомо злые! – проскрежетало в эфире, но уже никто не услышал перевода, сделанного алгитами.

– Всем орудиям – беглый огонь! – Русанов смертельно побледнел, глядя, как корабль Глеба, беспорядочно вращаясь, удаляется в сторону огромной станции, той, куда недавно высадилась группа Храпова.

* * *

Бестужев вызывал «Прометей», но тщетно.

Не отвечал ни Полынин, ни Русанов.

Что происходит в космосе – непонятно!

Он сходил с ума от беспокойства, но ничего не мог предпринять, лишь бессильно наблюдал за сервами, выполнявшими последний приказ Глеба. Посадочные площадки криогенных модулей завалили камнями, кабели питания, проложенные к ним от конвертеров энергии, замаскировали.

«Что же происходит?!» – тревога и неопределенность сводили с ума.

Он связался с группой, отправленной в экспедицию к «кремниевому лесу», приказал возвращаться и снова вызвал «Прометей».

Нет ответа.

Глухая тишина в эфире.

…

Только к вечеру сканирующие комплексы, установленные в горах за пределами купола, зафиксировали энергоматрицу колониального транспорта.

Бестужев вздрогнул, пытаясь осознать чудовищную картину: «Прометей», медленно вращаясь, двигался в неуправляемом дрейфе со скоростью, намного превышающей допустимую для выхода на орбитальный виток!

Данные сканирования привели его в ужас. Корабль был лишен энергии, информация со спутника указывала на тотальные разрушения, – броня колониального транспорта зияла множеством новых пробоин!

Бестужев в полном оцепенении смотрел на экран. Он понимал – через несколько минут «Прометей» начнет удаляться от планеты и навек канет в бездну космического пространства!

Что же делать теперь?! Все кончено?! Полынин оказался прав?!

Тонко взвыл сигнал – от «Прометея» внезапно отделились три спасательных сегмента! Не совершая предварительных маневров, они вошли в атмосферу и начали снижаться, а вслед, – у Бестужева все похолодело в груди, – вслед им устремились пять неопознанных кораблей!

Они неумолимо настигали небольшие спасательные аппараты!

Система обороны, сформированная Глебом Полыниным, отреагировала раньше, чем Бестужев смог принять осмысленное решение. Боевые кибернетические комплексы, расположенные высоко в горах, открыли ураганный огонь по чужим кораблям, и те прекратили преследование, резко сманеврировали, уклоняясь от огненных трасс, а через мгновенье спасательные сегменты «Прометея» врезались в толщу ледника!

Бестужев перевел взгляд на монитор слежения.

Один из чужих кораблей падал, объятый пламенем, остальные повернули к горам!

«Что делать?! Они же нас обнаружат!» – Он переключил все системы в режим полного автоматического контроля, хотел выскочить наружу, но

не успел, – вдалеке, в районе «кремниевого леса», вдруг засверкали зарницы, полыхнул взрыв, видно, еще один чужой корабль был сбит огнем планетарных машин экспедиции!

Они найдут поселение! По следам, оставленным тяжелыми вездеходами! Никакая маскировка теперь не поможет!

Бестужев включил общую связь:

– Всем в убежище! Снаружи остаются только сервы!

Чужие корабли приближались. На частоте связи вдруг появились помехи.

«Успеют ли укрыться?» – Бестужев стремительно покинул рубку, бегом припустил по дороге, ведущей к верхнему плато.

Он находился на середине пути, когда в небесах, в пределах прямой видимости, появились три чужих корабля, – один из них, поврежденный зенитным огнем планетарных машин, врезался в скалы, остальные начали снижаться, выжигая укрепления периметра залпами из тяжелых лазерных установок.

Бестужев остановился. Что же делать? Он отчетливо видел, как шквал лазерных разрядов превращает укрепленные точки периметра в фонтаны расплавленной породы.

Бой был проигран. Сервы не выстояли и нескольких минут под ударами космических кораблей. Над нижним плато стелился дым, ветер рвал его, вытягивал шлейфами в направлении ледника, корабли чужих прекратили огонь, пошли на посадку, а вскоре на дороге показались фигуры существ, закованных в хитиновую броню.

Они прошли между заваленными камнями посадочными площадками, но не заинтересовались ими, направились дальше, к первичному поселению колонии.

Бестужев был человеком мирной профессии. Он не умел и не хотел воевать.

Но что делать? Внутри все стыло при взгляде на зловещие, неумолимо приближающиеся фигуры.

Стрелять?

«А долго ли продержусь? Ну, убью нескольких, что толку?!» – он положил на землю автомат, с которым все равно не умел обращаться,

включил модуль автоматического переводчика, созданный на основе знаний, полученных Глебом Полыниным от алгитов, и начал спускаться навстречу инопланетным существам.

Часть 2
Дети Весны

Глава 6

Станция Н-болг. Четверть века спустя...

Вечером, когда голографические небеса алели красками заката, поселок огласил истошный крик:

– Морфы!

Женщины завизжали, бросились по домам, спеша спрятать детей, мужчины схватились за оружие, хотя еще никому не удавалось насмерть поранить этих тварей.

Две серые безликие фигуры показались со стороны тоннеля.

Маланья подслеповато взглянула в их сторону, охнула, но не сдвинулась с места. А что ей было терять? Дети выросли, на старух морфы не зарятся, да и любопытство разобрало на старости лет.

Двое ц'остов шагали по улице, на ходу обретая человеческие черты.

– Зачем явились? – Иннокентий, старший над ополчением, преградил им путь. – Никого не отдадим! Убирайтесь, пока целы!

– Мы сегодня пришли с другой целью, – медленно выговорил морф.

– Тьфу, – Маланья с кривой усмешкой взглянула на нагих существ. – Хоть срамоту-то прикрой!

– Меня это не беспокоит, – холодно произнес второй. В руках у него подозрительно шевелился небольшой тряпичный сверток.

– Говори, что надо?! – Палец Иннокентия нервно елозил по бугорку сенсорной гашетки «Абакана». Ходят слухи, что морфа все же можно убить, если форсированной очередью, да в башку, хотя, по правде, проверять не хотелось. Патроны лучше поберечь, а не тратить их попусту в сомнительных экспериментах. Однажды он уже стрелял в ц'оста, да без толку. Только беду накликал. Тварь сбежала, а через пару часов селение окутал кромешный мрак.

Сидеть в темноте радости мало, да еще холод наступил лютый, такой, что по переборкам иней выступил, а все растения померзли.

Урок Иннокентий усвоил, но не смирился. Все ждал, наступит и наш час, наш черед.

Морфы тем временем осмотрелись, один из них подошел к Маланье, сунул в руки старухе тряпичный сверток.

– Сами решите, кто воспитывать будет. – Ц'ост наклонился ближе и шепнул: – Заботьтесь о ребенке. Не послушаете – пожалеете.

Угрозы, открыто произнесенные морфами, воспринимались всерьез. Наглядных уроков никто не хотел. Несколько селений уже погибло. Одних заморозили насмерть, других в пустые сектора изгнали.

Ц'осты больше разговаривать не стали. Решили, что дело сделано, развернулись и зашагали назад к тоннелю, ведущему через разрушенные палубы, к их недосягаемой и, как поговаривали, райской обители.

– У, нечисть! – сплюнул им вслед Иннокентий. – Маланья, что там? – он обернулся.

Старуха замерла, сама не своя.

– Подкидыш! – тихо простонала она. И зачем только тряпье развернула?

Иннокентий забрал у нее ребенка, взглянул.

– Девочка.

– Выродок! – зашипела старуха.

– Замолчи уж! Откуда знать, может, украли ее!

– Ага. У одних украли, а нам вернули? Говорю – выродок! Подкидыш морфовский!

– Что тебе сказал ц'ост?

– Беречь велел. Иначе, говорит, худо вам будет.

– Вот и береги! – Маланья и опомниться не успела, как Иннокентий вернул ей девочку. Та сладко спала, безмятежно посапывая.

– Да ты с ума сошел? Старая я детей-то растить!

– Ничего, справишься. В другой раз побежишь со всеми, от греха.

Так в поселке появилась Мишель.

Имя для девочки, как водится, выбрали наугад, из старой электронной книги, которая называлась «Список пассажиров и экипажа колониального транспорта «Прометей».

Под номером «67» там значилась некая Мишель Бертран, колонистка, экзобиолог. Из четырех непонятных слов понравилось первое, так и

решили.

Маланья со своей долей смирилась, но падчерицу невзлюбила. А с чего, спрашивается, ее любить? Всю жизнь прожила в страхе перед морфами да их подручными, а когда свои сыновья выросли, семьями обзавелись, оглянулась, а годы-то прошли! Даже вспомнить нечего, кроме тяжкого труда да вязкого, въедливого ужаса. Муж на заработках погиб, опять – мысленный плевок в сторону морфов – они виноваты! А кто же еще? Умные люди говорят, что именно ц'осты наплодили мутантов да прочую мерзость!

В отсеке у старухи было грязно, еды, как и у всех, только чтоб с голода не помереть, – разве тут не обозлишься?

– Ох, хлебнем мы с тобой горя… – Маланья подошла к самодельной колыбели, недобро взглянула на девочку. Маленькая, беспомощная, она не плакала, не заходилась в требовательном крике, лежала тихо, чистыми, невинными глазами рассматривала низкий грязный потолок отсека, улыбалась в ответ на злобный тяжелый взгляд старухи.

* * *

Чужие дети растут быстро.

О странном инциденте поговорили и забыли, других забот хватало с избытком.

Маланья редко выходила из своего отсека. Старость, как говорят, – не радость, зато Мишель росла смышленой, подвижной.

– Бабушка, – Мишель вошла с тяжелым ведром воды. – Морфы опять приходили!

– А ты и рада? – старуха недобро обожгла взглядом семилетнюю падчерицу.

– Они смешные, – улыбнулась Мишель. – И чего их все боятся?

– Воду не расплескай! Готовить будешь. Помнишь, как я учила?

– Конечно. – Девочка поставила ведро, подошла к старухе, обняла ее. – Сейчас. Отдышусь немного.

– Чего хотели-то?

Мишель пожала плечами. Ей нравилось ходить за водой, чувствовать себя взрослой. И готовила она охотно, а на косые взгляды да постоянное ворчание внимания не обращала. Привыкла.

– Морфы кричали громко. Злились. Я в сторонке стояла. Дедушка Иннокентий с ними спорил. – Она вылила часть воды в самодельную кастрюлю, поставила на сегмент нагревателя, коснулась сенсора. Индикатор светился желтым. Опять долго ждать, пока закипит.

– О чем спорили-то?

– Ну, морфы все о каком-то договоре твердили. – Мишель села на высокий стул, болтая ногами, принялась крошить в воду брикет пищевого концентрата. – Говорят: нарушили мы его! Должны жить в одном месте, а расселились, без разрешения новые палубы захватили, ресурсы тратим, а толку от нас никакого!

– У, твари... – прошипела Маланья. – Все неймется им!

– Бабушка, а кто такой Храпов? – спросила Мишель. – Он морфам какое-то обещание дал? И не выполнил?

– Маленькая ты еще! – ворчливо ответила старуха. – Не твоего ума дело!

– Ну, расскажи! Скучно ведь ждать, пока вода закипит!

– Вот пристала! – взгляд Маланьи затуманился, видно, слова Мишель пробудили какие-то давние, уже потускневшие воспоминания.

– Сережа Храпов был нашим командиром группы, – старуха устало прикрыла глаза, говорила тихо, с одышкой. – Мы с «Прометея» на борт этой станции высадились. Думали, что она разрушена, необитаема. – Речь Маланьи изменилась, словно сейчас с девочкой говорила совсем другая, потерявшаяся в далеком прошлом, стертая тяжкими буднями личность. – Хонди, будь они прокляты, напали на «Прометей». Корабль наш и так был поврежден, боя не выдержал. Где он сейчас, неизвестно. Да и выжил ли кто? – старуха тяжело вздохнула. – Остались мы одни, страшно было. Храпов нас в глубины станции повел. Долго пробирались через разрушенные сектора, пока к загерметизированным палубам не вышли. Тут-то нас морфы и встретили. Станция-то им принадлежит. Они всем управляют.

– Бабушка, а что такое «Прометей»?

– Не перебивай! За супом следи! Все равно не поймешь.

Мишель погрустнела: «Вот всегда так. Ворчит, ругается. А я уже большая. Сколько тайн знаю!»

– «Прометей» – это космический корабль. – Маланья неожиданно смягчилась.

– Такой, как те, что у хонди? Я видела, они между разными частями станции через пустоту летают!

– И где ж ты могла увидеть? – моментально насторожилась старуха. – Опять в запретные сектора ходишь?!

– Ну, я только одним глазком взглянула! Не сердись!

– Вот горе-то! Говорила Иннокентию, завари люки! Узнаю, что не слушаешься, ремнем отхожу! Не смотри, что старая!

– Ну, мне скучно было… – виновато призналась Мишель.

– Ты обо мне подумала? Там мутанты, нечисть всякая!

– Я осторожно. По старой вентиляции. Никто и не заметил!

Вода закипела, Мишель помешивала варево. Невкусно получится, но сытно.

– А «Прометей» большой был? – спросила она.

– Большой. Да что теперь о нем говорить. Сгинул корабль. А мы тут остались. Навсегда. Пришлось с морфами договариваться, они нас к обитаемым секторам привели. Здесь, оказывается, уже люди жили. Как, когда они попали на станцию, никто не знает. Сами они не помнят, а морфы молчат.

– А почему они говорят, что от нас никакого толка нет?

– Сережа Храпов с ними договорился, пообещал, что мы до реакторов станции доберемся, починим их. Вот только не вышло ничего. Он с собой пятерых человек взял, нас обустраиваться на новом месте оставил, а сам сгинул. Вот такая судьба. Всех мы потеряли. И Русанова, и Рязанцева, и Глеба Полынина. Какие люди были, – вздохнула Маланья. – Они бы морфов быстро на место поставили, не дали бы над нами измываться. А то видишь, что удумали? Детей мы не должны растить, расселяться нельзя. А как быть-то? Вот мои сыновья, у каждого теперь семья, дети. Где жить? Отсеки тесные, народу много стало. Вот и ушли на заброшенные палубы, новые селения основали.

Мишель притихла. Воображение девочки рисовало смутные картины. Она представляла огромный корабль, больше, чем станция. Слово «Прометей» звучало загадочно. Образы людей, которые давно стали легендой, казались внушительными. Они представлялись великанами, добрыми и сильными.

– Ты чего задумалась?! За супом следи!

Девочка вздохнула. У нее была своя тайна, но рассказать о ней она не решалась. Бабушка Маланья и слышать ничего не хотела о заброшенных секторах. Еще пожалуется Иннокентию, и тот действительно люки заварит.

А как хочется туда!

«Вечером, – успокоила себя Мишель. – Уснут все, а я схожу. Тут ведь недалеко, никто и не заметит!»

* * *

Тихо, неторопливо, невесомо падал снег. Крупные хлопья снежинок кружили в воздухе, ложились на голые ветви деревьев, превращая мрачноватое пространство заброшенной оранжереи в волшебный искрящийся сад.

Узоры инея бежали по балкам несущих конструкций огромного купола. Мишель поежилась от холода. Красивое, но неживое место навевало пронзительную, тревожную грусть. Под ногами поскрипывал снег, кое-где сквозь мглу удавалось рассмотреть сияние защитных полей, удерживающих воздух внутри огромного сектора, граничащего с открытым космическим пространством.

Она часто приходила сюда, тайком, вопреки строжайшим запретам. Девочке нравились резкие контрасты, ее воображение оживало, вот только голова кружилась при виде звезд.

Медленно поднимаясь по лестнице, Мишель пересекла границу снегопада. Деревья остались внизу, в пелене. Над головой сквозь прозрачный материал конструкции внутрь купола заглядывала Бездна. Звезды сияли ярко, на черном бархате тьмы они выглядели россыпями

серебристых точек. Воздух по-прежнему обжигал холодом, но теперь она видела огромные, расположенные по периметру купола, зарешеченные зевы труб, из которых вырывался слабый ветерок, несущий снежинки.

Еще несколько ступеней, и девочка оказалась на овальной площадке. Теперь до изгибающихся балок свода можно дотянуться рукой, путь становился все опаснее, узкие, огороженные невысокими перилами дорожки разбегались в разных направлениях, их покрывала наледь, но Мишель с замиранием сердца ступила на одну из них, пошла в сторону зеленоватого мерцания, за которым скрывались удивительные места.

Детство. Юный разум пытлив, опасности выглядят незначительными, воспринимаются как приключение, да и жить без тайны, без мечты, без сокровенного, принадлежащего только тебе, – скучно.

Взрослым этого не понять. Они вечно что-то чинят, часто ругаются между собой, а друзей среди сверстников у Мишель не было – те ее вечно дразнили, называли «подкидышем».

Снегопад внизу не прекращался. Зеленоватое мерцание разгоралось все ярче, принимая вид дымчато-изумрудной непрозрачной преграды. Звезды над головой потускнели, станция медленно вращалась вокруг оси, и во мраке космоса появилась планета: огромный коричневато-голубой шар, укрытый белесыми разводами облаков.

Откуда девочке знать, что такое планета, облака, если она родилась и выросла в тесноте отсеков на борту огромной разрушенной орбитальной станции?

Дорожка исчезала в дымчато-зеленой преграде, но Мишель бесстрашно шагнула вперед, почувствовала знакомое упругое сопротивление, задержала дыхание и вдруг… оказалась по другую сторону защитного поля, в огромном помещении!

Здесь было тепло, дышалось легко, столько интересного, еще не изведанного таилось вокруг, что хотелось бежать, касаться крохотных огоньков, пробуждать дремлющие силы, упиваться своей свободой, своей тайной, но Мишель дыханием согрела озябшие ладошки, направилась к креслу, расположенному в центре защищенного

пространства, – ее всегда неодолимо тянуло сесть в него, чтобы снова соприкоснутся с волшебным миром, похожим на сказку.

Чувства, непонятные, еще неосознанные, но сильные, волнующие, влекущие, охватили ее.

Мишель взбежала по ступенькам на возвышение, уселась в слишком большое для нее кресло, поерзала, устраиваясь удобнее, затем ощутила, как мягкий подголовник коснулся затылка, по коже пробежали мурашки, словно тысячи иголок вонзились в запястья, виски, лоб, ее тело окутало зеленоватое мерцание, обстановка перед глазами затуманилась, реальность подернулась дымкой.

Глухо билось маленькое сердце. Вселенная распахнулась навстречу юному рассудку. Звезд стало в тысячи раз больше, шар планеты немного отдалился, воспринимался теперь с иного ракурса.

Мишель замерла. Ее веки отяжелели, закрылись, кресло поменяло наклон, на широких подлокотниках появился сложный узор индикационных сигналов, заработали некоторые из расположенных поблизости комплексов, тускло вспыхнули экраны.

В оперативных окнах системы каждый раз при активации кресла возникали одни и те же надписи, но девочка, погружаясь в иную реальность, не видела их.

Прямой нейросенсорный контакт установлен. Матрица личности распознана.

Подсистема жизнеобеспечения включена. Идентификация по генетическому эталону успешна. Статус микромашиной сети – размножение и развитие.

Программа обучения активирована. Возобновление имплантации данных.

Сегодня Мишель принесла с собой яркие образы. Рассказ о далеких и не совсем понятных событиях взбудоражил юный пытливый разум, и системы станции отреагировали на некоторые мысленные образы.

Вопреки обыкновению на экранах появилось еще несколько строк:

Инициализирован поиск. Объект: колониальный транспорт «Прометей». Идет анализ сигнатур по сфере эффективного сканирования.

Ждите.

Последняя надпись настойчиво мигала.

Бездна пространства открывалась мысленному взгляду Мишель.

Ее сердце начинало биться чаще, но система метаболической коррекции тут же нивелировала нежелательные всплески нервных возбуждений.

Она воспринимала картины, в корне отличающиеся от реальности, перед мысленным взором проплывали величественные орбитальные станции, окружающие планету, прозрачная, лишь кое-где испятнанная разводами облаков атмосфера позволяла взглянуть на поверхность огромного мира, по желанию укрупнить любой из регионов.

Мишель видела вековые леса, реки, моря, океаны, парящие в небе города, огромные постройки на поверхности, окруженные зарослями необычных кристаллических деревьев, космические корабли, некоторые только строящиеся, другие – готовые подняться в космос.

Ей не наскучивало смотреть на волшебный мир, виртуально исследовать его потаенные заповедные уголки, вот только нередко случались сбои – объемные картины прекрасного, наполненного жизнью мира вдруг начинали тускнеть, а им на смену приходили пугающие фрагменты совершенно иной реальности.

Ледяные, скованные холодом равнины. Поземка из серого пепла. Рдеющие отсветы многочисленных извержений. Фигурки странных, во многом пугающих, отвратительных существ, стаями перемещающихся по извилистым ледяным ущельям.

Она не понимала, что видит один и тот же мир, прекрасный в прошлом и заледеневший, изуродованный до полной неузнаваемости в настоящем.

Она каждый раз вздрагивала, мысленным усилием отгоняла пугающие видения.

Ей хотелось пронзительной красоты, тепла и света.

Картины прошлого возвращались. Система подчинялась ее желаниям, но сегодня случилось неожиданное событие.

Мишель увидела огромный космический корабль.

Он медленно дрейфовал в космическом пространстве, темный, местами поврежденный, покинутый.

Девочка попыталась мысленно оттолкнуть не понравившийся ей, мрачный, безысходный образ, но не вышло. Часть изображения почему-то укрупнилась, и она с замиранием сердца прочла надпись, замеченную на одной из крупных надстроек космического скитальца:

«Земля. Колониальный транспорт «Прометей».

Ее сердечко сжалось.

Это был корабль, о котором рассказывала бабушка Маланья?!

Как хотелось увидеть его другим, ярко освещенным, мощным – таким, как рисовало воображение!

На одном из экранов появилась новые строки сообщений:

Распознан командный мыслеобраз.

Объект вне зоны действия передатчиков. Подсистема связи переведена в режим автоматической трансляции. Колония алгитов в данный момент недоступна, сообщение будет передано позже.

* * *

Иннокентий возился с неисправным насосом. В механике он понимал немного, но идти на поклон к ц'остам, тем более с такой мелкой проблемой, не хотелось.

Кряхтя, он кое-как отсоединил защитный кожух, взглянул на устройство, подающее воду из резервуара к оросительной системе.

Вокруг простирался зал внушительных размеров. Несколько рядов переборок снесло в незапамятные времена, сформировав несимметричное помещение с низким потолком.

«Ох, хлеб наш насущный!» – старик присел, сокрушенно рассматривая засбоивший механизм. Ну, и как же тут разберешь, что именно сломалось? Вот ведь незадача! Множество трубок, энергетические кабели в потрескавшейся от времени изоляции, рыжие потеки воды, выступы спрятанных под внутренними кожухами устройств. Не насос, а прямо головоломка!

Иннокентий вздохнул, делая вид, что чинит устройство. Меньше всего сейчас хотелось отвечать на вопросы женщин. Вместе с детишками и подростками они уже неделю носят воду для полива, поднимаясь по шатким металлическим лестницам к огромному резервуару.

– Дедушка! – Голос за спиной заставил его вздрогнуть, обернуться.

– Ну, чего тебе? – Он вытер испачканные ржавчиной руки, взглянул на девчушку лет десяти, не узнал, даже вспомнить не сумел, чья же будет. – Небось пришла узнать, когда починю?

Девочка поставила на землю мятое ведро, сделанное местными умельцами из тонкого, легко гнущегося, но прочного материала, содранного со стен в пустых секторах, приветливо улыбнулась. Иннокентий даже опешил немного – такой чистой искренней улыбки он не видел давно.

– Можно я помогу? – неожиданно попросила она.

– Да куда ж тебе? – усмехнулся Иннокентий. – Тут и ц'ост, пожалуй, не разберется, – тяжело вздохнул он.

– Ну, просто же все, дедушка! Я только одним глазком посмотрела, когда ты обедать уходил!

– Ох, врать-то нехорошо!

– Я правду говорю! – обиделась девочка.

– А я говорю, врешь! Кожух только сейчас снял, как ты могла в обед что-то внутри увидеть? – насупился он.

– Не здесь я смотрела, дедушка!

– Ты чья такая будешь? Как зовут?

– Мишель. Я… – девочка запнулась, потупилась. – Я ничья! – неожиданно призналась она.

– Вот ведь говорю: нехорошо! Опять старика обманываешь! – Иннокентий тут же припомнил давнюю историю с подкидышем, и вдруг словно обожгло мыслью: а ведь Маланья-то давно померла! Выходит, недоглядел?

– Ты где живешь?

– В отсеке, у бабушки Маланьи!

– Так она же… – старик осекся, но девочка только пожала плечами:

– Она за водой ушла. И больше не вернулась.

Иннокентий тут же вспомнил: пару лет назад это было. Сам не видел, но сельчане рассказывали, действительно за водой старуха пришла, в ее отсеке система жизнеобеспечения постоянно сбоила. Пока своей очереди ждала, вдруг за сердце схватилась, охнула, осела, и все. Был человек, и нету. В тот же вечер отнесли ее в отведенное ц'остами место, завернули, как полагается, и оставили. А о девочке-то совершенно позабыли!

Мишель неожиданно взяла его за руку, требовательно потянула за собой.

Старик противиться не стал, пошел, аккуратно перешагивая через грядки. Землю по горсти добывали, ее среди жилых отсеков не сыщешь, приходилось выторговывать у хонди, – только они совершают вылазки к внешним секторам, туда, где и воздуха-то нет. Один хонди рассказывал: там под прозрачными куполами есть огромные пространства, покрытые почвенным слоем.

Мысль пробежала по кругу, вернулась к девочке.

Он все не решался спросить: как же ты выжила?

А она, похоже, ничем подобным не тяготилась. Ответила и забыла.

– Вот, – Мишель привела его к стене, указала на приоткрытый овальный люк, за которым располагалась тесная бесполезная комнатушка, заполненная древним хламом.

– Ну, и зачем мы сюда пришли?

– Можно я покажу?

– Давай, – старику отчего-то стало не по себе.

Мишель вошла внутрь, замерла, обвела взглядом сплетение толстых кабелей, затем с непонятной уверенностью коснулась ладошкой тускло отсвечивающей панели, вмонтированной в стену, с усилием стерла с нее многолетний налет пыли, открыв взгляду крохотные, подсвеченные изнутри, совершенно незнакомые Иннокентию пиктограммы, быстро коснулась нескольких в определенной последовательности.

Внезапно сыпанул сноп искр, резко запахло горелой изоляцией, раздался скрежет, даже стены и пол вздрогнули, старик непроизвольно присел, до смерти испугавшись: ц'осты строго предупреждали, если вдруг заработает какой-то древний, никогда не включавшийся раньше

механизм – бегите без оглядки… но на этот раз обошлось, надрывный скрежет постепенно утих, переходя в утробный гул, лишь эхом метнулся испуганный женский вскрик, – заработал насос, и из системы разбрызгивателей во все стороны ударила вода!

Мишель, счастливо улыбаясь, выбралась наружу, отряхнула ладошки.

– Я же говорила, это просто!

Иннокентий осип от пережитого волнения.

Его скупых познаний об окружающем мире хватило, чтобы понять: насос не был сломан, к нему перестала поступать энергия, а Мишель включила резервную цепь питания, но как?! Даже морфы не обладали такой неоспоримой властью!

– Как же ты догадалась, что энергии нет? – откашлявшись, спросил он.

– Я просто посмотрела и увидела, – пожала плечами девочка.

– Что увидела?! – машинально переспросил старик.

– Не знаю. Три искорки. Так захотелось к ним прикоснуться!

– Это же опасно!

– Вовсе нет! – воскликнула Мишель.

– Ты и раньше так делала?! – строго спросил Иннокентий.

– Несколько раз, – виновато кивнула она.

К ним уже подходил народ. В основном женщины. Детишек и подростков мигом отправили по домам, надрывный скрежет, гулко отдавшийся в окрестностях, услышали все и справедливо рассудили – не к добру!

– Ты что же творишь? – вперед выступил Клавдий. – Угробить всех решил?

Иннокентий тут же сообразил: если кивнуть на Мишель, мол, это она, то молчаливая, напряженная, невежественная толпа взорвется – сразу припомнится давняя история с морфами, что принесли младенца!

– Ты, Клавдий, не в свое дело не лезь, понял?! – резко ответил он. – Я к ц’остам ходил, совета спрашивал!

Толпа сразу отхлынула, сельчане отступили, многие моментально успокоились, заспешили по своим делам, другие смотрели на Иннокентия со страхом и уважением: надо же, не побоялся!

Мишель не проронила ни звука, словно понимала двусмысленность возникшей ситуации.

– Ну, все, расходитесь по домам! Дел небось накопилось! Нечего тут глазеть да по грядкам топтаться!

* * *

– В гости пригласишь?

Мишель кивнула.

– Пойдем. Только у меня угощать нечем.

– Не беда. – Старик подобрал котомку с инструментами, которую оставил подле злополучного насоса. – Я пообедать так и не успел. – Страх отпустил, вернулось острое чувство вины перед девочкой, а она как ни в чем не бывало взяла его за руку, потянула к выходу.

– Ну, пошли!

Путь по коридору до отсека, где жила Мишель, занял всего несколько минут.

– Заходи, дедушка!

Протяжно скрипнул массивный овальный люк, Иннокентий вслед за девочкой переступил порог и вдруг оцепенел.

В небольшом скудно освещенном помещении поджидали морфы!

Мишель и сама растерялась. Она хотела убежать, но один из ц'остов проворно преградил путь.

– Останься.

Иннокентий шагнул вперед. Он уже понял, что привлекло внимание морфов.

– Мишель не виновата! Это я включил резервное питание!

Морф ему не поверил.

– Каким образом, хомо?

– Ну, там была старая панель. На ней светящиеся символы. Я коснулся их, и все заработало!

– Лжешь! Вы постоянно лжете! – Морф совершил мгновенную трансформацию, принял человеческий облик, присел перед девочкой,

спросил: – Ты перераспределила энергию?

Мишель кивнула. Отпираться бесполезно. Морфы знают все – так говорила бабушка Маланья.

– Это хорошо. – Ц'осты смотрели на девочку с нескрываемым интересом, надеждой и некоторой, абсолютно несвойственной им робостью. – Она пойдет с нами.

– Нет! – резко возразил Иннокентий.

– Старик, тебе лучше посторониться, – угрожающе произнес морф.

– Мишель останется со мной!

– Нет. Она принадлежит нам. Так же, как воздух, которым вы все тут дышите. Не вынуждай прибегать к крайним мерам. Девочка – наше создание.

– Что вы с ней сделаете?

– Ничего. Будем воспитывать. Обучать. Впрочем, это уже не твое дело!

– Не отдам! – Иннокентий не собирался уступать. Он даже представить боялся, что ожидает ребенка в плену у морфов!

– Хомо, ты глуп. – Один из ц'остов резко удлинил руку, слегка коснулся старика. Грудь обожгло. Перед глазами вспыхнул багрянец боли, Иннокентий мешковато осел на пол.

– Что с ним?! – вскрикнула Мишель.

– Он уснул. Ненадолго, – успокоил ее морф. – Ты пойдешь с нами?

– А вы больше никого не тронете?

– Не тронем. Обещаю. И тебе никто не причинит зла.

Мишель морфам не поверила. «Выйдем в коридор, сбегу! – Сердце едва не выскочило из груди от страха. – Пусть попробуют поймать!»

Ц'осты переглянулись. Один незаметно коснулся затылка девочки, второй бережно подхватил ее обмякшее тело.

* * *

Первичное колониальное поселение Пандоры. Сорок шестой год по колониальному календарю…

Этим утром Егор проснулся от необычного ощущения.

Он сел на кровати и вдруг чихнул. Небольшая комната выглядела неузнаваемо. Ее озаряли яркие лучи света!

Егор откинул одеяло, встал, выглянул в окно. В разрывах лохматых туч действительно проглянуло солнце! Желто-оранжевый свет озарял округу, стирая привычные серые полутона. Он невольно замер, удивляясь незнакомому чувству: необъяснимое, безграничное ощущение тепла на миг заполнило душу, но облака в небесах сомкнулись, краски солнечного утра стремительно погасли, и вновь все стало серым, невзрачным, обыденным.

Весна!

Явление почти мистическое. О нем Егор слышал с детства, но не очень-то верил, считая сказкой.

Неужели тепло пришло навсегда?

Он быстро умылся, сбежал вниз по лестнице. Родители уже проснулись, отец сидел за столом, мама готовила завтрак.

– Доброе утро! – Егор еще находился под впечатлением увиденного. – Солнце только что проглядывало!

– Да, утро действительно доброе, – соглашаясь, кивнул отец. – Садись, Егор. Позавтракать вместе успеем. Нам к девяти на поля.

– А мне сегодня никуда не нужно!

– Не вздумай только на ледник сбежать, – строго предупредил отец. – А то знаю я вас! Ветер в голове. К экзаменам готовься.

– До них еще два дня, пап!

– Все равно учи! Ты, Егор, не забывай. Мы – Бестужевы! Потомственные планетологи! Должен сдать на «отлично».

Мама поставила на стол тарелки с кашей.

– Ешьте уже.

– Я планетологию сдам, не волнуйтесь. – Егору порядком надоели утренние наставления. – Фамилию не опозорю. Только не хочу на полях всю жизнь горбатиться. Там сервы справятся, мы еще пять штук отремонтировали! – весомо, по-взрослому добавил он.

– Ну, знаешь, выбор профессии – дело серьезное. Не спеши. Подумай.

– А что думать-то? Мы с ребятами уже решили: будем исследовать ледники!

Отец совершенно не одобрял такой жизненный выбор. Три десятилетия регресса плохо сказались на положении дел в колонии. Но и с приходом потепления, первые признаки которого наступили пять лет назад, ситуация лучше не стала. Как и предсказывали предки, талые воды стали спусковым механизмом сложных процессов. Многие инопланетные корабли, потерпевшие крушение больше ста лет назад, сейчас попали в зоны подтопления, и существа, находившиеся на борту в состоянии стасиса, пробуждались.

– Егор, не хочешь работать в агросекторе, займись межрасовыми отношениями.

– Дипломатия?! Ну уж нет!

– Наставлений Русанова начитался? – отец укоризненно взглянул на сына. – Егор, твой дед, Сергей Бестужев, спас колонию не с помощью оружия! Первый конфликт с хонди ему удалось погасить силой убеждения! Он вступил в переговоры с чужими, когда те взломали систему обороны и уже поднимались к верхнему плато!

– Пап, я хорошо знаю историю! Но что делать, если мне не нравятся хонди?! Ты разве не замечаешь, что творится вокруг?

– Замечаю, – хмуро отозвался отец. – Но хонди были для нас хорошими торговыми партнерами и союзниками в борьбе с мутантами на протяжении многих лет!

– Ага, пока от спячки не очнулись эшранги! – резко возразил Егор. – Где теперь твои «торговые партнеры»? – запальчиво спросил он. – Один муравейник выкосила неизвестная болезнь, два других воюют друг с другом! Эти «птицы», – Егор скривился, – обладают непонятной властью. Они подмяли под себя хондийские поселения, скоро и до нас доберутся! А мутанты? Раньше они мелкими группами нападали, теперь их сотни, стаями кочуют!

– Тем более нам нужны союзники! Ты прав, сынок, я совершенно не понимаю, почему эшранги затеяли смуту, подтолкнули хонди к распрям, но еще твой дед говорил: только единство всех очутившихся на Пандоре цивилизаций способно дать практический результат, только вместе мы преобразуем планету с наступлением Весны!

– Он заблуждался, – Егор стоял на своем. – Эшранги всех презирают, считают себя высшими существами. Как, по-твоему, с ними можно сотрудничать?

– Кто тебе это внушил?

– Роман Карлович.

– Он судит однобоко.

– Нам нужны сервы, необходимо оружие!

– Тогда почему ты рвешься исследовать ледники?

– Предки не зря назвали планету Пандорой! Обломки чужих кораблей хранят технологии, которые помогут нам выжить, создать островок стабильности, превратить наш город в неприступную крепость!

– Ох уж эти игры с оружием. – Мать печально посмотрела на Егора и добавила: – Не свои мысли ты высказываешь. Роман Карлович следует идеям Русанова. Он из рода военных и вас натаскал, замутил голову! Ты пойми, Егорушка, Пандора очень опасна! Ледники скрывают не только чужие технологии, талые воды несут пробудившуюся от спячки микрожизнь! Говорю тебе как экзобиолог! Сынок, если считаешь себя достаточно взрослым, то хотя бы задумайся, сколько времени потребуется на поиск, изучение и адаптацию чужих технологий?

– Не знаю, – пожал плечами Егор.

– А если попробовать установить добрые отношения с соседями? Дать им что-то взамен, например, помочь нашей планетопреобразующей техникой при строительстве поселений, так неужели они не поделятся своими технологиями, не объяснят их принципы?

– Хонди же не поделились, – напомнил Егор. – Мам, ты прости, но толерантность в отношении чужих – это слабость! Они непременно ее заметят и используют против нас!

– Ладно, – отец взглянул на часы, встал. – Нам пора. Давай вечером еще раз спокойно все обсудим?

Егор неохотно кивнул.

* * *

Родители ушли, и Егор заканчивал завтрак в одиночестве.

В отдалении что-то раскатисто громыхнуло. Он не обратил особого внимания на звук. Дом Бестужевых стоял под защитой выступа скал, на краю плато. Эхо часто доносило сюда грохот обвалов. Да и вообще, мало ли что рокочет в горах? – он мысленно вернулся к теме утреннего разговора, вздохнул, пожал плечами в ответ своим мыслям, пошел одеваться.

Будущее казалось ему понятным. Слова родных звучали как наставление, и он в силу возраста воспринимал их однобоко.

Другое дело Роман Карлович! Железный мужик! Он преподавал военное дело и робототехнику, учил ребят ремонтировать сервов, обращаться с оружием, часто водил на полигон, с ним было по-настоящему интересно и в ремонтных мастерских, и на учениях, и просто по жизни.

В девятнадцать лет мир воспринимается особым образом.

На улице было тепло, стоял монотонный шум.

Пару лет назад на слоистой поверхности скал, окружающих верхнее плато, начали проступать потеки воды, а вскоре появились и первые роднички. Вода пробивалась из расселин, срывалась вниз, рассыпалась звонкой капелью, день ото дня ее становилось все больше, пока предвестники Весны не набрали силу: ручейки постепенно превратились в настоящие водопады, сбегающие по каменным уступам, с гулом срывающиеся в сумрак ущелий!

В ближайшей долине образовалось озеро, а река талых вод, питающая его, все чаще выносила на берег разные загадочные предметы.

Егор, продолжая мысленный спор с отцом, направился к центру городка.

«Нет, – думал он, – чужие нам не помогут. У них свои распри. Чем теплее становится, тем больше существ появляется в округе, и ведут они себя совсем недружелюбно.

Больше всего, конечно, досаждают мутанты…»

Роман Карлович ходил в разведку и рассказал, что за сотню километров отсюда с приходом тепла рухнули высоченные ледовые стены – их подточили талые воды. В результате вечно голодные твари,

раньше обитавшие где-то далеко, среди бескрайних льдов, стали пробираться к землям, населенным людьми и хонди.

Их привлекало тепло действующих вулканов и, что уж правду таить, обилие еды.

«Сервов надо ремонтировать. Старые укрепления по периметру нижнего плато восстанавливать, – думал Егор, сворачивая к дому, где жил Родька. – Пашка, наверное, уже у него». Все взрослые ушли на поля, в городе остались только младшие дети да они трое.

Несколько исправных планетарных машин уже месяц возили на срединное плато вулканическую почву. После появления эшрангов торговля с хонди пришла в упадок, но нет худа без добра – новые агрофермы быстро восполнят дефицит продуктов, сделают поселение самодостаточным. Пусть чужие не думают, что мы хоть в чем-то от них зависим!

* * *

Родьку он встретил на полпути к его дому.

– Слышал? – Родион был чем-то озадачен, даже напуган. – Такой гром ударил – стекла чуть не вышибло!

– Ты чего так испугался? – озадаченно спросил Егор. – Ну, подумаешь, гром! Может, лавовую пробку из старого кратера выбило, или край ледника обвалился!

– Звук шел от Курганов Спящих! – Родька выразительно указал в направлении среднего плато. – Сначала звук, такой раскатистый, аж уши заложило, потом перестук, словно горошинами в пустое ведро, и тишина!

– Давно громыхнуло-то?

– Минут десять назад!

– Я дома был, завтракал, – пожал плечами Егор. – У нас все нормально, стекла даже не вздрогнули. А Пашка что говорит?

– Да не видел я его! Тебя ждал!

– Ну, пойдем к нему! Мы же сегодня на ледник собирались, забыл?

– Помню. Только не по себе что-то. Сбегать бы к полям, посмотреть!

– Ага, чтобы меня отец увидел? Поймет, что я к экзаменам не готовлюсь, так быстро найдет работу! Нет уж!

– Ладно, – Родька вздохнул, по-прежнему поглядывая на старую дорогу. – Пошли к Пашке, а там решим.

* * *

Они свернули с главной улицы городка, срезая путь, но не прошли и сотни метров, как громыхнуло вновь.

Сухие грозы случались и раньше, но звук, заставивший ребят остановиться и даже испуганно присесть, действительно был необычным.

Будто лопнуло что-то над самой головой! Звон в ушах стоял еще минуту, затем вдруг зачастило: раскатистые удары следовали один за другим, земля под ногами ощутимо вздрагивала, в соседнем здании вдруг вылетели стекла, с жалобным звоном рассыпались по тротуару!

– Бежим! – Родька схватил Егора за рукав, с силой потащил за собой.

– Куда?!

– К Пашке!

Со стороны нижнего плато раздались воющие, затухающие на высоких нотах звуки, и снова зарокотало, – такое характерное, неповторимое сочетание Егор слышал лишь на полигоне, куда их водил Роман Карлович!

– Родька, это же импульсные орудия сервов!

Родион и сам догадался, кровь отхлынула от лица, он замер, бледный, напряженный, лишь губы мелко и часто подрагивали.

– Ну, ты чего? – Егор ухватил друга за плечи. – Родька!

– Мать с отцом там!

– Так побежали!

Родька не мог. Ноги подкашивались. Он испугался до смерти, но не за себя, за родных!

– Я… Я сейчас, Егор… Сейчас!..

Он кусал губы, но ноги все равно не слушались. Мгновенный шок, вызванный несколькими промелькнувшими в голове мыслями,

парализовал его.

Снова раздался раскатистый звук, но теперь уже ближе, явственнее! Что-то стремительно пронеслось над головами, ударило в крышу ближайшего здания, вспороло скат черепицы, только сверкнули фонтаны осколков, да взметнулись облачка едкой, серой пыли!

Где-то поблизости испуганно закричал ребенок.

Все происходило слишком быстро и непонятно.

– Родька! – Егор первым пришел в себя, с силой встряхнул друга. – Беги по домам! Собирай младших!

– Зачем?!

– Веди всех в школу! – не своим голосом заорал Егор. Острое чувство непоправимой беды перехлестнуло через край, вырвалось криком: – Давай же!

Родион молча кинулся к ближайшему крыльцу.

Дома в городе в основном одноэтажные, модульные, похожие на купола, лишь три здания сложены основательно, из каменных блоков, – это администрация, школа и новая мастерская, где чинили сервов.

«Надежнее укрытия сейчас не найти», – мысли лихорадочно метались в голове, пока Егор стремглав несся по улице, уже не вздрагивая, а лишь машинально пригибаясь, втягивая голову в плечи при каждом раскатистом взрыве.

Пашка попался ему навстречу. Он тоже бежал, за ним едва поспевали братья и сестры. Завидев Егора, он остановился, тяжело дыша, хотел что-то сказать, но не успел. Всплеск пламени ударил в центре города, земля вдруг вырвалась из-под ног, обжигающая волна раскаленного воздуха пронеслась по улице, сбила с ног, осыпала мелкими камушками.

– Мутанты! – чей-то истошный крик метнулся вслед за взрывом, леденящей нотой вплелся в новую серию оглушающих, ритмичных хлопков и угас.

– Пашка! Собирай всех, кого сможешь! Встретимся в школе! – Егора словно подменили. Он вскочил, не обращая внимания на боль в ушибленном колене. – Я сейчас! Я мигом!

Ноги сами несли его к зданию мастерских. В эти секунды не думалось ни о чем, лишь стылый крик: «Мутанты!» – заполнил рассудок. Он угасал

и вновь повторялся, словно запись, поставленная на бесконечное повторное воспроизведение.

Массивные ворота мастерских оказались незапертыми. Внутри здания царил сумрак, но Егор бывал тут не раз и прекрасно ориентировался среди помещений.

Он пробежал мимо неисправных аграрных роботов к самой дальней от ворот двери, подергал ее.

Заперто.

Ну а как же! Ведь там оружие! Ключи от металлической двери были только у Романа Карловича!

Егор действовал быстро, как будто заранее все продумал, в точности знал, как поступить!

Ближайший сервомеханизм возвышался над ним, словно огромное механическое насекомое.

Егор быстро вскарабкался в кабину, ладонью ударил по сенсорной панели, услышал гул – это заработали электродвигатели!

Отлично! Есть питание!

Выдвинуть технический манипулятор, способный ворочать каменные глыбы, – дело нескольких секунд. Робот подчинился беспрекословно, на период ремонта большая часть автоматики была выключена, что позволяло совершать любые операции на ручном управлении.

Манипулятор резко пошел вперед, массивный захват с гулом ударил в преграду, смял дверь, словно лист фольги, сорвал ее с петель.

Егор потянул джойстик на себя и вбок, складывая манипулятор, освобождая путь, затем выскочил из кабины, спрыгнул на пол, метнулся ко взломанной двери.

* * *

На улице разлилась зловещая тишина.

Снова проглянуло солнце. В утренние небеса поднималось несколько столбов дыма.

Егор на мгновенье замер, после сумрака дневной свет казался ярким, а для подростка, почти никогда не видевшего солнца, так и вовсе нестерпимым.

Два автомата он закинул за спину, один держал в руках, наготове, но неуверенно, неловко, – мешал жилет «разгрузки», полный снаряженных магазинов, перекинутый через сгиб локтя.

В «оружейке», кроме стареньких «Абаканов», было еще несколько импульсных автоматов, но Егор интуитивно выбрал более простое и надежное оружие, из которого умел стрелять.

Он осмотрелся. Центральная улица города была пуста из конца в конец.

Здание школы располагалось в двух кварталах от мастерской, и он припустил бегом, сгибаясь под весом оружия и снаряжения.

Дышалось тяжело, надрывно. Сердце билось неровно и часто.

Первого мутанта он увидел неожиданно, когда до заветного крыльца оставалось шагов двадцать, не больше.

Егор оцепенел.

Такой жути даже во сне не привидится.

Тварь, лишь отдаленно похожая на человека, стояла посреди улицы.

Морда, заросшая шерстью, была испачкана в крови, непропорционально длинные руки опирались о тротуар, широкие ноздри трепетали, улавливая запахи.

Сейчас учует, рванет к школе!

Егор растерялся. Сколько раз он стрелял из автомата на полигоне? Да не счесть! Что же теперь случилось?! Почему застыл?!

Со второго этажа донесся детский плач.

Тварь моментально услышала новый звук, повернула голову, снова принюхалась и вдруг рванула к крыльцу.

Сокрушительный удар!

Металлопластик не выдержал, треснул, но дверь устояла, даже напор звериной силы не сорвал ее с петель!

У Егора все поплыло перед глазами. Он оцепенел, хотя кровь вскипела, – ощущения, овладевшие телом и разумом, лежали за гранью его мировосприятия, жизненного опыта.

Руки дрожали. Рот кривился в беззвучном крике. Вес оружия и экипировки давил к земле, автоматный ремень соскользнул с плеча, один из «Абаканов» глухо стукнул о мостовую.

Тварь резко развернулась, оставила в покое дверь, мгновенно сгруппировалась для прыжка!

Все. Пропал!..

Ноги подкашивались, палец вслепую искал скобу предохранителя, нашел, толкнул ее вниз, но поздно, нужно было сразу – разорванные мысли метались в голове, время как будто замедлилось, текло вязко.

Вой сервоприводов раздался в глухой тишине улиц, коротко рявкнуло импульсное орудие, жуткие очертания мутанта вдруг исказились, – на том месте, где стояла тварь, всколыхнулся туман из мельчайших частичек плоти, и вдруг время сорвалось в прежнем темпе: с грохотом вышибло дверь, всплески огня и дыма разорвали крыльцо, ударная волна сбила Егора с ног.

Живой... Я живой... Живой...

В ушах стоял звон.

Он жадно хватал ртом прогорклый воздух.

Из здания школы выскочил Родька, метнулся через улицу, схватил Егора, помог встать, потащил его к выбитым дверям.

Он машинально оглянулся, еще не осознавая происходящее, лишь впитывая взглядом осколки реальности: в конце улицы двигался серв, это он спас Егору жизнь, а сзади, настигая кибернетический механизм, катилась темная волна жутких тварей!

Снова ударила оглушительная очередь, но цепь событий уже порвалась, серв исчез из поля зрения – это Родька втолкнул Егора в прохладный сумрак школьного здания.

– Наверх! Бегом!

Егор рванул вслед за другом.

На втором этаже у окна с перекошенным лицом замер Пашка.

Дверь одного из классов была приоткрыта, оттуда испуганно выглядывали младшие ребята.

– Оружие давай! – крик прорвался в сознание. – Егор, да очнись же!

* * *

Он очнулся.

Шок медленно отпускал, по телу гуляла дрожь.

Сознание немного прояснилось, он уронил жилет «разгрузки», присел, почувствовал, как Пашка отобрал у него автомат, а Родька вдруг залепил звонкую пощечину.

Подействовало.

– Я… Я сейчас!.. Сейчас… – Егора мутило. Он привстал, выглянул поверх широкого подоконника.

Улица полнилась мутантами. Твари протяжно выли, серв отбивался от них, используя технические манипуляторы. Ребристый ствол его импульсного орудия был сломан, волочился по земле, болтаясь на толстом жгуте проводов.

Сбоку от Егора вдруг оглушительно заработал автомат.

Гильзы со звоном рассыпались по подоконнику, некоторые отскакивали, падали на пол, катились, дымясь.

– Бей! – подстегнул сознание хриплый, неузнаваемый крик Родьки.

Грохот выстрелов, перестук падающих гильз, сизый дым, сминаемый сквозняком, – все слилось в единое, уничтожающее рассудок ощущение, для которого не придумано слов. Его нельзя описать, можно только прожить.

Егор подался вперед, левым локтем оперся о подоконник, прицелился, выжал спуск.

В теснине улицы негде укрыться. Мутанты, облепившие серва, яростно царапающие когтями его броню, попали под кинжальный огонь. Пули рвали плоть, отшвыривали их тела, с визгом рикошетили от помятого корпуса серва, выбивали султанчики пыли, высекали снопы искр.

Пашка внезапно отшатнулся от оконного проема.

– Патроны! – Пустой магазин полетел на пол, он дотянулся до брошенной Егором «разгрузки», выхватил полный, перезарядил автомат.

Родька не шевелился. Он замер, вытянув шею.

Капля пота пробежала по щеке Егора.

Гулкая, внезапно наступившая тишина окатила ледяным ознобом.

– Все… – вдруг тихо выдавил Родька.

Пашка продолжал целиться через оконный проем, его пальцы побелели, лицо стало серым.

– Не шевелятся… – Егор, наконец, выдохнул.

Губы Родьки дрогнули. Он обессиленно сел, по щекам текли слезы.

– Ты чего?!

– Они… – Родька судорожно сглотнул. – Они погибли… Все…

– Ты что несешь?! – Пашка опустил автомат, схватил его за плечо. – Кто погиб?!

– ВСЕ! – заорал Родька, уже не сдерживая рыданий.

Егора будто кипятком окатило.

Мутанты, прорвавшиеся в город. Сервы, отступившие к окраинным домам. Звуки боя, доносившиеся от срединного плато.

А где же взрослые?!

Родька плакал, Пашка отступил на пару шагов, приоткрыл дверь класса, глухо обронил:

– Сидите тут! Мы… скоро вернемся! Егор, пошли! – он, не замечая ничего вокруг, рванулся к лестнице.

– Родька!

– Я не могу… Я знаю… Идите… Я не могу!

– Оставайся, – Егор отпустил его плечо, побежал догонять Пашку.

* * *

На улице ярко светило солнце.

Трупы мутантов валялись в лужах крови, посреди проезжей части застыл изуродованный серв.

Пашка даже не взглянул на мертвые тела. Он шел, низко опустив голову. Егор догнал его, на ходу перезарядил автомат – нужно было что-то делать, лишь бы не думать сейчас. Ни о чем не думать!

Еще два растерзанных серва в окружении мертвых мутантов попались им на окраине, следующего они увидели на первом витке серпантина, дальше клубилась дымка испарений, – выглянувшее из-за облаков

солнце пригрело землю, в полном безветрии туман стелился над срединным плато, как саван.

Внутри все сжалось, как будто замерзло, превратилось в ледяной ком.

Никогда раньше мутанты не прорывались в город. Чтобы добраться до нижнего плато, тварям нужно было сначала пройти через земли хонди, но теперь, когда те вдруг начали враждовать между собой, поселения разумных насекомых опустели, кто-то погиб, кто-то мигрировал, а некоторые решили служить эшрангам и тоже покинули обжитые места.

Внезапно в тумане раздался отчетливый, визгливый звук сервоприводов, затем сквозь пелену проступили очертания человекоподобной фигуры.

Андроид!

Пашка остановился.

– Это же Степ Степыч! – выдохнул Егор, узнав школьного учителя.

Андроид выглядел ужасно. Его одежда превратилась в лохмотья, пеноплоть рассекали рваные, бескровные раны – следы ударов когтистых лап. Правая рука была сломана в плечевом суставе и болталась, как плеть. Наискось, пересекая грудь, виднелась строчка пулевых отверстий.

Андроид поравнялся с ними. Он шел, что-то бессвязно бормоча, видимо, случайная автоматная очередь повредила ядро системы.

Заметив ребят, он остановился, сфокусировал взгляд и вдруг произнес надломленным дребезжащим голосом:

– Не ходите туда.

Пашка бессильно сел на придорожный валун.

– Не ходите туда, – повторил андроид. – Вам нельзя на это смотреть. Я все сделаю сам. Похороню. Простите… Простите меня… – отчаянно взмолился он.

– За что? – бесцветным голосом спросил Егор. Его уже не трясло, вдруг навалилась пустота. Он все понял. Понял, но не принял. Это никогда не пройдет, не отболит, не забудется.

– Мутанты. Огромная стая… – серв говорил отрывисто, почти односложно. – Я не смог никого защитить… Простите… – он бы заплакал, но у машин не бывает слез. – Уходите… Вам нельзя туда… Я сам все

сделаю… Сам все сделаю… – Андроид вдруг развернулся и побрел назад.

Егор и Пашка молчали.

Лишь ноющий звук сервоприводов звучал все глуше, дальше, тише…

Глава 7

Станция Н-болг

Тусклый оранжевый свет, отраженный планетой, проникал в отсек орбитальной станции через пробоины в обшивке. По стенам текли замысловатые узоры инея, разреженная атмосфера обжигала холодом при каждом вдохе.

Защитные поля, удерживающие воздух, слабо мерцали. Искусственная гравитация не работала, различные предметы парили в невесомости, слабые воздушные потоки медленно перемещали заиндевелые свидетельства далекого прошлого, изредка раздавались едва слышные вздохи систем жизнеобеспечения, из-под низкого свода били мутные выбросы, мгновенно превращающиеся в крупные хлопья снега.

Мишель осмотрелась. Черты ее лица скрывала дыхательная маска, внимательный взгляд серых глаз скользил по обстановке давно заброшенного отсека, темный глянцевитый пластик экипировки плотно прилегал к телу, очерчивая стройную фигуру девушки.

Если верить словам морфов, ей недавно исполнилось двадцать четыре года.

От невесомости слегка подташнивало.

Пронзительная красота. Шар укутанной облаками планеты виднелся сквозь пробоины. Призрачный, отраженный свет проникал внутрь отсека, дробясь на бледные лучи.

– Хомо? – Ворчливый голос старого морфа разбил хрупкую тишину.

Мишель ответила не сразу. Ее взгляд внимательно изучал каждую деталь интерьера, каждый механизм, энергокабель, кибернетический блок.

– Хомо?! – Интонации метаморфа изменились, при потере связи он быстро поддавался панике.

– Ну, что тебе? – неохотно отозвалась Мишель. Миг острого восприятия ускользнул. Пора приниматься за работу. Она оттолкнулась от стены, медленно поплыла в невесомости.

– Не вижу тебя на датчиках.

– Я в одном из отсеков внешнего слоя. Мне кажется, тут жила женщина.

– Опиши, что видишь?

– Две пробоины в обшивке. Слабое защитное поле удерживает воздух. Холодно. Система регенерации пытается восстановить давление.

– Бессмысленная трата ресурсов! – раздраженно заявил морф. – Отыщи цепи управления. Перекрой систему вентиляции, затем отключи жизнеобеспечение и защитное поле.

– Осуществить декомпрессию?

– Безусловно. Воздух и энергия нужны в других отсеках.

– Ладно, – Мишель не стала спорить.

Ц’осты, или в просторечье – морфы, издревле владели станцией. Они построили ее задолго до появления людей. Скрытные существа никогда не рассказывали, что случилось тут, кто напал на космическое поселение.

Мишель сомневалась в правдивости ц’остов. В ее понимании, станцию окутывала вуаль зловещей тайны. «Морфы лгут, намеренно скрывая прошлое», – думала она, принимаясь за работу. Панель распределения энергии находилась подле дверей, ее скрывала облицовка.

– Хорс, почему бы не залатать пробоины? – спросила она, поймав проплывающий мимо изящный браслет, выполненный в виде двух переплетенных между собой лианоподобных растений с вытянутыми остроконечными листьями. Как и большинство предметов, попадающихся в заброшенных, частично разгерметизированных секторах станции, браслет не мог принадлежать метаморфу.

«Мне как раз впору!» – мысль промелькнула, оставив горькое послевкусие. Морфы отберут находку, они не разрешают приносить с собой артефакты, кроме редких, исключительных случаев, когда вещь необходима им.

– Не болтай глупостей! – откликнулся Хорс. – Нужно экономить ресурсы, а не растрачивать их попусту! – морф вел себя совершенно предсказуемо.

Она мысленно вздохнула, принимаясь за работу.

Заиндевевший браслет парил неподалеку, девушка не заметила, как на одной из его граней появилась изумрудная искра.

В небольшом овальном углублении под снятой панелью Мишель увидела знакомые схемы. Уже и не сосчитать, сколько отсеков она обесточила и разгерметизировала с тех пор, как морфы забрали ее к себе.

– Долго возишься!

– Жизнеобеспечение отключила. Что на твоих датчиках? Есть прирост энергии?

– Незначительный. Меньше одной тысячной процента.

– И сколько мне еще осталось?

– Две десятых.

Мишель вздохнула. Ссориться с морфом бесполезно. Пробовала уже. Старик упрямый. Постоянно твердит: «За жизнь нужно платить». Для нее Хорс установил квоту. Один процент энергии от общей мощности, перенаправленный на нужды обитаемых секторов, и она свободна, вольна в своих решениях, может идти куда угодно, заниматься чем вздумается.

Мысли мешали работать. «Вот бы найти ненужное, но энергоемкое устройство, перекрыть его отключением оставшиеся две десятых процента!

Ага. Размечталась. По слухам, лишь в неизведанных, смертельно опасных недрах станции отчаянные охотники за ресурсами иногда получали мгновенное право на свободу, но одна беда, жили они после этого недолго. Умирали от полученной дозы радиации».

Мишель, при всей импульсивности, понимала разницу между оправданным риском и безрассудством.

Она аккуратно поставила на место снятую панель, прикрепила к ней устройство дистанционной передачи сигнала. В момент декомпрессии, когда отключатся генераторы защитного поля и воздух из каюты вырвется через пробоины, лучше находиться подальше.

– Все готово, ухожу, – сообщила она Хорсу.

– Отлично, – одобрительно проворчал морф. Отключение защиты даст ощутимую прибавку к энергоресурсу. Между ц’остами шла постоянная

борьба, совсем не похожая на соревнование. Мишель знала: каждый эрг, поступивший в распоряжение Хорса, повышает его статус среди существ, правящих станцией.

Прежде чем покинуть отсек, Мишель окинула помещение прощальным пристальным взглядом.

Через пару минут множество предметов, парящих в невесомости, вышвырнет в космос, а вместе с ними исчезнет память о загадочном существе, которое жило тут давным-давно.

«Надо уходить», – она оттолкнула грустные, тревожные мысли.

* * *

Темный коридор уводил во мрак.

Однажды Хорс показал Мишель виртуальную модель станции. Размеры конструкции поражали воображение. Десятки сфер, нанизанных на основной стержень, образовывали исполинское космическое сооружение, масштабы которого просто не укладывались в голове. По периметру каждой сферы располагались каплевидные «лепестки». На модели не отображались повреждения, станция медленно вращалась вокруг оси, космические корабли на ее фоне казались крошечными, размером с песчинку! Они появлялись из мрака космоса, сближались, причаливали к длинным штангам, каплеобразные лепестки светились изнутри. Модель была похожа на волшебные, но увы, – нереальные детские воспоминания, которые теперь казались снами.

– Мы находимся тут. – Удлинившийся палец морфа очертил одну из сфер.

– А кто живет в других модулях? – затаив дыхание, спросила Мишель.

– Остальные сферы необитаемы.

– Неужели? – не поверила она.

– Получишь свободу – сходи убедись, – криво усмехнулся Хорс.

Все же ц’осты злые, надменные существа!

Воспоминания промелькнули и исчезли. Она поравнялась с системой ручного управления аварийной переборкой. Тоннель нужно перекрыть,

прежде чем будет подан сигнал к декомпрессии. Неизвестно, выдержит ли дверь каюты?

Она взялась за штурвал, но при отключенных генераторах искусственной гравитации провернуть привод древнего механизма оказалось не так-то просто. Проблема знакомая. Нужно найти какой-то рычаг и закрепиться, иначе переборку не сдвинуть.

Мишель оставила тщетные попытки, развернулась, проплыла дальше по коридору, но ничего подходящего в качестве рычага не заметила, зато ее внимание привлекло неяркое свечение, исходящее из соседней секции.

«Еще одна пробоина? Если так, то мне сегодня везет!»

Свечение растекалось изломанными трещинами. Обшивка станции лопнула, встроенные в броню генераторы работали на полную мощность.

Ее сердце забилось учащенно. Чем дальше она продвигалась по коридору, тем явственнее становились деформации.

«Ну, ничего себе!» – Она машинально ухватилась за связку провисших кабелей. Впереди зияла огромная пробоина, сквозь мерцание защитного поля был виден шар планеты, его окружала звездная бездна, – у Мишель даже дыхание перехватило от неожиданности.

Постепенно зрение свыклось с уровнем освещенности, и взгляд стал различать контуры отдельных предметов.

Защитное поле способно удержать минимальное давление воздуха, но через него проходят крупные твердые объекты – это она знала по личному опыту. Большие пробоины в обшивке всегда представляют опасность. Нужно соблюдать особую осторожность, ведь ее экипировка негерметична, не предназначена для условий вакуума, царящего за энергетической преградой.

Есть и иные опасности, связанные с зонами тотального разрушения обшивки. Отключение защитного поля в наиболее пострадавших секторах способно вызвать непредсказуемые последствия. Однажды Хорс уже пожадничал, заставив ее деактивировать защиту огромной пробоины. Мишель в ту пору совершала первые самостоятельные вылазки и беспрекословно подчинялась приказам морфа, едва не заплатив жизнью за неопытность и слепое повиновение.

Тот случай навсегда отпечатался в памяти.

Теперь она знала, что не только внешняя обшивка станции подверглась разрушениям во время давней битвы. Переборки отсеков второго слоя во многих местах тоже утратили прочность, пронизаны микротрещинами. Принудительная декомпрессия таких участков крайне опасна, а последствия непредсказуемы. Однажды Мишель едва не погибла в цепной реакции катастроф, вызванных отключением поля, и с тех пор, выслушивая требования морфа, принимала собственные решения.

– Хорс?

– Слушаю. Где ты пропадаешь?

– В зоне тотальных разрушений. Это недалеко от каюты.

– Насколько сильны повреждения?

– Пробоина – метров тридцать в диаметре! Добавь сюда трещины, они тянутся примерно на такое же расстояние во все стороны!

– Зафиксировал твой маркер! Эта палуба еще не исследована, ты первая, кто проник туда. Поздравляю.

– С чем? – поинтересовалась Мишель.

– Три десятых процента, – неожиданно сообщил морф. – Мне удалось выделить на схеме энерговод, питающий генераторы. Ты нашла одну из наиболее значительных утечек в нашей части станции! Только не понимаю, почему защита потребляет так много энергии?

– Я еще не осмотрелась.

– Действуй быстрее! Речь идет о твоей свободе!

– Хочешь, чтобы я отключила поле?

– Непременно!

– Нужно подумать. – Мишель опасалась именно такой реакции морфа.

– Не понял? Ты опять будешь оспаривать мои решения?!

– Запросто. Речь на самом деле идет о моей жизни, – рассудительно ответила она. – Наберись терпения.

* * *

Станция Н-болг. Зона тотальных разрушений обшивки

Мишель медленно проплыла в невесомости, осматривая края пробоины.

Ее движения выглядели точными и в то же время непринужденными. Жизнь у морфов постепенно стерла ранние детские воспоминания, они потускнели, их место заняли впечатления напряженных будней.

Мишель многому научилась и в какой-то период даже ощущала себя счастливой. Страх перед морфами остался в прошлом. Большую часть времени она проводила в заброшенных секторах, исследуя палубы, куда не решались проникнуть ни хондийские наемники, ни сами ц'осты.

Особенный дар, который сумел заметить в девочке Хорс, позволял ей воспринимать системы станции на мысленном уровне, безошибочно манипулировать ими.

Морф строжайше хранил эту тайну. Он оберегал Мишель, ограничивал ее контакты с другими ц'остами. По-своему он был добр к ней. Ворчал, но никогда не причинял боли, зла.

Постепенно Мишель стала разбираться не только в технике, которую с детства воспринимала на интуитивном уровне, но и в сложных взаимоотношениях между морфами.

Они пытались выжить. Разрушенная станция неумолимо ветшала, ресурсы истощались, а переселиться, как поняла Мишель, им просто некуда.

В борьбе за ресурсы зародилась их иерархия. Каждый морф владел небольшим сектором пригодных для жизни палуб. Поврежденные части станции считались нейтральной территорией. Источники энергии, расположенные в зонах тотальных разрушений, – общими. В своих «владениях» ц'осты являлись абсолютными владыками: разрешали селиться или же изгоняли существ других рас, расходовали энергию и другие ресурсы по собственному усмотрению.

Станцию в основном населяли хонди, они находились в абсолютном подчинении у морфов, полностью зависели от них. Мишель слышала и о других разумных существах, таких как звенги и умры, но никогда их не встречала.

Люди освоили несколько заброшенных палуб Н-болга, захватили часть нейтральных территорий, чем существенно осложнили жизнь Хорсу. Мишель подозревала, что именно он был причастен к появлению первых хомо, живших на борту задолго до появления «Прометея».

Еще на станции обитали мутанты – совершенно дикие твари, не подвластные никому.

Морфы стремились лишь к одной цели. Каждый из них старался получить в свое распоряжение как можно больше ресурсов. Хорс часто ворчал, не стесняясь присутствия Мишель, говорил, что «эти глупцы» разрушили великий замысел, поделили станцию и тем самым остановили ход величайшего эксперимента.

«Может, он когда-то был главным среди ц'остов?» – думала Мишель, исследуя края пробоины.

Она взрослела. Новизна ощущений притуплялась, опасные приключения, которые раньше захватывали ее, постепенно стали серыми буднями. Мишель все острее понимала: станция Н-болг когда-то принадлежала иным, отличным от ц'остов, загадочным существам, очень похожим на людей.

Среди хонди ходили легенды об армахонтах – великой цивилизации, мудро правившей всем обозримым космосом.

Почему и куда они исчезли, оставалось загадкой.

Мишель завершила осмотр пробоины. Обшивка ненадежна. Глубокие трещины распространяются далеко. При отключении защитного поля произойдет мощный декомпрессионный выброс, который уничтожит многие прилегающие помещения.

Риск огромен, но и цена велика.

Свобода.

Мишель задумалась, она парила в невесомости подле тонкой энергетической преграды, удерживаясь одной рукой за выступ поврежденной конструкции.

«Куда я пойду? Что стану делать? – такие мысли приходили уже не в первый раз. – Да и отпустит ли меня Хорс?»

Интуиция подсказывала: нет, не отпустит. Морфы хитры. Хорс постепенно набирал силу, его влияние среди других ц'остов неуклонно

росло, и все это благодаря ей. Что же он станет делать? Сам будет совершать вылазки в разрушенные сектора? Нет. Мишель знала о метаморфах больше, чем кто-либо другой. Они только кажутся всемогущими. А на самом деле редко и неохотно покидают обжитые отсеки и, что главное, не умеют эффективно управлять системами Н-болга, иначе давно восстановили бы станцию, взяли ее под свой контроль. Но нет. Они готовы жертвовать чужими жизнями ради нескольких дополнительных эргов. Нередко в заброшенных секторах ей встречались хонди, погибшие при неумелых манипуляциях с устройствами, получающими энергию от аварийных источников. Если бы морфы в точности знали, как перераспределять ресурсы, то дали бы инструкции работающим на них существам, а не губили бы их.

Она взрослела. В душе копилась щемящая тревога, неосознанные желания и порывы толкали к безрассудству, протесту, в последнее время все чаще приходили пронзительные сны, в которых она видела себя в окружении других, незнакомых ей людей, среди живой природы, бескрайних просторов.

Просыпаясь в тесноте отсека, куда поселил ее Хорс, Мишель не сразу приходила в себя. Отчаянно хотелось назад, к мимолетным, но острым грезам.

«Так, хватит!..»

Мишель стряхнула задумчивость.

В глубине разрушений, напротив пробоины, она заметила еще один сгусток защитного поля, необычайно яркий, сконцентрированный.

«Вот о чем говорил Хорс! – мгновенно догадалась Мишель. – Какой-то объект прошел через пробоину, врезался в станцию, разрушив несколько отсеков второго слоя, и произошло это уже после глобальной катастрофы! Любопытно, что там? И почему поле источает необычный, пронзительный, изумрудный свет?»

* * *

– Хомо, ты где? – Голос морфа раздался совсем некстати.

– Опять потерял маркер? – Мишель уже находилась в границах второй палубы, на фоне сияния медленно проступал контур необычного космического корабля, небольшого, видимо, одноместного.

– Мощное фоновое излучение, – ответил Хорс. – Вижу только размытое пятно. Ты в порядке? – проявил он несвойственное беспокойство. – Опасайся радиации!

«Нет, не отпустит он меня, – Мишель коснулась ногами покореженной палубы, включила липучку, – слишком обеспокоен. Дорожит мной».

А корабль побывал в бою. Сильно ему досталось. Оружие явно хондийское – ее взгляд нашел характерные шрамы, оставленные лазерными разрядами.

– Хорс, что тебе известно о стасис-поле? Передаю сигнатуру. Проанализируй.

Морф издал невнятный звук.

Удивлен? Испуган? Или не знает ответа?

– Я тебе ничего не рассказывал о системах стасиса!

Нет, он не испуган, а скорее ошеломлен!

– Верно. Но я и сама кое-что могу. – Мишель уже исследовала окружающие сети, нашла источник энергии.

– На борту станции не может работать устройство стасиса с такими характеристиками! – заявил морф.

– Ну почему? Генератор вполне обычный. Только излучает интенсивнее и настройки действительно странные! – Мишель передавала свои ощущения. – Система докладывает: включен режим стасис-поля. Не объяснишь, что это значит?!

– Уходи оттуда! Немедленно!

Мишель остановилась. Такой приказ от морфа она слышала впервые! Не верилось, что он добровольно отзывает ее, отказывается от огромного количества энергии, которую можно перераспределить, направить в его распоряжение!

Борт корабля плавно закруглялся. Среди повреждений обшивки на сегментах бронеплит виднелась маркировка.

– Мишель?!

Вот как? Не хомо? Назвал меня по имени?

Она присмотрелась повнимательнее.

– Мишель, уходи оттуда! Кораблем займемся мы! – замешательство Хорса, похоже, трансформировалось в ужас.

Маркировка бронеплит, нанесенная мелким, едва читаемым шрифтом по периметру незамысловатого клейма, состояла из незнакомых букв. Точно не универсальный язык!

– Не подчинишься – пожалеешь!

Мишель поджала губы. Теперь угрожает? Посмотрим, она сконцентрировала внимание на генераторе, но ничего нового не выяснила, скользнула мысленным взором по сохранившимся участкам бортовой сети, отвела немного энергии, запитала ближайший информационный накопитель.

Ответ на запрос ошеломил ее.

Оказывается, любой генератор защиты обладал функцией стасис-поля, предназначенного для предотвращения столкновений со станцией и сохранения жизни живых существ при катастрофах. Чего же тогда испугался морф?

Ага, дело в настройках генератора! Полученная из сети техническая информация многое объясняла. Для представителей разных цивилизаций были разработаны уникальные характеристики излучения. Вот, например сигнатура, рассчитанная с учетом метаболизма морфов. А эта, – Мишель мысленно считывала данные, – предназначена для хонди.

А какие настройки задействованы сейчас?

Она прочла сигнатуру и невольно вздрогнула.

Армахонт?! Не может быть?! Они же… исчезли!

– Мишель, ты меня слышишь?! – надрывался Хорс.

Она не ответила. Отключила коммуникационный канал и направилась дальше, вдоль борта, к сгустку холодного сияния, законсервировавшего разрушенную при столкновении со станцией носовую часть корабля.

* * *

Существо, объятое защитным излучением стасис-поля, было поразительно похоже на человека!

Мишель в немой растерянности смотрела на него, не зная, что и думать.

Экипировка показалась ей знакомой. «Где я могла видеть похожий скафандр? Ну? Где же? Где?» – она вновь обратилась к информационному накопителю, но устройство хранения данных на этот раз ничем не помогло. Мысленный образ, сгенерированный в сеть, не нашел аналога.

Мишель отступила на шаг, еще раз окинула взглядом картину разрушений. Носовую часть корабля деформировало при ударе. Сквозь дыры в смятой, разорванной обшивке был отчетливо виден фрагмент рубки управления, конструкция противоперегрузочного пилот-ложемента и фигура в тяжелом бронированном скафандре, объятая сиянием стасиса.

Шаг вперед, и восприятие тут же изменилось. Теперь в поле зрения попадал лишь фрагмент интерьера рубки, а через прозрачное забрало гермошлема она хорошо различила черты лица загадочного существа.

Ее рассудок вдруг резко воспротивился определению «существо».

Он человек или армахонт?

В душе поднималась буря эмоций. Чувства, неведомые ранее, обжигали, пугали, манили...

«Да что же со мной происходит?!»

Ее охватило смятение. Из потаенных глубин подсознания рвались тусклые, обрывочные образы. Мишель вдруг показалось, что она давно знает загадочного пилота, но это противоречило ее памяти, жизненному опыту!

«Нет. Такого не может быть! Я не могла встречать его в прошлом!

Вся жизнь как на ладони. Откуда же слезы в глазах и острая, щемящая боль в груди?!»

Мишель испугалась ни на шутку. Никогда с ней не происходило ничего похожего на этот внезапный, совершенно неконтролируемый рассудком эмоциональный всплеск!

«Я его знаю!» – уверенность росла, переходила границы понимания!

«Он был мне дорог! Я его любила!»

Жар. Спутанные мысли. Щеки горели. Взгляд затуманился.

Здравый смысл молчал.

«Я сошла с ума?! Этого просто не может быть! Я не могла встречать его раньше! Сигнатура излучения настроена на спасение жизни *армахонта*!

Ты его знала, любила, но потеряла!»

Мишель внезапно разрыдалась. Она не могла принять происходящее и не могла погасить рвущиеся из глубин души обжигающие чувства.

Ее взгляд вновь коснулся застывших черт.

«Что же мне делать?» – шептали губы.

* * *

Мишель медленно приходила в себя после граничащего с абсолютным безумием срыва.

Чувства, вспыхнувшие в душе, не исчезли, но стали глуше.

В спутанные мысли вплетались тонкие тревожные нотки. Ее рассудок, едва вырвавшийся из омута непонятных, но ярких, окрашенных эмоциями воспоминаний, теперь собирал проявления мира реального.

Поблизости активировалась цепь питания! Тускло зардела и тут же погасла энергетическая матрица включившегося механизма.

Межпалубный люк!

Мишель сконцентрировалась на восприятии. Участок сети, к которому она подала энергию, включал в себя несколько неповрежденных датчиков. Она скользнула мысленным взором по каналам обмена данными и вдруг увидела наемников-хонди, которые только что спустились на уровень второй палубы!

«Совпадение?

А это кто?!

Морф?! Собственной персоной?!»

– Мишель, – резервный канал связи включился под внешним воздействием. – Я в последний раз предупреждаю: уходи оттуда! Ослушаешься – уничтожу! Попытаешься сбежать – все хомо погибнут!

«Да что же происходит, на самом-то деле?! Морфы никогда не произносят пустых угроз! Хорс готов убить меня, уничтожить поселения людей?! Почему?!»

Мишель еще не пришла в себя от пережитого шока, но к тем ощущениям уже добавились новые, теперь окрашенные иными эмоциями.

Она редко испытывала злость. Жизнь хоть и не баловала ее, но и неприязнь, ненависть к другим существам не культивировала.

Все изменили несколько фраз морфа.

Мишель не шелохнулась, но ее разум, способный манипулировать устройствами станции, взбунтовался.

Она не хотела ничьих смертей. Тем более не собиралась погибать сама.

«Но где же выход?!

Хонди шутить не станут. У них вообще нет чувства юмора. Они исполнят любой приказ Хорса!»

Мишель мгновенно представила последствия своего неповиновения. Свет в жилых секторах погаснет, наступит лютый холод, сотни человек умрут медленной, мучительной смертью.

«Что же мне делать?

Еще минута промедления, и будет поздно. Меня убьют», жестокий, окончательный смысл короткой фразы вдруг перечеркнул прошлое.

Она действовала машинально, рефлекторно, как не раз поступала в критические мгновения при работе с поврежденными системами и устройствами.

Перед хондийскими наемниками, едва не разрубив их старшего, резко опустилась массивная герметичная переборка.

Разум Мишель погрузился в сеть. Она манипулировала системами Н-болга, за несколько мгновений задействовав опыт, накопленный в течение десяти лет работы на Хорса.

Перераспределение энергии!

Создание защиты!

Изоляция секторов!

По всей станции внезапно прокатился кратковременный сбой питания, многие системы, не выдержав перегрузки, ушли в сбой, с грохотом опустились массивные аварийные переборки, несколько населенных людьми палуб отрезало от остальной части Н-болга, в дополнение включились генераторы защиты – теперь никто не сможет подобраться к герметичным преградам, насильственно вскрыть их.

Минута предельного напряжения едва не отняла жизнь девушки.

Мишель с трудом устояла на ногах. Ее взгляд стал пустым и холодным.

«Что же я наделала?! И что мне делать дальше?!»

Ответа не было.

Ее взгляд остановился на застывших чертах.

«Я знала его… Любила… И он должен меня узнать…

Так что? Отключить стасис?!

А если все это – ложь, плод моего воображения?!

Он армахонт или человек?!»

Губы Мишель дрожали. Она боялась. Боялась, что не справится с корректным отключением стасис-поля, но еще больше, что он, очнувшись, не узнает ее…

«А ведь так и будет… – шепнул предательский голосок. – Вы не могли встречаться. Никогда и нигде. Ни при каких обстоятельствах».

* * *

Первичное колониальное поселение Пандоры. Сорок девятый год по колониальному календарю…

– Вот тут. – Эшранг поджал перепонки крыла, указал подвижным когтистым пальцем на маркер, расположенный в неисследованных глубинах одного из ледников, – тут находится нужное мне устройство.

– Что именно ты хочешь заполучить? – поинтересовался Родька.

Ошр недовольно щелкнул клювом, зашипел, искоса взглянув на него.

– Не твое дело, хомо!

– Нет, так не пойдет! – Егор на правах старшего выступил вперед. – Хочешь результата, давай больше информации, – он поймал взгляд

эшранга, что само по себе являлось неслыханной наглостью.

– Забыл свое место?!

Егору бы промолчать, отступить, но он лишь непроизвольно сжал кулаки. Пашка попытался одернуть его, но Родька не дал: «Хватит уже этой «птице» помыкать нами!»

– Будете грубить – я отключу генератор защиты! – злобно прошипел Ошр. – А вас заставлю смотреть, как вымирает поселок!

– Егор, да не связывайся! Пошел бы он! – Пашка не выдержал, шагнул вперед.

Эшранг невольно попятился, но тут же снова принял надменный вид, пряча испуг в налившихся кровью глазах. За его спиной неслышно появились четверо бойцов.

«Хонди – отличные телохранители. Безропотные и бесстрашные. Убьют, стоит эшрангу указать клювом на жертву.

Но мы ему нужны. Все это блеф, как говорил старый андроид. Хонди неприспособлены к лютому холоду. Путь через ледники для них закрыт».

Весна…

Слово скрипело на зубах. Снаружи сейчас завывает ветер. Снова резко похолодало, проснулись вулканы, солнце редко выглядывает из-за пепельных туч.

Жизнь надломилась. Теперь на планете правят «птицы». Сколько их вышло из состояния стасиса за время оттепели, никто не знал. Они подмяли под себя многочисленные поселения хонди, и каждый из эшрангов теперь рвется к власти.

– Ну?! – эшранг злился. Жадный, надменный, самолюбивый, он не терпел неповиновения. – Умрете здесь?

Родька незаметно снял «Абакан» с предохранителя. Движение его пальца уловил лишь Пашка, стрельнул взглядом по сторонам, вроде бы испуганно, выдал себя внезапным, нездоровым румянцем на щеках, – водилась за ним такая слабость, чуть понервничает – и пунцовые пятна тут как тут.

Эшранг остался доволен произведенным эффектом. Разведчиков из числа хомо сложно готовить, еще труднее управлять ими, но он нашел

верный способ держать эту троицу на коротком поводке – фигура речи, когда-то почерпнутая из лексикона людей, ему определенно нравилась.

Пашка потупился, отступил на шаг, привалился к стене, изображая крайнюю степень испуга, на самом же деле ярость плескалась в душе, оружие он держал наготове, да и отступил с единственной целью, открыть себе сектор обстрела, чтоб Егора случайно не зацепить, если начнется внезапная заваруха.

А как ее хотелось!

«Нельзя…» – слабый голос рассудка тонул в адреналине. Дети, осиротевшие после набега мутантов, совершенно беззащитны против мести эшрангов. «Надо же было нашим предкам выбрать такое неудачное место для поселения! – с нескрываемой досадой подумал он. – Без исправной работы дополнительного защитного поля, которым управляет Ошр, ядовитые выбросы проснувшихся вулканов накроют дома, затопят смертельным туманом улицы, погубят всех».

Эшранг насладился очередной демонстрацией власти и вернулся к делу:

– Итак, повторяю: ваша цель расположена тут, – он вновь указал на маркер. – Ледник постепенно тает, его толщу прорезали ущелья. Пройдете через кремниевый лес, за ним увидите реку талых вод. По руслу доберетесь до сети недавних разломов. Их не картографировали, что там подстерегает, мне неизвестно. Разберетесь на месте.

– Что конкретно мы должны найти?

– Колонию алгитов. Более точную информацию дать не могу. Но мимо устройства, которым они управляют, вы не пройдете, гарантирую.

– Ладно, – Егор сделал едва приметный жест, давая знать Родьке и Пашке: «Не дергайтесь, разойдемся без стрельбы». – Когда передашь нам управление генератором защитного поля? – неожиданно спросил он.

Эшранг, собиравшийся что-то добавить, онемел.

– Был договор: мы помогаем отыскать оборудование для ремонта твоего корабля, – Егор бесстрашно поймал взгляд эшранга, – а ты передаешь нам контроль над дополнительной установкой защитного поля!

– Хомо, ты меня постоянно злишь!

– Это не ответ!

– Я помню условия соглашения! Поле работает, твои сородичи живы, выполняй свою часть обязательств!

– Ты же обещал научить нас управлять защитой! – не выдержал Родька.

– Еще не время! Не все необходимые мне компоненты собраны!

– А когда это время наступит?

– Я подумаю, – неожиданно смягчился эшранг. – Поговорим об этом позже.

– После нашего возвращения? – уточнил Егор.

– Да, пожалуй. А теперь идите.

* * *

Инцидент (кстати, уже не первый) неприятно поразил Ошра.

Одна из проверенных временем истин гласит: «Необязательно завоевывать иную цивилизацию, достаточно получить возможность воспитывать ее детей».

С хомо такая стратегия не срабатывала. Упрямые, своевольные, но, к сожалению, незаменимые на данный момент существа. Без них нечего и мечтать об абсолютной власти над планетой.

Эшранг, сложив крылья, вразвалку прохаживался по своему жилищу. Хонди он отпустил, нечего им путаться под ногами, занимать место, дышать его воздухом!

Ошр откровенно презирал представителей всех без исключения младших рас, но это не мешало ему использовать их в собственных интересах.

Больше всего ему досаждали ц'осты. Метаморфы неплохо устроились на борту станции Н-болг! Живут, не нуждаясь, проводят генетические эксперименты, ищут и, – мягкая шерстка вздыбилась на загривке, – вполне могут найти универсальный генетический ключ к могуществу армахонтов!

Экспедиция в эту звездную систему завершилась полным провалом. Он едва не погиб, провел в состоянии стасиса много лет и теперь вынужден влачить жалкое существование!

Проклятые ц'осты! Это они наводнили планету низшими созданиями! Их генетические эксперименты – источник всех проблем!

«Но морфам не поздоровится! – Эшранг устал мерить шагами свое убогое жилище, уселся, вцепившись мощными когтистыми лапами в специально установленную перекладину, нахохлился, прикрыл желтые кожистые веки. – Пусть хомо выполнят задание, и узел проблем будет разрублен!» – сладкие мысли о скорой мести успокаивали, ласкали рассудок.

* * *

Снаружи, медленно кружа, падали серые хлопья пепла.

Нора эшранга располагалась глубоко под землей. Эта тварь, мысленно Ошра именовали только так, не нуждается в защите от постоянных извержений, использует старый космический корабль как бункер.

– Почему бы нам не поступить так же? – Родька по привычке настороженно осмотрелся вокруг, но никакой опасности не заметил.

– Ты о чем? – хмуро спросил Пашка.

– Хватит уже рисковать жизнями! – Родька завелся, теперь остынет не скоро. – Почему бы нам не отыскать старый корабль во льдах, не увести туда всех жителей поселка?

– Не вариант. Уже обсуждали, – одернул приятеля Егор. – Помнишь, что сказал Степ Степыч?

– Да помню я все! Системы жизнеобеспечения чужих кораблей нам не запустить, нет энергии, жрать будет нечего, а если начнем расчищать территорию, локально менять климат, то «птицы» нас быстро обнаружат!

– Вот именно. Сам все понимаешь. Бегство – не выход!

– А он вообще есть? – не унимался Родион.

– Пока – нет! – отрезал Егор.

– Все равно надо что-то делать! Роман Карлович чему нас учил? Никогда не сдаваться, рассчитывать только на себя!

– Закрыли тему. Пошли собираться. Путь неблизкий.

...Льды дыбились торосами.

Ветер завывал, гнал поземку. Дышалось тяжело, разговаривать не хотелось. Уже неделю, как несет пепел со стороны вулканов, того и гляди автоматика произведет сброс защитного поля, его перезапуск, а это – верная гибель посевов.

«Эх, не успели родители передать нам настоящие знания. Ни о Курганах Спящих, ни о работе устройств защиты!» – с раздражением думал Егор.

Степ Степыч тоже ничего не помнит, жалуется то на сбойные программы, то на хроническую нехватку запасных частей. Егор был уверен, виной тому – случайная автоматная очередь, повредившая ядро системы. Вышибло у андроида часть нейрочипов.

Впереди показались знакомые контуры скал, за ними уже виднелась серая стена, постепенно изгибающаяся, принимающая вид купола, и мысли вновь вернулись к делам насущным.

Купол, созданный предками, работает нестабильно. Сброс накопившегося пепла и очистка защитного поля происходят автоматически, без учета направления ветра. Вот и пришлось пойти на соглашение с эшрангом. Он закрыл город дополнительным полем, не пропускающим пепел и ядовитые газы. А они теперь его должники, или, если смотреть правде в глаза, – заложники.

Стена старого защитного купола приближалась, скалы в обрамлении грязно-серого льда остались позади, тропа спускалась вниз, к древним укреплениям, оставшимся еще со времен основания колонии.

Локальный проход в защите сиял тонкой пунктирной аркой габаритных огней.

Стоило пересечь границу купола, как обстановка резко изменилась, и без того хмурый, непогожий день стал совсем уж мрачен: из-за накопленного пепла защита не пропускала дневной свет, над полями парило с десяток агромодулей, – они создавали искусственное освещение, восполняя недостаток лучистой энергии.

– Егор, вот объясни мне, какая разница, – снова завелся Родька. – Если уведем людей, обживем какой-нибудь корабль, почему не выращивать еду прямо на палубах? Воду с ледников будем брать, освещение уж как-нибудь организуем! Сервы почву натаскают…

– А эшранги их выследят! – оборвал его Егор. – Просил же, хватит! Сколько можно говорить об одном и том же!

– Ну, ладно, не злись. Мысли вслух.

– Подумай о чем-нибудь реально полезном, – Егор остановился. – Я бы сам с удовольствием ушел или Ошру бы пулю влепил, но толк от этого какой? Погубим всех!

«Вот так всегда. Из одного тупика в другой! – тяжело подумал Родька. – И выхода, получается, нет?!»

Вслух он ничего говорить не стал. Егор прав, как тут ни поверни. Но ведь должно же существовать решение!

– Знаете, а я бы рискнул, – произнес молчавший всю дорогу Пашка. – У эшранга одна жизнь, и он ею ох как дорожит!

– Что предлагаешь? – Егор отстегнул крепления дыхательного аппарата, включил автоматическую продувку, – облачко праха тут же вытолкнуло из системы фильтров.

– Хонди перебить, Ошру ствол в клюв – посмотрим, что он прошипит в ответ?

– И что требовать будем?

– Контроль над установкой защиты!

– Ну, хорошо, жизнью он действительно дорожит, – согласился Егор. – Но дальше-то что? Сколько у эшрангов бункеров, сколько хондийских бойцов они содержат в инкубаторах?

– Думаю, много. Но Ошр-то не последний среди «птиц»! В клетку его и в город! Остальных предупредим, что его жизнь в наших руках! Напасть не посмеют!

Егор призадумался.

План отчаянный, но выполнимый. Ошр держит при себе десятерых охранников, причем только пятеро из них постоянно находятся внутри бункера. Остальные патрулируют местность снаружи.

Ломать ситуацию нужно, никто и не спорит. Дальше так жить нельзя. Но и начинать действовать без подготовки, на одних нервах, тоже никуда не годится! Надо все тщательно обдумать!

– Ладно, поступим так: сходим, посмотрим, что там оттаяло, а по дороге обсудим, как быть. Если ничего более толкового не придумаем, – захватим эшранга, поторгуемся с его сородичами, – ответил Егор.

Родион и Павел чуть повеселели.

Надежда – как глоток воздуха. Трудно жить без нее. Пусть хотя бы такая, злая, надрывная, – она согревает душу, шепчет: «Не все безнадежно».

* * *

В городке, спрятанном под нависающим козырьком скал, было пустынно.

Сборные модульные дома давно обветшали, но чинить их – нет ни материала, ни времени.

«Младшие понемногу подрастают, но какая их ждет судьба? – думал Егор, шагая по улице. – Эшранги между собой не ладят. В открытую они, конечно, не воюют, но каждая группировка стремится овладеть превосходством, подмять под себя как можно больше хондийских селений. «Птицы» ничем не брезгуют, говорят, некоторые из них сумели приручить и начинают вооружать мутантов – тех, что посообразительнее.

Тяжелые времена. Война грядет, «птицы» не угомонятся, пока друг друга не перебьют либо не найдут способа вырваться с планеты. Одна надежда – может, и впрямь починят свои корабли, улетят?»

Вид городка будил в душе Егора далеко не светлые чувства.

Нет, своих он любил, но сурово, черство, а остальных *существ* ненавидел глубоко, въедливо.

Душа и разум блуждали в сумерках, но Егор не замечал этого. Детство, уроки Степ Степыча, первые лучи солнца, однажды пробившиеся сквозь клокастые тучи, радостные, беззаботные дни – все выцвело,

превратилось в серые карандашные наброски, которые уже никто и никогда не раскрасит вновь.

Родька и Пашка ушли вперед, а он все стоял, глядя на ровно расчерченные улицы, ловил обрывки воспоминаний, но находил только боль.

Дом, где он родился и вырос, пустовал. Не смог он туда вернуться после гибели родителей, поселился в мастерской, где теперь хозяйничал Степ Степыч.

Андроид помогал всем. Приглядывал за детишками, мастерил нехитрый сельскохозяйственный инструмент, а поздно вечером, когда темнело, брался за работу иного толка: из корпусов неисправных сервов, их механизмов, кусков пластика, лоскутов синтетической материи и старых, уже ни на что не годных скафандров ладил самодельную экипировку, чинил оружие, изготавливал патроны.

На верстаках и стеллажах в его мастерской пылилось много разного металлического хлама. Сервомоторы, манипуляторы, гильзы, собранные в траншеях, – всего не перечислишь. Отдельно хранились едко пахнущие химикаты. За ними Степ Степыч регулярно ходил к вулканам. Сам изготавливал взрывчатую смесь, отливал пули, снаряжал патроны.

Старый дройд сильно изменился. Он больше не рассказывал о чудесах терраформирования, не рисовал радужных перспектив колонизации, работал молча, без устали, словно спешил сделать как можно больше. Его пеноплоть потрескалась от частых вылазок к огненным разломам, одежда обтрепалась, несколько раз Егор видел, как он стоит неподвижно, словно манекен, – система все чаще давала сбои, и это тоже тревожило не на шутку.

* * *

– Привет, – Егор перешагнул порог, плотно притворил за собой дверь.

Степ Степыч возился с непонятным механизмом, но, заметив Егора, бросил свое занятие, вытер руки, засуетился.

– Присаживайся, сейчас поесть разогрею, – он стал быстро собирать на стол. – Как сходили?

– Нормально.

– Эшранг новое задание дал?

– Угу. В глубь ледника пойдем по ущельям.

– Опасно. Я приготовлю вам тяжелые сервокостюмы. – Андроид поставил на стол тарелку: – Ешь, пока горячее.

Егор кивнул. Аппетита нет, но поесть надо.

– Степ, клетку сможешь смастерить? – неожиданно спросил он.

– На что тебе? – поинтересовался андроид.

– Эшранга в нее посадим, если обещание не выполнит.

Степ Степыч такого решения не одобрил.

– Ты, Егорка, злой стал. Все на эмоциях, на нервах. А думать головой кто за тебя станет?

– Не начинай. Нам жить надо. Младших кормить. Город защищать. Вот скажи, мы сегодня в ледники уйдем, а если завтра мутанты нагрянут?

– Плохо будет, – согласился андроид. – Я один не справлюсь. Вот если б еще с десяток сервов отремонтировать, но беда – исправных энергоблоков больше нет.

– Ты мне зубы не заговаривай, – разозлился Егор. – Ответь, вечно на «птиц» работать будем?

Степ Степыч присел напротив.

– Раньше сказал бы тебе: неправильно, не по-людски воевать с другими разумными существами, в клетки их сажать. Но теперь не могу.

– А что так? – Егор вскинул взгляд.

– Измениться мне пришлось, – вздохнул Степ Степыч. – Я ведь уже ко многим смертям причастен. Выбор сделал. Но неправильно все складывается! – андроид вдруг грохнул кулаком по столу. Такого еще не бывало. Егор от удивления так и застыл, ложку до рта не донес.

– Эй, с тобой все в порядке? Система, что ли, опять сбоит? Может, перезапустить?

– Эх, Егорка… С системой все в порядке, это нейросети пошаливают. Ну, как мне быть, подскажи!

– Да чего тебя понесло?

– Неправильно мы живем. Все наперекосяк пошло. Весна, будь она неладна! Добра, тепла ждали, а что вышло? Я патроны снаряжаю, дети впроголодь живут, ты вот уже таким, холодным стал, всех ненавидишь!..

– Неправда! – обиделся Егор. – Своих люблю! Но ты от темы не уходи. Нам контроль над защитным полем нужен. Эшранг, если его к стенке не прижать, так и будет изворачиваться!

– Да не нужна нам его установка! – Степ Степыч горестно покачал головой. – Наша защита должна справляться! – убежденно произнес он. – Егор, я вспомню, как ею управлять! Обязательно вспомню! А эшрангов трогать нельзя!

– Это еще почему?

– Они хоть и враждуют друг с другом, но за Ошра вступятся, вот увидишь! Хонди на нас натравят или мутантов. Да ты и сам должен понимать!

Егор хмуро кивнул.

– Помнишь, ты нас в школе учил: придет Весна, растают льды, начнется новая эпоха. Где она, Степ?

Андроид лишь покачал головой.

– Не помню, прости. Как половину нейромодулей вышибло, так и забыл. В системе только клочки воспоминаний.

– А заменить твои чипы разве нельзя?

– Пробовал, не помогло. Я постоянно пытаюсь вспомнить, но не получается пока. Слова, образы, как листья, кружат. Хочу поймать, рассмотреть, а нет, будто рассыпаются они!

– Ладно. – Егор доел, начал собираться. – Патроны нужны. Пашка с Родькой скоро подойдут, сервокостюмы для них приготовь. Мы так решили – сходим, посмотрим, что там за устройство в ледниках оттаяло. А вернемся – решим, как с эшрангом быть. А ты, – он пристально посмотрел на андроида, – ты вспоминай. Старайся. Сам ведь нас когда-то учил – в любой технологии можно разобраться!

– Я попробую. Снова схожу к генераторам, может, что и вспомню. Не покидает меня чувство: знал я когда-то, как ими управлять! А тебе вот что скажу – мир нам нужен.

– Это ты мутантам скажи! – отмахнулся от его слов Егор. – Пока они по окрестностям бродят, не будет никакого мира! – зло добавил он.

* * *

Вышли уже под вечер. Ночевать в городе не стали. Путь неблизкий, а день или ночь, по большому счету, без разницы. Экипировка, изготовленная Степ Степычем, позволяла видеть в темноте, только изображение было серым и «притормаживало» иногда, если резко обернуться, бегло взглянуть по сторонам.

«Вот ведь как странно бывает в жизни, – думал Егор, пока они шли мимо полей, под серо-пепельным сводом защиты. – Мы все помним, а андроид забыл!»

Жаль, не доучились у него, да и слушали невнимательно. Кто ж знал, что такие времена настанут?

«Неужели от нескольких слов может зависеть судьба? – невеселые мысли лезли в голову. – А если б Степ Степыч успел нас научить, как нужно управлять защитой? Жили бы мы сейчас совсем по-другому?»

Что-то внутри подсказывало: нет. Изменилась бы частность, а в остальном – какое знание способно воскресить погибших?

Путь к леднику только один, по старой дороге, через плато, по краю которого вьются змейки вырезанных в камне ходов сообщения.

Каждый раз дрожь по спине от воспоминаний. Не стираются они, не тускнеют, тлеют, словно угольки.

Родька сбавил темп, перед выходом на ледник предстояло пройти через теснину, где до сих пор чернеют корпуса сервов да зияют оспины воронок. Здесь машины сдерживали стаю. С одной стороны свисают огромные сосульки, с другой от скал идет пар, дышать трудно, но быстро через опасный участок не проскочишь, мешают нагромождения обломков, да и мутанты здесь часто устраивают засады, приходится постоянно быть настороже.

– Вроде чисто, – Пашка осмотрел свою сторону, замер, ожидая ответа.

Егор медленно обвел взглядом край ледника, наползающего на скалы. Водопады сосулек, сумрак, журчание воды.

Никакого движения. Ни одного подозрительного теплового пятна.

– У меня чисто, – выдохнул он.

Родька вдруг вскинул руку в предупреждающем жесте – в укрытие!

Метнулись в стороны, затаились.

– Где? – едва шевельнув губами, тихо спросил Егор.

– За перевернутой планетарной машиной. Ну, той, что в самой-то теснине.

Ага, засек.

Егор заметил мутанта. Тот поджидал добычу в надежде внезапно атаковать.

«Родька молодец. Иначе худо бы нам пришлось. Твари отличаются не только недюжинной физической силой, они стали сообразительными, быстро учатся.

Степ Степыч говорит, что они сейчас на стадии первобытного развития. Как люди когда-то. Чудак. Какие же они люди? Внешнее сходство, конечно, есть, но в остальном, – Егора передернуло, – твари они. Вечно голодные, беспощадные, опасные».

Мысли пробежали по кругу, вернулись к насущной проблеме. «Броню планетарной машины пулей «Абакана» не возьмешь. Навылет прострелить не получится. Тут импульсный пулемет нужен. А мутант сидит тихо, не высовывается. Придется кому-то из нас послужить приманкой, хотя…» – он вскинул взгляд, скользнул им по причудливым наплывам огромных сосулек, кивнул в ответ своим мыслям.

– Родька, Пашка, держите его на прицеле, – негромко произнес он.

Страх никуда не делся. «Мутант матерый. Если промахнусь, рванет на нас», – успел подумать Егор, прежде чем выжать спуск.

Очередь ударила громко. Интегрированный глушитель старенького автомата давно отслужил свое, но звук выстрелов мгновенно потонул в реве искристого ледового обвала.

Огромные сосульки глухо били в броню перевернутой машины, разлетались крошевом, ломались, отскакивали, а вслед их падению уже раздался отчетливый угрожающий треск. Несколько метров ледяного

наплыва сорвались вниз, накрыли участок теснины, заполнили его от края до края.

Егор шумно выдохнул.

Пашка нервно сглотнул, первым привстал из-за укрытия. В такие минуты он становился сам не свой, рвался вперед, часто и неоправданно рискуя. Родька, наоборот, замыкался в себе, мог часами не проронить ни слова, и взгляд у него становился пустым, отрешенным.

Егор же однозначных чувств не испытывал. В голове после внезапной схватки – будто искрящееся крошево льда. Грани восприятия вспыхивали и гасли, причудливо, прихотливо. То ознобом рванет вдоль спины, то обдаст потливым жаром, иногда хочется болтать без умолку, как часто случается с Пашкой...

Тело мутанта они увидели сразу. Одна из сосулек ударила ему в спину, видно, сидел согнувшись, вот и пробило его насквозь.

Вокруг все усеяно толстым слоем льдинок, кровь уже пропитала искрящееся на свету крошево, вид мертвой твари сначала притягивал взгляд и тут же отталкивал, жутко было смотреть на перекошенный рот, выпученные глаза, неестественно вывернутую руку, скрюченные пальцы, с которых капала вода, – в момент смерти он судорожно загреб пригоршню льда, и тот теперь таял, отбирая ускользающее навек тепло.

Родьку едва не вырвало. Он побледнел, пошел прочь. Пашка и Егор задержались. Не из-за любопытства, смертей они насмотрелись достаточно, вид мертвого мутанта не вызывал ничего, кроме отвращения и тяжелых, надрывных воспоминаний, но они знали, наученные горьким опытом: грохот обвала и звук выстрелов привлекут всю нечисть в округе. Пройдет немного времени, и труп сожрут. Некоторые особо голодные твари могут и не остановиться, их только распалит вкус свежей крови. Где гарантия, что они не рванут вверх по ущелью, к городку?

Они действовали молча и слаженно.

Одну гранату под труп, две другие на невидимых лазерных «растяжках» чуть выше. Тактика новая, но уже проверенная. Те, кто не насытится, – подорвутся!

Думали ли они о жестокости, расчетливости своих действий?

Нет.

Жизнь изменилась вмиг, и возврата к прошлому нет, как нет в озябших душах места ложной жалости или ненужным переживаниям.

– Готово! – Пашка установил последнюю из ловушек, спустился. – Погнали, а то Родька уже, наверное, далеко ушел!

– Подожди, – Егор переключил частоту коммуникатора. – Степ?

– Егор? – андроид откликнулся немедленно. Его голос прерывался потрескиванием помех, устойчивой связи мешал пепел, накопленный защитным полем. – Что случилось?

– На мутанта нарвались. В ущелье. Ты тревогу не поднимай, мы тут пару сюрпризов оставили, но сам подежурь на окраине, мало ли что?

– Сделаю, – лаконично ответил андроид.

* * *

У искусственных интеллектов тоже есть судьба.

Так сложилось, что с первых дней после основания колонии андроид развивался как самостоятельная личность. По регламенту у него обязательно должен быть «хозяин» из числа колонистов, но человек, с которым его связывал безусловный программный приоритет, до сих пор числился в списке «спящих».

Свои первые дни на Пандоре Степ помнил довольно отчетливо, невзирая на полученные позже повреждения. Его активировал Глеб Полынин. Осознанные впечатления искусственного интеллекта, собственно, начало его памяти, самоидентификации как личности, были связаны с непростой технической задачей, которую поставил перед ним руководитель первичного колониального поселения.

Степу поручили общий контроль над сервомеханизмами, которые прокладывали наклонные тоннели, ведущие сквозь скалы к многочисленным разломам в планетарной коре.

Дальнейшие события выглядели смазанными и нечеткими. Он помнил их в общих чертах, но не мог детализировать, сколько ни старался.

Глеб Полынин и Андрей Русанов – два руководителя колониального проекта «Прометей» – обладали наивысшим командным приоритетом.

Только они могли отдавать приказы любым сервам в обход их «хозяев». Куда пропали эти двое, он не помнил.

Сначала, в первые недели после реактивации, его назвали Степаном Степановичем, по имени-отчеству спящего хозяина, чтобы не путать с другими человекоподобными машинами.

Степ Степычем, или просто Степом, его окрестили детишки, когда андроид начал преподавать в школе.

То были счастливые годы. Он не только обучал ребят, но и стремительно развивался сам.

«Эх, память!» – сетовал Степ, собираясь на пост. После короткого разговора с Егоркой он оставил текущие дела, надел поверх потрепанной куртки «разгрузку» с боеприпасами, взял дальнобойную снайперскую винтовку, которую сам же и смастерил из деталей двадцатимиллиметрового импульсного орудия, вышел на улицу и зашагал к северной окраине городка.

Оружие весило немало, и управиться с такой махиной мог только он.

Пашка, которого Степ помнил как самого непоседливого ученика в классе, не раз примерялся к дальнобойной винтовке, но большой вес, габариты и сильнейшая отдача при стрельбе быстро убедили его, что автомат все же надежнее, удобней.

Степ Степыч при выборе оружия руководствовался не только его техническими характеристиками. Он смастерил прицел, рассчитанный под свое видение мира. Цели на нем обозначались безликими засечками, все вычисления производил баллистический сопроцессор – так андроид обошел не дающее нормально функционировать противоречие. Неуклюже, топорно, на грани самообмана, но обошел ведь! Маркер в прицеле не ассоциировался с понятием «разумное существо», что позволяло произвести выстрел. На дистанцию прямого визуального контакта андроид мутантов старался не подпускать. Встречи лицом к лицу грозили системным сбоем.

Городок спал.

Тревожно, чутко, – шаги Степ Степыча будили тех, кто постарше. Он замечал, как во многих домах вдруг вздрагивают занавески на окнах, дети с опаской выглядывали на улицу, но, завидев андроида с его

приметным оружием, тут же успокаивались – под такой охраной не страшно.

* * *

Окраинные постройки остались позади, теперь Степ Степыч шагал среди полей, под пепельно-серым куполом защиты.

Мысль об эшрангах сидела занозой.

Обрывочная память хранила осколки тех дней, когда о «братьях по разуму» никто и не слышал, а ведь поле работало, и кто-то им управлял!

Вопрос, откуда взялись эшранги, для Степа был очевиден. Часть технической информации, размещенная в сохранившихся чипах, давала простой, непротиворечивый ответ.

Они, так же, как хонди, попали на планету в результате многочисленных крушений задолго до появления людей и пережидали неблагоприятные условия в состоянии гибернации, под опекой систем жизнеобеспечения.

Почему так случилось? Воевали они друг с другом, или же произошла глобальная катастрофа, затронувшая сотни космических кораблей и станций, неизвестно, но Степ не унывал, рано или поздно правда откроется. Некоторые выводы он уже сделал, по крупицам собирая сведения, анализируя их. Взять хотя бы такое наблюдение: хонди превосходят эшрангов по численности, они более воинственны, склонны к агрессии, но подчиняются «птицам» беспрекословно, даже вступают в схватки друг с другом, защищая интересы той или иной группировки эшрангов.

Такое неравенство в отношениях, не обусловленное жизненными интересами хонди, позволяло сделать предположение о сложившейся задолго до роковых событий иерархии. Цивилизация разумных насекомых в прошлом служила эшрангам.

О ц'остах Степ только слышал, лично с морфами он никогда не сталкивался, не знал их природы, не мог с уверенностью судить о способностях.

Размышляя, он прошел мимо Курганов Спящих, спустился по дороге до старых укреплений, прорезанных по периметру нижнего плато, спрыгнул в ход сообщения, откуда открывался нужный ему сектор обстрела.

Никого.

Разлом ущелья тонул в сизо-желтой дымке. Ветер сменил направление, пепельная метель улеглась, а значит, мутантов не придется долго ждать, они придут обязательно.

В разрывах облаков неожиданно показалась луна – явление крайне редкое. Ее бледный свет озарил окрестности.

Степ не шелохнулся. Он мог часами сидеть неподвижно – единственный защитник спящего городка, искусственный интеллект, созданный для созидания, но принявший на себя тяжелое, противоречивое бремя, грозящее однажды уничтожить его самосознание.

Он размышлял о жизни, одновременно обрабатывая данные со сканеров.

«Люди, эшранги и хонди должны сотрудничать между собой, действовать сообща, на равных, только вместе, суммируя знания, мы смогли бы преодолеть последствия давней катастрофы, возродить на планете жизнь, да и в новом мире, стряхнувшем панцирь ледников, найдется место для всех. Даже для мутантов…» Тень, промелькнувшая в полукилометре, четко зафиксированная на фоне багряного сияния, мгновенно трансформировалась в цель, Степ приник к оружию, увидел крохотный маркер, а за ним, в отдалении, еще и еще один!

Стая!

Мутанты приближались со стороны огненных разломов. Ну да, ведь токсины на них не действуют, а тепло подземных источников, безусловно, манит. Позже нужно будет сходить проверить, нет ли там их стойбища?

В отличие от ребят андроид не сомневался в разумности мутантов. Да, они агрессивны, находятся на достаточно низкой ступени развития, но при этом проявляют неоспоримые признаки интеллекта. Охотятся и

живут сообща, строят временные жилища, используют вербальные формы общения.

Для Степа не существовало четкого, однозначного определения слову «враг». Каждый раз, сталкиваясь с мутантами, он переживал внутренний конфликт, губительное раздвоение. Нейросети, где накапливался опыт выживания, диктовали одну линию поведения, базовые программы, установленные в ядре системы, конфликтовали с ними, происходила короткая внутренняя борьба, в которой нейросети андроида, его личность, одерживали лишь локальные победы.

Он замер, считая маркеры, а затем его губы шевельнулись, шепча спасительную формулировку, похожую на заклятье:

Ты – всего лишь тень в моем прицеле...

Чудовища прыгали с обрыва. Бесстрашные, алчущие, свирепые, изуродованные различными генетическими отклонениями, порой настолько безобразными и бессмысленными, что Степ Степыч начинал сомневаться в правдивости слухов о ц'остах, якобы создавших этих монстров в ходе экспериментов с человеческими генами.

«У каждого эксперимента непременно есть цель. Но где же она в этих исчадиях? – думал андроид. – Для чего играть генами, уродуя созданное эволюцией их устойчивое, жизнеспособное сочетание?»

Мутанты тем временем спустились в ущелье. Освещенные лунным светом окрестности огласил рев, они шли по запаху свежей крови, наткнулись на труп и мгновенно приступили к дележу добычи.

Не все, как заметил андроид. Некоторые наиболее опытные и сообразительные даже не приблизились к мертвому сородичу, вновь демонстрируя признаки интеллекта. Ни один зверь не способен обучаться так быстро. Гранаты появились на вооружении у людей недавно. Родька, собирая гильзы, случайно наткнулся на ящик в старом укреплении. Устраивать ловушки с помощью лазерных растяжек ребята стали пару недель назад, Егор вычитал этот способ использования гранат, листая электронную книгу, когда-то принадлежавшую загадочно исчезнувшему Глебу Полынину. Книга называлась «Основы диверсионной тактики специальных подразделений».

Грянул взрыв.

Ослепительный сполох пламени на миг осветил стены ущелья.

Группа мутантов, ожидавшая поодаль, не пострадала. Голодные существа тут же ринулись вперед, а со стороны ледника уже приближалась вторая стая.

Кто из них выйдет победителем и хватит ли на всех еды, андроид выяснять не собирался.

Первый выстрел эхом отразился от скал. Мутанты, теперь похожие на сплошную копошащуюся в теснине ущелья массу, чутко определили направление звука и ринулись вперед. Они всегда реагировали на очевидный вызов агрессивно и предсказуемо.

Взрывы гранат, установленных на лазерных растяжках, практически покончили с ними. Немногие из мутантов, все с осколочными ранениями, завывая, попятились, но путь к отступлению уже отрезали обитатели ледника.

Степ отвернулся. Он никогда не находил эстетики в бешенстве неистовой схватки.

* * *

К кремниевому лесу вышли незадолго до рассвета.

Место странное, загадочное, к тому же обладающее трагичной историей: здесь в первый месяц колонизации погибла экспедиция.

Свидетельства тех событий виднелись повсюду. Корпуса планетарных машин вмерзли в лед. Неподалеку у скал темнел остов сгоревшего хондийского корабля.

Кремниевые растения образовывали ломкий серо-черный лес на границе между ледником и старыми, уже почти зарубцевавшимися тектоническими разломами.

Чуть в стороне высились загадочные постройки. Руины зданий образовывали огромный комплекс, проникнуть внутрь которого так и не удалось: лед заполнял помещения.

Сиреневые сполохи внезапно пробежали по кристаллическим ветвям. Сияние разлилось над мрачным лесом и тут же погасло, рассыпаясь

искрами.

«Ничего себе. Электромагнитное поле?» – Егор сглотнул.

Кремниевые растения высились стеной. Стволы у них черно-серые, зернистые снаружи, чуть поблескивающие, а на изломе – это рассказывал Степ – видны вкрапления в виде лучиков, направленных от центра к внешнему краю.

Сполохи постепенно угасли.

«Ага...» – в свете затухающего сияния Егор разглядел старую дорогу, проложенную планетарными машинами во время той, первой, неудачной экспедиции.

Делать нечего. Нужно идти, хоть и жутковато.

Под ногами похрустывал кремниевый скрап – так назывались мелкие обломки, устилающие землю.

Шли молча, придерживаясь просеки. Разговаривать не хотелось. О кремниевых зарослях ходили разные слухи. Хонди боялись их, эшранги же, наоборот, очень сильно интересовались и кремниевым лесом, и древними постройками.

– Егор, ты со Степом посоветовался? Что он сказал? – Пашка не выдержал, нарушил тяжелое молчание.

– Он был против нашего плана.

– Почему?

– Говорит, эшранги только рады будут, если мы пленим Ошра.

– Он же главный среди «птиц»! – насупился Родька. – Чему же им радоваться?

– Будто не знаешь, что они власть между собой делят! – Егору сейчас совершенно не хотелось развивать эту тему.

– И то верно... – разочарованно вздохнул Пашка. – Вот бы всех «птиц» в одном месте собрать и разом! – он рубанул ладонью воздух. – Приманку надо придумать! Слух пустить, что мы неповрежденный корабль нашли! Думаю – клюнут!

– А что? – подержал его Родька. – Идея хорошая!

* * *

Мрачные места вскоре закончились. Лес постепенно редел. Кремниевые деревья стали ниже, руины построек исчезли из вида, а впереди уже слышался шум воды.

На фоне светлеющего неба изломанной линией проступил край ледника.

Эшранг не обманул, река вытекала из широкой расселины, разливалась неглубоким озером, идти пришлось по колено в талой воде, затем взбираться по отколовшимся глыбам до русла, зажатого среди отвесных ледяных стен.

– Похоже на тоннель. – Пашка взглянул вверх, где лед смыкался причудливым сводом.

Теперь каждый шаг вел в полную неизвестность. Журчание воды и звонкая капель скрадывали иные звуки, отчего становилось лишь тревожнее, ведь мягкой поступи мутанта не услышишь, пока тварь вдруг не окажется рядом, на расстоянии вытянутой руки.

А всякой нечисти, судя по следам, тут хватало.

Вода вымывала кости, тонкая полоска ледяного припоя удерживала их. Иногда среди останков попадались непонятные предметы.

– Смотрите! – Родька остановился, осветил глыбу льда, отколовшуюся от стены, но не разбившуюся при падении. – Там, внутри, кто-то есть!

Действительно, подойдя ближе, они увидели странное существо.

– Похоже на мартышку! – удивленно произнес Пашка. – Помнишь, Степ Степыч нам рассказывал об этих, ну как их?

– Приматах?

– Точно!

– Не думаю, что это мартышка. На Земле они все давно вымерли.

– Ну а с чем сравнивать? – Родька обошел прозрачную глыбу, заметил длинные царапины. – Когтями кто-то скреб!

– Известно кто – мутант! – Пашка присвистнул. – Здоровенная же тварь хотела до него добраться! А я все думал, чем они в ледниках питаются?

– Падаль собирают?

– Ну а сам разве не видишь? Когда друг друга не жрут, так трупы изо льда выскребают!

Егора передернуло. Он отвернулся, но затем все же пересилил отвращение, вызванное словами друзей, вновь внимательно взглянул на существо, скорчившееся в болезненной позе. Действительно, его мордочка была похожа на обезьянью, худосочное тело закрывали лохмотья, внимание привлекал пушистый, окрашенный во все цвета радуги хвост.

Да, глубины ледника – места гиблые. Куда ни глянь, всюду останки, иногда сквозь толщу замерзшей воды смутно проступают контуры огромных темных вкраплений. Трудно разобрать, не то постройки, не то обломки космических кораблей.

– Пошли, чего глазеть. Паша, ты дыхательную маску надень! Подхватишь какую-нибудь заразу! Трупы ведь вокруг!

* * *

Тоннель, по которому текла река, постепенно расширялся. На электронной карте ледник был отмечен лишь схематично, в виде бескрайнего белого пространства, лишь кое-где прорезанного трещинами.

Маршрут, отмеченный эшрангом, вел в неисследованные области. Оттуда доносился постоянный гул, как будто работал огромный механизм. На самом деле звук состоял из множества сливающихся друг с другом отголосков: шума воды, грохота обвалов, рева водопадов.

Останки различных существ стали попадаться чаще. Ни одного замороженного тела, лишь обглоданные кости со следами зубов да различные непонятные предметы, обрывки одежды и – как показалось Егору – элементы экипировки.

Родька тоже заметил валяющийся среди костей шлем с выпуклым прозрачным лицевым щитком.

– Скафандр, что ли? – неуверенно предположил он, подойдя ближе.

Егор уже рассматривал необычную находку. И на самом деле – очень похоже на гермошлем, только вот форма вытянутая да множество каких-то приспособлений – не то датчиков, не то механизмов, спрятанных под

едва заметными выступами кожухов, – порождали ощущение чуждости предмета.

– Нет, шлем не наш, не человеческий, – произнес он.

– Сюда посмотрите! – Пашка с усилием оторвал от мерзлой почвы еще один элемент экипировки – бронированный нагрудник и часть рукава!

– Ничего не понимаю! – Родька присел, по привычке стрельнул взглядом по сторонам, затем ухватился за очередную находку: гибкие, уложенные внахлест, тонкие, но очень прочные бронепластины, прошитые тончайшими проводами в металлизированной оплетке, образовывали форму ноги, по размерам и строению схожую с человеческой!

Егор невольно вздрогнул.

– Задержимся, – сухо и решительно произнес он.

– Зачем? – Пашка опасливо покосился вверх. – Свод потрескивает, слышишь?

– Ты слышал легенду об армахонтах?

– Ну, хонди болтали, и что?

– А если экипировка принадлежит одному из них?

– Нам-то что? Армахонты – выдумка! Спроси у эшранга.

– А ты, типа, спрашивал?

– Ну да, – неожиданно признался Пашка. – Не сам, конечно. Мне хонди об армахонтах рассказали, а я их слова Степу передал. Ну, так, на всякий случай. А он, когда Ошр в город заявился, напрямую у него спросил: кто такие армахонты?

– И что?

– Видел бы ты, как эшранга перекосило! Надулся, шерсть дыбом, клюв раззявил, шипел минут пять!

– Так что шипел-то?

– Типа вранье все, нет и никогда не было никаких армахонтов!

– А хонди? Что они рассказывали?

– Говорили, что армахонты были похожи на нас! И управляли всеми мирами не эшранги, а именно они!

Егор лишь головой покачал.

Сказки.

– Если они управляли Вселенной, то почему вдруг исчезли? Как эшрангам удалось их победить? – с сомнением произнес он, но в душе уже возник интерес, встрепенулась слабая и пока ничем не обоснованная надежда, а вдруг? Вдруг сказанное хонди – правда?

«Ну и что? – мысленно спросил себя Егор, пристально рассматривая необычную находку. – Даже если армахонты действительно когда-то жили тут, нам какое дело? Теперь их нет, и всем заправляют «птицы».

– Пошли, чего стоять.

* * *

За очередным поворотом взглядам ребят открылось пространство огромного озера.

Черная поверхность воды отливала маслянистым глянцем, по ней, набегая на полоску берега, катились плавные, ленивые волны.

Вдалеке слышался шум водопада.

– Вот тебе и маршрут! – с досадой произнес Родька.

Река, вдоль русла которой они шли уже много часов, оказывается, вытекала из озера. Шум водопада давал понять: о беспрепятственном продвижении к цели можно забыть. Наверняка по ту сторону водной преграды возвышаются ледяные стены, – опасные, подтаявшие, ненадежные.

– Придется искать обходной путь, – вздохнул Егор.

– Может, передохнем? Ноги гудят. Да и есть хочется.

– Ладно, остановимся, – Егор поискал взглядом скалы – единственное надежное убежище, способное защитить при внезапном обрушении льда, но поблизости виднелись лишь руины каких-то древних построек.

– Пошли, только осторожно. Фонари погасите.

В наступившем мраке по-прежнему слышался плеск и шум воды, да внезапно дали знать о себе новые загадочные явления.

Фосфоресцирующий свет то и дело появлялся в глубинах озера. Пока работали фонари, он не был заметен, но в темноте проступил отчетливо,

сначала в форме размытых пятен, затем начал принимать причудливые очертания существ, обитающих тут!

Родька остановился, завороженно наблюдая, как эти источники неяркого сияния всплывают к поверхности.

Существа казались сплетенными из тонких нитей, они видоизменялись, то вспыхивали, то угасали, волны переливчатого сияния пробегали по ним, некоторые подплывали совсем близко к берегу, и в холодном флюоресцирующем свете становились видны их тела, состоящие из полупрозрачной органической массы.

Несколько минут ребята молча наблюдали за причудливым танцем холодного света.

Сколько неизведанного таили толщи ледников! Какой интересной, насыщенной могла бы стать их жизнь, приди они сюда при иных обстоятельствах!

Первым не выдержал Пашка. Он отвернулся и зашагал прочь, к руинам зданий.

* * *

– Все, привал. – Егор остановился. – Быстро перекусим и двинем дальше.

Настроение было подавленным, сказывалась усталость многочасового пути.

Ели молча, без аппетита. Брикеты пищевого концентрата деликатесом не назовешь. Питательные, но совершенно безвкусные, сухие – без глотка воды в горло не лезут.

Егор включил электронный планшет, взглянул на карту местности. Да, информации негусто. Пройденный ими путь отмечен во всех подробностях, системы экипировки потрудились на славу, пополнив картографию региона, но что впереди – неизвестно. Маркер, установленный эшрангом, находился в полутора километрах.

Родька подсел поближе.

– Датчики улавливают тепловое излучение, – сообщил он.

– Сильное?

– Нет.

– Думаешь, разломы в коре?

Родька отрицательно покачал головой.

– Свод над озером давно бы растаял и рухнул. Нечисто тут. Нутром чувствую. Какую-то подлость нам эшранг приготовил. Ну откуда здесь взяться колонии алгитов? Они же – часть системы космических кораблей, верно?

– Так говорят.

– А где ты видишь корабль? – Родион просканировал направление на маркер. – Ловушка это! Наобум он точку на карте поставил!

– Смысл? – не согласился с ним Егор.

– Да злится он и боится нас! Вот и отправил на верную смерть!

– Уймись, – Егор отключил планшет. – Эшрангу нечего бояться. Он тварь хитрая, злобная, согласен. Но мы для него незаменимы.

– Егор, говорю: нет там ничего!

– Проверим. Если действительно нет, будет о чем потолковать с Ошром.

– Ладно, как скажешь… – Родька разочарованно вздохнул.

– Фонари не включать, – предупредил Егор. – Пойдем по правому берегу озера, вдоль ледовой стены.

* * *

Путь по берегу казался бесконечным, вязкую тьму лишь слегка рассеивало едва заметное свечение, исходящее из глубин озера. От свода, скрытого мраком, то и дело доносился треск, в воду с плеском падали куски льда, да и стена, вдоль которой двигались ребята, выглядела ненадежной, подтаявшей.

Звук водопада становился все отчетливее, а вскоре впереди появилось размытое пятно красноватого света.

Егор знаком остановил движение группы.

«Как обычно, лед и огонь? – подумалось ему. – Но почему же источники излучения такие слабые? Затухающая вулканическая активность?»

До цели оставалось метров триста. «Глупо поворачивать назад. В красноватом сумраке системы тепловидения практически бесполезны, но и нас заметить сложнее», – напряженно размышлял он.

– Пошли, – Егор принял решение, указал на кромку воды, от которой поднимались завитки пара.

Вскоре на пути появились скалы. Небольшие выступы горных пород, сглаженные движением льдов, поднимались покатыми горбинами, вытягивались в направлении озера, исчезали под водой.

Передвигаться стало сложнее. Красноватое сияние разгоралось все ярче, кое-где на берегу и в воде попадались рукотворные конструкции в виде изгибающихся решетчатых креплений, поддерживающих ледяной свод.

Вот почему он не рухнул?

– Егор, постой, – Пашка замедлил шаг. – Куда мы забрели? Я раньше ничего подобного не видел! – он окинул взглядом островки скал. Решетчатые конструкции впивались в них, как в фундамент, изгибались, кое-где виднелись вертикальные опоры, также поддерживающие свод.

– Тихо! Замерли! – сдавленно просипел Родион.

В красноватом сумраке среди поднимающихся над озером клочьев тумана двигались трое мутантов. Они появились со стороны огнедышащих разломов, направляясь к кромке воды.

Ребята затаились. Полоснуть очередью – невелика хитрость. Но сколько тварей обитает тут? Глупо поднимать шум.

Мутанты зашли в воду. Один принялся пить, двое других занялись ловлей светящихся существ, используя в качестве орудий длинные металлические прутья, явно выломанные из конструкций, поддерживающих свод.

Наблюдать за повадками тварей было отвратительно. Орудия лова, расплющенные и зазубренные на концах, не вызвали ни должного интереса, ни опасения. Для ребят мутанты были врагами, убийцами, пожирателями трупов!

Егор жестом указал – обойдем их стороной.

Прячась за выступом скалы, сбегающей к берегу неровной длинной полосой, они миновали опасный участок, прокрались за спиной мутантов, увлеченных своим занятием.

Отбежав метров на двадцать, они неожиданно увидели, что ледник смыкается с отвесной каменной стеной.

Багряное сияние прорывалось через высокий, уходящий к самому своду арочный проход, освещало участок берега, играло кровавыми бликами в сплетении металлических конструкций.

Все. Дальше пути нет. Скалы располагались полукругом, по краю озера, водопад низвергался по нескольким каменным площадкам.

Пашка указал на арку.

Егор кивнул. Маркер, установленный эшрангом, расположен где-то за ней!

Родька выразительно коснулся шлема, предлагая хорошенько подумать, прежде чем соваться в пещеру, откуда только что вышли трое мутантов!

Опасность, конечно, нешуточная, но – Егор жестом обвел тускло поблескивающие сооружения – эшранг не соврал, здесь действительно скрыта какая-то тайна!

Родька нехотя кивнул. Просто развернуться и крадучись уйти уже не удастся.

Пашка жестом привлек внимание друзей, вызвался идти первым.

Егор наблюдал за его короткими перебежками, Родька развернулся в сторону озера, изготовился к стрельбе. Если мутанты вдруг пойдут обратно, боя не избежать.

Фигуру Пашки поглотил багряный сумрак, а через минуту по системе связи прошел короткий условный сигнал: «Я на позиции!»

Егор коснулся плеча Родьки, жестом указал: пошли.

* * *

За огромной аркой действительно простиралось пространство пещеры, но искусственно созданной!

Корсет из металлоконструкций поддерживал свод, в центре возвышался купол, который когда-то полностью накрывал огнедышащие разломы, а теперь просел, трещины выползали из-под него, тянулись во все стороны огненными прожилками.

Силовая установка! Несложно понять, здесь тепло недр преобразовывалось в другой вид энергии!

В стенах пещеры виднелись десятки арочных проемов, ведущих в глубины ледника! Оттуда не прорывалось характерное сияние, зато на границе тепла и холода вихрился туман.

Когда-то арки были плотно закрыты воротами. Некоторые из них рухнули, другие все еще держались на своих местах, но помятые, деформированные, покосившиеся.

Вокруг центрального купола кишели мутанты. Ближайшая арка располагалась метрах в десяти, подле нее никого не было, приоткрытые помятые ворота еще держались на креплениях, зазор между створками позволял без труда проскользнуть внутрь, и Егор принял решение, жестом указав – туда!

Прикрывая друг друга, они благополучно добрались до входа в смежный зал, нырнули в спасительную тьму.

– Фу, – Пашка присел, контролируя вход. – Куда же мы забрели? И как выбираться будем?

– Выберемся, не волнуйся, – тихо ответил Егор, сверяясь с картой.

Маркер метрах в пятидесяти! Хорошо хоть метка не совмещена с куполом в пещере!

– Пашка, оставайся здесь, а мы с Родькой осмотримся. Тут недалеко.

– Ладно, только вы недолго!

– Как получится.

Ледник вплотную примыкал к скалам. По сути, он представлял собой огромный природный морозильник, каким-то образом изолированный от близко расположенного источника тепла. Конечно, сейчас, по прошествии времени, все изменилось, через ворота проникал теплый воздух, лед у входа подтаял, на полу виднелись лужи воды, но дальше по

стенам уже бежали замысловатые кристаллические узоры инея, под ногами появилась наледь.

– Не понимаю, кто и зачем это создал?

Егор включил фонарь. Они находились в тоннеле с высоким полукруглым сводом. Вдоль стен за коркой инея и наледи угадывались связки кабелей.

– Пошли. Основной зал, наверное, дальше.

Тоннель оказался длинным, кто бы ни проектировал загадочное сооружение, он предусмотрел защиту от тепла, по мере движения становилось все холоднее, стали попадаться боковые ответвления, и вскоре стало понятно: они движутся по тщательно спланированной системе прорубленных во льду коммуникаций, которые могут простираться на десятки километров!

– Сюда, – Егор сверился с картой, шагнул в боковой проход.

Он оказался коротким и вывел в небольшой зал.

Родька оцепенел – луч фонаря скользнул по стенам, осветил вырубленные в них ниши.

У Егора мурашки побежали по всему телу.

В нишах, покрытые инеем, лежали… мутанты!

Тела были частично обглоданы. У многих не хватало конечностей, на полу валялись вмерзшие в лед кости.

– Алгиты! – Родион указал на сооружение в центре зала.

Егор, стараясь не смотреть на жуткое содержимое вырубленных во льду ниш, обошел коническую конструкцию.

Ничего не понятно. Сооружение выглядело монолитным. Если внутри есть капсула с алгитами, то как ее достать?

Все решилось внезапно. По тоннелям прокатилось эхо от длинной автоматной очереди!

– Пашка!

– Бегом к нему! Сюда отходите, а я, – Егор отступил на пару шагов, шарахнул по коническому сооружению короткой очередью, – найду алгитов!

Родька уже бежал на выручку другу.

* * *

Пашка, сильно прихрамывая, отступал по ледяному тоннелю.

– Задели? – Родион присел, целясь в сумрак.

– Сервомотор заклинило! Тварь со спины накинулась!

– Уходи! Я прикрою!

– Там их в пещере видел сколько?! Они выстрелы слышали, сейчас сюда прибегут!

– Отходи, сказал!

По тоннелям вдруг прокатился жуткий, леденящий душу рев, вторя ему, ударил взрыв, раздался грохот и треск.

– На растяжку нарвались! Я у ворот установил! Это их задержит! Родька, помоги, нога совсем не слушается!

Грохот стих, в тоннеле послышались шаги, из мрака вынырнул Егор.

– Нашел алгитов! Теперь уходим!

– У Пашки сервомотор ноги заклинило! – Родька вдруг запаниковал.

Егор на миг растерялся: «Неужели конец?! Загнали нас в угол?! Здесь и останемся?! Мутантов тьма, тоннели, прорубленные в толще ледника, к поверхности явно не ведут, все расположены примерно в одном горизонте.

Что же делать? Отбиваться, пока хватит сил и патронов? А дальше?

Умирать страшно…»

– Сюда! – он указал на развилку тоннелей. Один, короткий и тесный, вел к залу-морозильнику, второй широкий, явно магистральный. – Ты как? – Егор присел. – Дай взгляну!

– Бесполезно! Разворотило все! Теперь броня только мешает!.. – Пашка тяжело дышал, морщился от боли, видно, пострадали не только механические приводы.

– Крови не видно. Нога болит?

Он кивнул и неожиданно произнес, блекло, отрешенно:

– Уходите… Патронов мне оставьте… Я тут… задержу их…

– И не думай! – обернувшись, заорал на него Родька.

– Я даже идти не смогу, не то что бежать…

Егор лихорадочно соображал, где же выход?! Велеть Пашке, чтобы снял сервокостюм? Но тогда он точно не выдержит. Холод вокруг лютый, да и воздух отравленный.

– Родька, пробегись метров на пятьдесят вперед! Посмотри, что к чему! В темпе! – Егор не собирался бросать друга. – Гранаты давай, все, что есть!

– Одна осталась.

– А светотермические?

– Ну да, этих две.

– Говорю же, все давай! – Егору казалось, что он слышит приближающиеся звуки шагов, ощущает тяжелое смрадное дыхание сотен тварей, ринувшихся по следу.

Пашка отдал гранаты, Егор кинулся устанавливать их – осколочные в трещины, светотермические по стенам. Мутанты сообразительные, под ноги научились смотреть.

– Не поможет, – Пашка совсем сник. – Задержит на пару минут, а толку?

– Посмотрим! – огрызнулся Егор. Он расставлял ловушки с расчетом на обвал. Тоннели проложены очень давно, свод во многих местах потрескался.

Установив заряды, он вернулся к Пашке, коротко обронил:

– Опирайся на плечо! Пошли.

Они медленно преодолели метров двадцать, прежде чем тоннель начал плавно поворачивать. Достаточно. От осколков и вспышки уже хоть какая-то защита.

Егор отдал Пашке свой автомат, извлек из подсумка набор универсальных механических приспособлений, с которыми никогда не расставался.

– Прикрывай. Нет, сначала сядь, ногу вытяни. Вот так, хорошо! Автомат в правую руку, левую мне на осмотр! Да не тупи ты, Пашка! С одной руки будешь стрелять. Второй автомат ближе положи! Когда в твоем патроны закончатся, не трать время, не перезаряжай, хватай мой!

– А ты?

– Прикрывай и замолкни!

Топот множества ног приближался. Кровь стыла в жилах. Сколько тварей ринулось преследовать их, даже представить сложно.

Егор времени не терял. Используя инструмент, он принялся отсоединять поврежденные тяги приводов. Заменить их можно, но придется обездвижить Пашке левую руку. «Ничего. Стрелять можно и с одной руки!» – мысленно повторял он, работая быстро, ловко.

– Родька, где ты застрял?! – прислушиваться к приближающемуся топоту было страшно, хотелось говорить без умолку.

– Уже возвращаюсь! Впереди никого. Тоннель плавно изгибается, почему – непонятно!

– Наверно, скалы огибает, – хрипло произнес Пашка. Он изготовился к стрельбе, но мучительное ожидание скорой развязки сжигало нервы. Долго так не просидишь. Скорее бы...

Рев ударил поблизости, раскатился эхом.

Мутанты вырвались в магистральный тоннель! Но почему не сработали ловушки?

– Спокойно! – Егор на время приостановил ремонт. В руке он сжимал дистанционный взрыватель.

– Чего ждешь?! – Родька резко присел, дал две короткие очереди, свалил одного из мутантов, остальных только разозлил. – Давай же!

Егор медлил.

Пашка вступил в бой. Его выстрелы зазвучали близко, оглушительно, звонко, горячие гильзы ударялись о стену, падали на пол, шипя, растапливали лед.

– Глаза! – заорал Егор.

Взрывы ударили одновременно.

Огненный смерч рванул по тоннелю, на миг все потонуло в пламени, острый запах горелой шерсти и обугленной плоти пробился даже сквозь дыхательные фильтры, стрельба стихла, и вдруг наступила неестественная тишина.

Не сработало! Не вышло, как задумал!

Отчаянные мысли мелькали в голове Егора. Он видел всего в десяти-пятнадцати метрах от себя мечущихся в теснине мутантов – они ослепли от вспышек, их шерсть сгорела, но в дыму среди смрада и бестолковой

толчеи уже появились новые группы тварей, они рвались вперед, отшвыривая израненных сородичей…

Внезапно, стирая отчаянье обреченных мыслей, раздался громоподобный треск, заглушая яростный рев атакующих, вновь ударили два автомата, и вдруг огромный фрагмент свода прыснул трещинами, начал проседать, а через миг обрушился!

Ледяное крошево заполнило тоннель, но обвал только начал набирать силу. Вал, состоящий из мелких льдинок, вздыбился, как волна, вдоль пола неслось ледяное крошево, а по стенам и своду бежали все новые трещины…

– Бежим! – дико заорал Родька.

Пашка инстинктивно ухватил правой рукой оба автоматных ремня.

Секунды были отпущены им, но ребята не растерялись, Родька подскочил к Егору, вдвоем они приподняли друга и что было сил побежали, волоча Пашку за собой.

Мысли не успевали за ходом событий, действия происходили на уровне рефлексов, инстинкта самосохранения, – свод тоннеля продолжал обрушиваться, а они неслись, не останавливаясь, благо сервокостюмы преданно подхватили усилия, не подвели, выдержали рывок.

Пашка обмяк.

Его ноги волочились по льду, в голове билась лишь одна мысль: только бы не разжать пальцы, не выпустить из руки автоматные ремни…

Его взгляд заледенел. Смотреть, как по пятам несется искрящийся вал, как трескается свод тоннеля и от него отрываются многотонные глыбы, было не просто страшно. Чувство перехлестнуло через край, прорвалось крупной дрожью, от которой непроизвольно лязгали зубы…

Тоннель плавно закруглялся, действительно огибая группу скал, впаянных в толщу ледника, и это в конечном итоге, спасло ребят.

Обвал постепенно пошел на убыль, они бежали из последних сил, ледяной свод все чаще пересекали каменные прожилки, затем стены стали сужаться, и Родька вдруг споткнулся, упал, прохрипев:

– Больше не могу!..

Егор разжал пальцы, повалился на бок, тяжело, надрывно дыша.

Вдали ворочался рокот. В воздухе все еще вихрилась метель из мельчайших льдинок, но вскоре искристое марево начало редеть.

Пашка с трудом пошевелился, сел.

Родька лежал на полу, раскинув руки. Егор, пошатываясь, встал, придерживаясь за стену, сделал несколько шагов, склонился над другом.

– Чего он? – испуганно спросил Пашка.

– Живой. Улыбается. Родька, ты как?

– Не знаю, – он продолжал улыбаться, словно ребенок.

Шок. Все трое испытали его в полной мере, но каждый отреагировал по-своему.

Требовалось немного времени, чтобы прийти в себя, осознать, что живы.

* * *

– Ну вот, порядок, – Егор завершил ремонт, стал собирать инструменты.

Пашка встал, сделал пару шагов, довольно обернулся.

– Работает!

Левый рукав сервокостюма, откуда Егор позаимствовал тяги и приводы, теперь не гнулся, плотно прилегал к телу, но не беда. «Главное, что теперь могу не только ходить, но и бегать, не стану обузой».

– Спасибо, – Пашка присел, одной рукой помог Егору собрать инструмент.

– Обращайся, – шутливо ответил тот.

На душе было и радостно, и тоскливо. Нервное возбуждение еще не улеглось, Родька не смог усидеть на месте, ему хотелось бегать, кричать, но он сдержался, задавил избыток эмоций, молча взял автомат, исчез во тьме.

– Куда он?

– Пусть пройдется, – Егор взял свой автомат. – И нам сидеть нечего. Пошли потихоньку за ним. Здесь, – он взглянул на трещину, которая

остановилась на границе скалы и льда, – здесь оставаться нельзя. Обвал может повториться.

– Так куда мы теперь?

– Не знаю. Заблудились. К поверхности ледника надо выбираться, а там сориентируемся.

Впереди появился свет. Его источник двигался – это был Родька. Он включил фонарь и возвращался.

– Ну что там? – спросил Егор.

– Расселина в скалах.

– Неба не видно?

– Нет, темно. Может, наверху уже ночь?

– Надо проверить. Боковых ответвлений нет?

– Были когда-то. Завалены.

Расселина, которую нашел Родька, оказалась узкой. Насколько хватало света от фонаря, виднелись лишь острые изломанные контуры практически отвесных стен.

– Я попытаюсь взобраться, – Егор не видел другого выхода. – Паша, отдай мне трос.

– И как ты полезешь? Без снаряжения, без страховки?

– Так и полезу. На сервомускулах. Расселина неширокая, где-то спиной смогу упереться, передохнуть. Лишь бы энергии в костюме хватило.

– Мою батарею возьми, – предложил Пашка. – Семьдесят процентов заряда, – сообщил он, взглянув на индикатор.

– Ладно, меняемся, – у Егора осталось лишь сорок процентов, сказывался надрывный бег по тоннелю. – Родька, помоги.

Через пару минут, после перезагрузки систем экипировки, Егор начал восхождение.

Мышцы ломило от усталости. Уже сутки на ногах, без сна, без отдыха. «Кто же знал, что нарвемся на такое…» – думал он, осторожно взбираясь от одного каменного уступа к другому. Поначалу было несложно, стены расселины зеркально повторяли форму – с одной стороны выступ, с другой – выемка, но выше начались сложности, появились наплывы

льда, кое-где сочилась вода, пальцы скользили, срывались, и лишь узость расселины спасала от неминуемого падения.

«Сколько же еще взбираться?» – Егор тяжело дышал, стараясь не смотреть вниз. Трос, как назло, короткий, метров двадцать, длиннее в хозяйстве у Степ Степыча не нашлось.

«Надо отдохнуть», – он заметил каменный выступ, где с трудом, но все же могли уместиться два человека, вскарабкался, лег на живот, отдышался, затем вызвал Родьку по связи.

– Сейчас трос закреплю, скину вниз.

– Давай. Ждем.

Егор отцепил от пояса фонарь, перевернулся на спину, посветил вверх.

Над головой искрились наплывы льда. Они почти смыкались друг с другом, оставляя такой узкий зазор, что не пролезешь.

Обилие сосулек, форма наплывов говорили, что поверхность близка. Но как выбраться?

– Егорка, ты чего там? Не уснул?

– Снизу свет виден?

– Свет виден, но тебя закрывает выступ скалы. А что?

– Тут выше сплошной лед. Стены смыкаются.

– И что делать? Другого выхода на поверхность нет!

– Сам знаю. Дай подумать.

Егор, экономя заряд батареи, выключил фонарь, вновь посмотрел вверх.

Действительно, снаружи ночь. Он заметил, как над узкой расселиной ветер гонит поземку снега.

– Ну, надумал, как выбраться?

– Пока нет. В голову ничего не приходит. Если только выстрелить, обрушить наплывы?

– Ага. Чтобы тебя кусками льда зашибло?

– Но по-другому не выйдет!

– Егор, ты не дури! Сколько там наверху льда? Может, всю расселину завалит!

– Я попробую. Одиночными. Вы отойдите.

Родька промолчал. Спорить с Егором бесполезно.

– Все, отошли. Только ты смотри, аккуратно!

– Ладно, не учи! – Егор, лежа на спине, включил подствольный фонарик, скользнул тонким лучиком по каскадам сосулек.

Страшно.

Он прицелился, выжал спуск.

Выстрел ударил громко, в ответ ему раздался уже знакомый треск, внушительные куски льда полетели вниз, ударяясь о стены расселины, дробясь. Несколько сосулек, к счастью не острых, уже переломившихся, плашмя ударили по броне.

– Ну как? – с тревогой спросил Родька.

– Нормально, – откликнулся Егор. – Сбил уступ, теперь вижу край скалы. Думаю, смогу туда подняться.

– Ты трос собрался скинуть.

– Да, сейчас. Надо проверить, насколько хватит его длины, – он перевернулся на живот, сбросил вниз бухту. Она, разматываясь, канула во тьму.

– Не дергай, – предупредил Егор. – Хватило?

– Только-только!

– Ладно, сейчас закреплю. Придется вам подниматься ко мне!

* * *

Они выбрались на ледник лишь через несколько часов.

– Ну, ничего себе! – Пашка взглянул вокруг, изумленно присвистнул.

Группа скал, рассеченных расселиной, вздымалась над ледником.

Вокруг, насколько хватало взгляда, простирался унылый, безжизненный ландшафт, ветер гнал поземку, дыбились торосы, во льду чернели оспины кратеров, многие истекали дымом, сочились красноватым сиянием, отмечая очаги вулканической активности.

Удивление Пашки можно понять, еще никогда им не приходилось наблюдать ледник с высоты.

– Чему радуешься? – хмуро спросил Родион.

– Прикольно… Дух захватывает…

– Совсем крыша поехала? – Родька сел, сгорбился. – Сил идти нет. Глаза слипаются.

– Спать нельзя, – ответил Егор. – Надо двигаться, не то замерзнем насмерть.

– А мне уже все равно!

– Родька, ты чего? – Пашка подсел к другу. – Мы выберемся, вот увидишь!

– А смысл? Смысл выбираться?! Чтобы сдохнуть завтра в другом месте?!

Егор подавленно промолчал. Родька первым вслух произнес то, о чем думалось, думалось тяжело, постоянно: «Мы как будто корчимся в агонии, пытаемся что-то сделать, изменить, а толку?»

Мрачное молчание Егора только подлило масла в огонь.

– Ну, вы даете! Два суицидника! – Пашка по неистребимой привычке поднял дыхательную маску, сплюнул, шмыгнул носом, принюхиваясь.

Токсинов вроде нет. Воздух чистый.

– Мутантов видел сколько? И долго нам осталось? Они своих мертвяков доедят и за нас возьмутся. В прошлый раз едва отбились, а теперь? Сервов нет, в городе только младшие. Они воевать будут?

– Родька, ты можешь поистерить, если приспичило, кто бы возражал, день выдался еще тот, – примирительно произнес Пашка. – Но только больше эту тему не трогай! Мы живы! Выбрались! Да, устали, и что? Сбросимся со скалы?! Распустил нюни!

Он хотел разозлить Родьку, как-то встряхнуть его, но тот не отвечал, хмуро смотрел вдаль.

– Погибнем мы, рано или поздно, – вздохнув, все же выдавил он. – Нет никакой надежды.

Пашка не нашелся, что возразить. Поорать, обозвать – много ума не надо. Дельное бы что предложить, но у самого под ложечкой сосать начинает, стоит лишь вспомнить о подледных пещерах.

– Одного не пойму, – нарушил молчание Егор. – Там ведь нет никакой аппаратуры для поддержания жизни. Они лежат в этих нишах, словно замороженные куски мяса!

– Ты к чему? В чем вопрос? – насторожился Пашка.

– Как же они ожили?

– А кто тебе сказал, что мутанты из этих подледных залов?

– Ну, сам подумай. Откуда еще им взяться? Видел, сколько там ячеек пустует?

– Типа их заморозили, а они ожили? Ну, ты скажешь, Егорка! Так не бывает!

– А что мы о них знаем? Откуда взялись? Скажешь, были всегда?

Пашка призадумался, отрицательно мотнул головой.

– Раньше о мутантах никто не слышал, это ты верно подметил. Но, может, они где-то далеко жили? А потом откочевали сюда?

– Ага, залы во льдах вырубили, сами себя заморозили там, энергостанцию построили?! Эшранг говорил, что мутантов создали морфы! Те, что живут на орбитальных станциях!

– И ты ему веришь?

– А что? Не всегда же он врет! Вполне нормальное объяснение!

– Послушайте, – вдруг тихо сказал Родька. – Сигнал в коммуникаторе! Слабый, с помехами! На нашей частоте!

Спор угас.

– Точно. Сигнал! Только не разобрать ничего! – встрепенулся Пашка.

– И не разберешь. Это сигнал бедствия! – подстроив частоту, вдруг уверенно заявил Егор.

– Откуда знаешь?!

– С базой данных сравнил. Степ ведь стандартное программное обеспечение в системы сервокостюмов ставит!

– Не понял? Что, кто-то из наших поблизости?! – неуверенно предположил Пашка.

– Вряд ли. Кто здесь может оказаться? От города слишком далеко.

– Тогда чей сигнал?

– Пытаюсь разобраться. – Егор включил подсистему поиска.

* * *

Солнце вставало за пеленой облаков.

Блеклый рассвет над испещренной кратерами ледяной равниной действовал угнетающе. Еще один день. «Какой из них станет последним?» – думал Родька.

За пару лет, возмужав и окрепнув, он постепенно в череде вот таких серых дней потерял интерес к жизни. Мечты угасли, да и надежда уже не теплилась в душе. А на что надеяться? На чудо? Откуда же ему взяться? Зря они вообще согласились работать на эшранга. Сидели бы дома, ковырялись на полях, все больше толку...

– Это сигнал «Прометея»! – возглас Егора разбил тягостную тишину. – Ребята, это сигнал спасательного сегмента «Прометея»!

– Да быть не может! – усомнился Пашка. – «Прометей» – легенда!

– Нет! – отрезал Егор. – Корабль пропал, но он был, я точно знаю! Во всех архивах есть четкие упоминания о нем!

– И что делать?

– Искать источник сигнала! – Егор порывисто встал.

– А задание эшранга? – напомнил Родька.

– Да пошел он... – Егор уже осматривал окрестности, как будто не разглядел чего-то, когда только выбрались из расселины.

– Дело! – поддержал его Пашка. – Все равно заблудились.

– Да я не спорю, – ответил Родька. – Только где искать этот «спасательный сегмент»? Одних воронок вокруг побольше сотни!

– Есть способ! – воскликнул Егор. – Пеленгуем сигнал, идем в следующую точку, опять пеленгуем, а на третий раз сможем вычислить точное местоположение источника!

– Во даешь! Ты ведь половину уроков прогуливал!

– Меня Степ Степыч за последний год многому научил. Говорил, когда-нибудь, да пригодится!

– Ну, веди, раз знаешь! – Пашка, несмотря на усталость, уже загорелся поиском.

– Нет, – покачал головой Родька. – Нам отдохнуть нужно. Поспать хотя бы немного. Иначе свалимся. Этот сигнал никуда не денется.

– А вдруг там умирает кто-то? Помощь нужна?

– Паш, глупостей не говори! Если сигнал и вправду передает спасательный сегмент «Прометея», то он лежит во льдах уже очень

давно. Не факт, что внутри кто-то есть. Но даже если там человек, то он в криогенной ячейке!

– Согласен, – не желая дальнейших препирательств, подытожил Егор. – Нормально выспимся, поедим и тогда начнем искать.

– Ладно, – Пашка не стал упираться, спорить. – Только где мы сможем отдохнуть? Здесь – не вариант. Слишком холодно. Энергии в сервокостюмах и так по минимуму.

Егор указал на ближайший кратер. Выбор очевиден. Элементы питания экипировки способны подзаряжаться от тепловой энергии. Значит, путь один – к ближайшему тектоническому разлому. Если расположиться на разумном удалении от огнедышащих трещин, где-нибудь у теплых источников, которыми, как правило, изобиловали кратеры, можно нормально отдохнуть и даже пополнить запасы энергии.

– Трос закрепим за скалу, спустимся и, – он прикинул расстояние, – примерно через час доберемся до места. Если там нет мутантов, устроимся на отдых.

– А если есть? – Родька уже тянул трос, по которому они поднялись на поверхность.

– Перебьем, – Пашка был настроен решительно.

* * *

Спуск на ледник и два километра пути отняли намного больше времени, чем предполагал Егор.

До кратера они добрались только к полудню, едва держась на ногах.

Шли молча, сил на разговоры не осталось, лишь у края котловины, на границе подтаявшего льда, обменялись несколькими фразами, залегли, исследуя кратер.

У Егора все плыло перед глазами. Есть предел человеческой выносливости, и он наступил, причем уже давно. Последний километр пути он почти не запомнил. Попадись им стая мутантов, вряд ли отбились бы от них.

– Вроде никого? – полуутвердительно произнес Пашка.

Каменистая пустошь просматривалась неплохо, вплоть до ближайшего разлома. В окрестностях двух кипящих озер ни души. Нет ни мутантов, ни явных следов их недавнего пребывания тут.

– Спускаемся, – принял решение Егор.

На берегу озерка причудливой каймой выступали минеральные соли.

– Все. Больше не могу. Хоть убейте… – Родька со стоном сел.

Егор и Пашка чувствовали себя не лучше. «Надо было дежурить по очереди», – мысль промелькнула отчужденная, блеклая, ее тут же стерла непомерная усталость.

Голова кружилась все резче.

Егор честно попытался взять на себя первое дежурство, но не прошло и нескольких минут, как сознание начало меркнуть.

Он провалился в глубокий, похожий на обморок сон, но даже не заметил, как это случилось.

* * *

Им повезло. Кратер оказался необитаемым, никто не нагрянул в теплую котловину, пока они спали.

Первым проснулся Родька.

Он резко привстал, не понимая, да и не помня, где находится, и лишь через пару минут, окончательно стряхнув остатки провального сна, он вспомнил, как блуждали они по ледяным пещерам, отбивались от свирепых тварей, как выбрались из ловушки и приняли странный сигнал.

Он не стал будить друзей, взял автомат, сменил полупустой магазин, встал, огляделся, но не заметил ничего подозрительного и пошел к горячему озеру.

Пить воду из термальных источников нельзя, а вот умыться, предварительно взяв пробу анализатором, – можно.

Он так и поступил, заметив желтую искру индикатора. Проба воды содержала примеси, но не опасные для здоровья.

Какое наслаждение – снять сервокостюм, выбраться из тяжелой, уже почти ненавистной механической оболочки, ощутить свободу движений!

От одежды разило потом. Он скинул ее, потрогал воду. Горячая. То, что надо!

Усталость не исчезла, но притупилась. Проспали они часов семь, не меньше. Солнце уже склонилось к горизонту, но его свет еще не померк.

Несколько раз окунувшись в горячую воду, он выскочил на берег, чувствуя, как возвращаются силы, а ледяной ветерок бодрит, пробирает до костей.

Родька быстро оделся, снова осмотрелся по сторонам, затем принялся за экипировку, сменил фильтры, проверил уровень энергии.

Сзади послышались шаги.

– Во как нас свалило, – Пашка присел на валун.

– Ну, обошлось же, – философски заметил Родька.

– Смотрю, настроение у тебя исправилось. Жить будем?

– Не знаю.

– Опять за свое? – нахмурился Пашка.

– Надоело все. – Родька присел рядом, вытащил из подсумка два полупустых магазина, принялся снаряжать их патронами. – Сам подумай. Сейчас Егор проснется, и снова на ледник, искать этот спасательный сегмент. А толку? Ну, найдем кусок обгоревшего металла, что нам это даст? Мечемся, вроде бы что-то делаем, живем, а как задумаешься – просвета никакого.

– А что ты предлагаешь делать? Руки опустить?

– Нет. Но мы ведь реально ничего изменить не можем. Это и гнетет. Раньше хоть с хонди торговали, а теперь? Кого эшранги под себя подмяли, кого мутанты сожрали. Нет больше их городов. И нас то же самое ждет. Побарахтаемся еще некоторое время, в общем, ты и сам все понимаешь, – он махнул рукой.

– Так что скажем Егорке?

– Да ничего. Он же все равно упрется с этим сигналом.

– Конечно, – раздался голос Егора.

Родька обернулся.

– Привет. Не слышали, как ты подошел.

– Зато я слышал, о чем вы тут толковали. Надежды, говоришь, нет? Так и не будет, если запаникуем и плюнем на всё!

– Егор, нам не на что и не на кого надеяться, – тихо, но упрямо повторил Родька. – Втроем мы хоть в лепешку расшибемся, а ничего не изменим!

– Поэтому мы пойдем и будем искать источник сигнала!

– Объясни, зачем? Что нам даст аварийный маяк?

– Информацию. В архивах сказано, что связь с «Прометеем» была потеряна внезапно. Если оборудование спасательного сегмента до сих пор работает, мы демонтируем бортовой компьютер и отнесем его Степу. Он разберется, возможно, вытащит информацию, где находится «Прометей». Может, он на орбите, и с его автоматикой можно связаться? Или упал на планету? Корабль – наша реальная надежда. На борту сотни сервов, планетарная техника, генетический материал для терраформирования – все, чего нам элементарно не хватает!

– Думаешь, так легко продолжить дело предков? Создать колонию, защитить ее?

– Колония уже существует, не забывай. Мы, как ты выразился, суетимся, мотаемся по леднику, потому что нет возможности жить иначе! Да, эшранг лживая скотина, он много обещает, но ничем еще реально не помог. Припрем его к стене, клянусь! Но куда важнее сейчас узнать, что стало с кораблем. Все может измениться, буквально все!

– Умеешь ты, Егор, убеждать, – Родька вздохнул. – Ладно, только не обижайся и не злись. Пойдем и будем искать. Но пообещай, если все впустую, то больше не станем прислуживать эшрангу.

– Я уже сказал. Либо он передаст нам управление дополнительным генератором защиты, либо окажется в клетке!

* * *

Станция Н-болг

В отсеках, где проживал Хорс, было не протолкнуться от морфов.

Все ц'осты, обитающие на станции, собрались здесь и теперь орали на него, перебивая друг друга:

– Ты нарушил запрет на исследования!

– Ты создал копию армахонта!

– Она управляет главными системами Н-болга!

– У нас отняли энергию и ресурсы, ими теперь пользуются хомо!

– Хорс, мы уничтожим тебя! Верни все на свои места или умри!

– Ее нельзя убивать!

– Нужно!

– Она – ключ!

– Верните мои ресурсы! С остальным разбирайтесь, как хотите!

– Поднять корабли хонди! Они пробьют защиту!

– Уничтожить!

…

– ЗАТКНИТЕСЬ ВСЕ!

В отсеке вдруг наступила тишина.

Хорс отделился от стены, череда стремительных метаморфоз придала его телу угрожающие формы.

– Ты уже и говоришь, как хомо?! – не подумав, пискнул один из младших морфов.

– Бездари! – Хорс сформировал огромный глаз. – Вы однажды уже заставили меня прервать эксперимент! И что? Что вы выиграли, чего добились?! Мы деградируем, ресурсы истощаются, а вы, – глаз обвел презрительным взглядом тех морфов, кто не слился с деталями интерьера, – вы ни о чем не думаете! Играете в божков, каждый на своих территориях! Мы же вымираем! А я мог все изменить, сделать ц’остов старшей расой, восстановить утраченное единство цивилизаций!

– Твое творение опасно! Она теперь управляет станцией! Наши жизни в ее руках! Как ты посмел, Хорс?!

От стен отделились двое ц’остов.

– Она – генетический ключ?

– Нет.

– Ты лжешь! Отрицаешь очевидное?!

– Смотрите! – Хорс схватил младшего морфа, воздействовал на него, превратив в живое устройство для воспроизведения данных. – Вот! Я не проводил рекомбинаций! Это исходный геном, полученный на планете хомо! Его использовали множество раз! Ничего не вышло!

– Но она манипулирует системами!

– Знаю! Но не понимаю, как?! Я держал все в секрете по одной причине – пытался разобраться!

– Мы ошибались? – вновь раздались идущие с разных сторон голоса. – Доступ к системам армахонтов не основан на генетическом коде? Как же она получила способность воздействовать на первичные устройства?!

– Не знаю! – огрызнулся Хорс. – Пока – не знаю!

– Мы погибнем! Она теперь сильная, мы слабые!

– Вы не разбираетесь в психологии хомо! А я их достаточно изучил! Все вернется на свои места! Я смогу ее убедить, запугать, склонить на нашу сторону!

– Ее надо уничтожить! Она – не твоя игрушка! Показала уже!

– Глупцы! Кто из вас знает о происходящем на планете?

– Мы на станции! Наш дом – Н-болг. Планета – не так важна!

– Важно всё! – Хорс изменил данные. Появилось изображение Пандоры. – Вот, – он стремительно сформировал конечность, похожую на щупальце, очертил россыпи условных обозначений. – Эшранги. Они вышли из стасиса! Я пытался их уничтожить. Пробудил создания – тех, кого вы хранили в подледных залах!

– Безумец!

– Другого выхода не было! Эшранги помнят, кто уничтожил их экспедиционный флот. Они сделают все, чтобы отомстить, вырваться с холодной планеты, захватить Н-болг! Кто их остановит? Ваши создания не смогли! Они теперь не подчиняются никому! Гены морфов, привитые им, сделали этих существ сильными, способными переносить холод, жить среди льдов, дышать отравленным воздухом вулканов! Кто их наплодил?! Вы, те, кто не последовал моей методике! Играли генами, создавали уродов! Заморозили их в спячке и забыли! Теперь они досаждают эшрангам! Но «птицы» умны! Они понимают, чьи это создания! Их ненависть к нам растет! Они отремонтируют корабли, и мы падем в новой битве!

– Зачем ты нас пугаешь?!

– Я знаю выход! Кто помнит о запретных секторах?

– Все!

– Там боевые машины армахонтов! *Она* сможет их активировать! Я заставлю ее сделать это! У нее есть ключ к недоступной нам технике, у меня есть ключ к ней!

– Какой?!

– Другой хомо! Да, я ошибся, испугался, – признался Хорс. – Она передала по сети сигнатуру стасиса, предназначенную для армахонта! Я думал, что она нашла одного из них – случайно уцелевшего! Нет! Это был хомо, с корабля, который вторгся в нашу систему много лет назад! Он ей дорог! Я знаю, как нужно действовать! Выход из стасиса сложен. Она не справится, технические знания тут не помогут! Только морф может спасти того хомо!

– Мы запутались! Твои мысли слишком сложные!

– Сложные для тупиц! – огрызнулся Хорс. – Идите в свои секторы и ждите! Я все исправлю! На планету высадятся боевые машины армахонтов. Они сметут всех, кто расплодился или пробудился там!

– Ей нельзя давать еще больше власти!

– Она не будет управлять машинами! – резко возразил Хорс. – Только активирует их и передаст управление мне! Это единственный шанс уничтожить эшрангов! Упустим момент – погибнем, рано или поздно! «Птицы» нам ничего не простят!

– Верни наши ресурсы!

– Ее надо исследовать!

– Эшранги опаснее! Сначала уничтожим их!

Спор разгорелся с новой силой, но теперь ц'осты разделились на два лагеря, на две группы.

Хорс не спешил. Он знал, что делает. «Пусть орут, спорят между собой. Я снова буду управлять Н-болгом, как в прежние времена, – думал он. – Все морфы вновь подчинятся мне. Я уничтожу Мишель, как только погибнут эшранги, и повторю эксперимент, но более тщательно. Ключ к могуществу в ней, но он лишь отчасти скрыт в генах! Есть что-то еще. Второй компонент, о котором я не знаю!»

Ц'осты продолжали яростно спорить друг с другом. Сторонников Хорса становилось все больше. Лишь двое старших морфов не принимали

участия в склоке. Они незаметно покинули отсек.

– Что мы предпримем? – спросил один.

– Хорс опасен. Он получит всю власть!

– Уничтожим его?

– Да. Сами повторим эксперимент, создадим «безопасный» ключ. Не обладающий волей.

– Эшранги?

– У нас есть хонди и корабли. Они решат проблему. «Птиц» надо уничтожить, это единственное, в чем прав Хорс!

– Будет так!

– Будет так!

Глава 8

Пандора

Рельеф ледника понижался, все чаще на пути встречались огромные валуны, сглаженные выступы скалистых пород.

– Похоже на кратер, – заметил Родион, перебираясь через очередную трещину в ледовом панцире.

– Скорее целая система кратеров, – поправил Егор. – Паша, догоняй!

До цели оставалось километров десять. Энергия в сервокостюмах истощалась, но еще быстрее таяли силы.

Павел шагал молча, стиснув зубы.

Как бы ни храбрился он перед Родькой и Егором, в душе нарастали тяжелые чувства. Его терзал страх. Пашка боялся боли, но никогда не признавался в этом. Мысль о смерти вообще вызывала у него состояние обреченности, ужаса.

«Я не хочу умирать», – мысленно повторял он.

Блеклый холодный мир, простирающийся вокруг, казался в такие минуты приветливым, хотелось дышать, хрипло, взахлеб, наслаждаться ощущениями жизни, даже ломота и тяжесть в мышцах, вызванные усталостью, воспринимались как нечто бесценное.

«Мне больно, значит, я еще жив…»

Мутанты попадались редко, небольшими группами. Завидев издалека трех вооруженных людей, они не нападали, наоборот, старались убраться подальше. «Оказывается, инстинкт самосохранения им не чужд», – думал Родька, заметив, что парочка монстров спешно скрылась в ледяной расселине.

Егор, дожидаясь, пока Пашка переберется на другую сторону трещины, смотрел в сторону далеких, уже растворившихся в туманной дымке гор.

– Родька, попробуй связаться с нашими, – устало произнес он.

– Ладно, – Родион тащил на себе небольшую радиостанцию, гораздо более мощную, чем штатные коммуникаторы сервокостюмов. – Кого вызывать?

– Степа, – Егора так и тянуло присесть, дать отдых измученным мышцам, но Пашка застрял над расселиной, замер, не двигаясь.

– Ты чего?

– Отдыхаю.

– Нашел место! Перебирайся быстрее!

– Не ори на меня!

– Не ору. Руку давай!

Павел, тяжело дыша, возобновил движение. Его ноги и руки дрожали, туго натянутый трос казался ненадежным, перед глазами плавали мелкие искорки.

Егор ухватил его за лямки экипировки, потянул, помогая выбраться.

– Все... – Пашка лег на спину, раскинул руки. – Не могу больше. Не встану.

– Сейчас передохнем, – ободрил его Егор. – До цели осталось уже немного.

– Немного? Да нам сутки еще по льдам карабкаться!

– Есть связь! – неожиданно воскликнул Родька.

Первая хорошая новость за последние дни. Из-за сложного рельефа ледника и скверной погоды связаться с колонией не удавалось, и вот удача!

– Включи на громкую связь! – Егор подсел поближе. – Степ, слышишь нас?

– Отчетливо! – голос андроида прозвучал радостно. – Егорушка, как вы там? Где? Мы уж чего только не передумали!

– С нами все в порядке. Степ, как там обстановка?

– Эшранг приходил. Злой, нервный. О вас спрашивал.

– Что ты ответил?

– Плечами пожал! Сам ведь с ума схожу от беспокойства!

– А он?

– Как обычно. Грозился, шипел.

– Тварь! – не выдержав, выругался Родька.

– Кто бы спорил. Но, ребята, родные мои, – Степ не мог удержать эмоций, – давайте по существу! Где вы?

– На леднике. – Егор, страшась, что связь может внезапно прерваться, начал быстро излагать последние события – как наткнулись на подледное озеро, обнаружили странные постройки, нарвались на логово мутантов, как блуждали по лабиринтам тоннелей, как выбрались, как случайно приняли сигнал аварийного маяка.

– Ты ничего не путаешь? – по тону было не понять, обрадовался андроид неожиданному известию или встревожился.

– Ошибка исключена. По базам данных сигнал идентифицируется однозначно! Степ, у нас энергии в батареях почти не осталось. А еще километров десять по леднику. Рельеф сложный.

– Опиши!

– Похоже на множество кратеров во льду. Некоторые накладываются друг на друга. Нам постоянно приходится то обходить их, то спускаться на самое дно и снова карабкаться по ледовым склонам.

– А что на дне кратеров?

– Ледовые поля.

– Вулканы?

– Поблизости их нет.

– Егор, слушай внимательно, – тон Степа изменился, стал сухим. – По твоему описанию очень похоже, что вы действительно нашли место крушения.

– Не уверен. Крушения ведь происходили и раньше, в далеком прошлом! Одних только кораблей хонди несколько тысяч по всей планете, мне насекомые сами об этом говорили!

– Не перебивай! – Голос Степа исказили внезапные помехи. – Корабли хонди, как правило, впаяны в лед! Они упали в период, когда шли активные процессы обледенения! А ты описал иную картину. Кратеры в леднике, не связанные с вулканической деятельностью, нам еще не встречались!

– Думаешь, действительно «Прометей»?!

– Не сам корабль, а его фрагменты, – уточнил Степ. – Мне нужно минут десять!

– Зачем?

– Чтобы добраться до радиовышки! Попытаюсь определить ваши координаты.

– Только время потратишь.

– Не спорь! Постоянно вызывайте город!

– Хорошо. Давай, до связи!

– Чего это он так разнервничался? – Пашка немного отдышался, почувствовал себя лучше. Тиски страха, сжимавшие горло, немного отпустили.

– А ты бы не занервничал? «Прометей» ведь!

– Да надоело уже! Что толку в обломках?

– Уже обсуждали.

– Ладно. Молчу.

* * *

– Егор, как слышно?

– С помехами. Степ, у нас снова погода портится. Ветер поднялся, поземка, видимость ухудшилась.

– Ничего. Не страшно. Я не смог поймать сигнал аварийного маяка, но ваше приблизительное местоположение определил. Вы в полусотне километров от колонии.

– Ничего себе. Не думал, что мы столько отмахали за три дня!

– Егор, я попытаюсь вас найти!

– Каким образом?

– Есть флайбот в ангаре мастерских.

– Он же без энергии!

– Я найду источник питания. Главное, не уходите далеко. Постарайтесь подняться повыше, отыщите хотя бы небольшую площадку и ждите. Я привезу все, что нужно!

– Степ, я тебя не понимаю! Если для флайбота есть источник энергии, почему ты молчал, ничего не говорил?!

– Это сейчас не важно, Егор! Ответь, ты меня понял?!

– Да, понял, конечно! Поднимемся выше и будем ждать. Радиостанцию держать включенной?

– Непременно! Вызывайте постоянно, на прежней частоте!

– Ладно. Действуй. Ведь переубедить тебя не удастся?

– Нет.

– Тогда до встречи! Будь осторожен!

Снова треском накатили помехи.

Егор взглянул на небо. Белые кучевые облака, с утра формировавшиеся над ледником, потемнели, налились свинцом, превратились в хмурые косматые тучи, роняющие кристаллики льда.

Еще немного, и видимость сократиться до нуля. Нужно двигаться в темпе, иначе не опередим непогоду.

– Слушай, Егор, я, конечно, никогда не водил флайбот, но разве можно летать при такой видимости? – обеспокоенно спросил Родька.

– Понятия не имею.

– Я в детстве любил компьютерные симуляции, – вступил в разговор Пашка. – В таких метеоусловиях летать строго запрещено, – авторитетно заявил он.

– Значит, у Степа есть веские причины, чтобы рискнуть! – резко ответил Егор. – Так, собираемся с силами. Нам нужно взобраться метров на пятьдесят выше. – Он снова взглянул на низкие тучи, клубящиеся над самыми головами.

– Выше облаков? Думаешь, получится?

– Попытаемся!

* * *

Их упорству можно только завидовать.

На самом деле ребят толкала вперед не жажда приключений, а тяжелая необходимость. Поведение андроида серьезно усложнило положение. «Зачем он решился на рискованный перелет? – думал Егор, карабкаясь на очередной ледовый пик. Приспособления сервокостюма во многом заменяли специальное снаряжение, они были адаптированы

для путешествий по леднику, помогали преодолевать самые трудные участки ледового рельефа. – Неужели мы сами не проверили бы источник сигнала? И флайбот – почему он молчал о нем?»

Нет, о существовании машины Егор, конечно, знал, но на его памяти сложный механизм стоял, что называется, «на приколе», со снятыми обтекателями, лишенный энергии. Его не разобрали на запчасти только по одной причине: детали летательного аппарата не подходили для ремонта аграрных и боевых сервов.

Окрестности тонули во мгле.

Непогода разбушевалась не на шутку, ветер налетал ураганными порывами, сек по броне мелкой ледяной крошкой, на расстоянии метра предметы уже теряли очертания.

Они упорно продолжали восхождение, двигаясь в связке.

Энергия таяла. Когда она иссякнет, то без сервоусилителей, без систем терморегуляции они не протянут и часа, не пройдут и десяти метров.

«Степ рискует ради нас, – думал Егор, замечая, что серая хмарь становится все плотнее. – Он понимает, в каком мы оказались положении. А про флайбот молчал ради всеобщей безопасности. Что, если эшранги узнали бы о летающей машине? Тут же явились бы с требованием – отдать! Нет, в этом смысле Степ молодец, знал, что кто-нибудь из нас может случайно проболтаться, вот и хранил тайну, берег машину до крайнего случая!»

Руки немели от усталости.

Каждое движение давалось с трудом, несмотря на мощную поддержку сервомеханики. Егор в очередной раз вытянул руку, коснулся пальцами отвесной поверхности, и из ладони тут же выстрелило шипами, которые глубоко вонзились в лед.

Подтянуться. Закрепить ноги. Вытянуть левую руку. Так. Отлично. Еще немного…

В коммуникаторе слышалось лишь тяжелое дыхание Родьки и Пашки. Оба карабкались следом.

Егор снова подтянулся. Наружные микрофоны он отключил, все равно завывание ветра глушит любые звуки, а слушать заунывный вой нет сил. Достал уже…

Свинцовая муть стала еще плотнее.

Держимся. Не останавливаемся. Закрепиться. Перенести руку. Подтянуться…

Внезапно мгла начала резко редеть.

В первый момент Егор едва не ослеп, зрение уже свыклось с сумеречным окружением, а тут вдруг в разрыве клочковатых облаков сверкнуло солнце!

Он зажмурился, даже дыхание затаил, затем, опомнившись, вышел на связь:

– Ребята, осторожнее! Я на границе облачности! Солнце ослепило, остановился…

– Закрепился! – первым откликнулся Родька. – Скажешь, когда можно будет двигаться.

– Паша?

– Да тут я, никуда не денусь!

– Не психуй… мы выбрались.

– Жду…

Егор приоткрыл глаза. Мимо неслись клочья облаков. Солнце сияло ярко, ослепительно, радостно.

– Поднимаюсь еще на метр!

Ледовая стена сверкала, повсюду змеились старые трещины, плотно запаянные водой. Чуть выше, метрах в десяти, виднелся обрывистый край очередного уступа.

«Там передохнем, осмотримся».

* * *

Внизу, под ногами, клубился океан облаков.

Серая субстанция казалась живой, она текла куда-то по воле ветра, выступы ледовых гор, словно волнорезы, рассекали свинцовые тучи, образуя течения. Мгла, укрывшая ледник, обладала какой-то завораживающей красотой, которую не с чем было сравнить.

В такие минуты особенно остро воспринимались любые ощущения.

Глухо билось сердце. Кровь, согревая, текла по жилам, в ушах шумело, виски пульсировали болью.

Мысли казались бессвязными. Усталость накатывала волнами. «Сколько еще выдержим? – спросил себя Егор и не нашел ответа. – Одни посреди ледовой пустыни…

Нет, не одни.

Степ обязательно прилетит. Андроид никогда не давал пустых обещаний. Если уж сказал, значит, сделает!»

Площадка, на которую они выбрались, образовалась под воздействием солнечного тепла и ураганных ветров. Раньше здесь, наверное, высился ледовый пик, но его вершина подтаяла и обрушилась, а постоянное стремительное движение воздушных масс сгладило следы излома, выровняло поверхность.

«Здесь и будем ждать», – решил Егор, не видя смысла двигаться куда-то еще.

– Родька, выходи на связь. Вызывай Степа. Пока не откликнется.

* * *

Темная точка показалась у горизонта, когда солнце уже начало клониться к закату.

Ураганный ветер немного утих, но облачный покров не рассеялся, наоборот, он стал гуще, а в некоторых местах и вовсе всклубился эфемерными, причудливыми образованиями, похожими на гигантские пепельно-серые выбросы, – такие ребята не раз наблюдали при извержениях вулканов.

– Летит! – Егор едва удержался, чтобы не вскочить, размахивая руками.

Флайбот стремительно приближался. Вскоре обтекаемая машина погасила скорость, совершила круговой облет площадки, остановилась, чуть покачиваясь под порывами ветра, едва не касаясь бортом ненадежного края.

Открылся люк грузового отсека.

– Ребята, внутрь!

Родька привстал. Передвигаться в рост опасно, порывистый ветер запросто может сбить с ног, столкнуть в пропасть. На четвереньках он добрался до края площадки, вытянул руку, ухватился за вертикальный поручень. Флайбот накренился, двигатели антигравитационной тяги работали не на полную мощность.

– Пашка, ты следующий. Родька, помоги ему!

Егор последним перебрался в грузовой отсек. Хотелось лечь на пол и не двигаться. Не верилось, что все позади...

– Степ?.. – хрипло позвал он. – Мы внутри...

– Закрываю люк, – сухо ответил андроид. – Держитесь за поручни, будет трясти. Погода внизу скверная. Сигнал едва фиксирую. Все, меня не отвлекать!

Машина резко набрала скорость, затем вдруг пришло ощущение падения в бездну.

Пашка не выдержал, вскрикнул, Родька часто сглатывал, Егор побледнел.

Флайбот трясло, словно машина на огромной скорости неслась по ухабам. В животе и в груди пробегал холодок, затем вдруг наваливалась короткая перегрузка, и снова наступало щекотливое чувство стремительного падения...

В грузовом отсеке не было ни экранов, ни иллюминаторов.

«Может, и к лучшему, – думал Родион. – Трудно представить, что происходит за бортом. Снег, ветер, сложный рельеф».

Машина вдруг резко пошла на снижение, усилились вибрации, затем тряхнуло так, что зубы лязгнули.

– Степ?! – не выдержав, Егор вышел на связь.

– Все нормально. – Двигатели смолки, лишь приглушенное завывание ветра доносилось снаружи. – Приземлились. Выпускаю серва. Вам лучше пока оставаться в отсеке.

– Мы на месте?!

– Да. Сигнал устойчивый. Сканеры фиксируют три объекта. Аварийный передатчик работает только у одного. Остальные, видимо, разбились.

– Это действительно модули с «Прометея»?!

– Вне сомнения.

* * *

К утру ветер стих.

Егор проснулся от вибрирующего гула. Створ грузового отсека медленно открывался. Пашка приподнял голову, осмотрелся, машинально натянул дыхательную маску.

Родион даже не шевельнулся. Спал, свернувшись калачиком.

– Родька, подъем! – Егор схватил автомат.

Массивная плита коснулась снежного покрова. Сервомоторы смолкли.

Егор вышел наружу, осмотрелся.

Кратер в толще ледника. Обрывистые, почти отвесные стены. Вокруг все бело, лишь кое-где виднеются выступы скал.

Открылся люк кабины.

– Степ, привет!

Андроид спрыгнул, по колено утопая в снегу, обошел флайбот, молча обнял Егора и Пашку, дождался, пока Родька окончательно проснется, прижал к груди и его.

На душе у ребят стало теплее.

– Ну, что? – Егор постоянно оглядывался в поисках следов крушения, но видел лишь снег да скалы.

– Сегменты вмерзли в лед, серв прокладывает тоннель. Уже немного осталось. Пошли, он начал вон у той скалы, – Степ указал направление.

– Почему же мы раньше не принимали этот сигнал? – вертел головой Родька. – Всего пятьдесят километров! Не расстояние ведь!

– Кратер очень глубокий, – ответил андроид. – Мы сейчас на триста метров ниже поверхности ледника. Я перед вылетом просмотрел архивы колонии, выяснил: спасательные модули пытались отыскать сразу после крушения, но не смогли. Бестужев знал только примерное направление. Люди, отправленные на ледник, не вернулись. Их судьба до сих пор – загадка.

– Как же ты флайбот в воздух поднял? – Егор заметил вертикальный колодец, прорубленный во льду, остановился.

– Трос крепи, – Степ протянул ему бухту. – Снял энергоблоки с аграрных механизмов. Другого выхода не было. Планетарного топлива у нас нет, пришлось использовать антиграв.

– А на полях кто сейчас работает?

– Никого. Так что действуем по возможности быстро. Дома все обсудим, сейчас главное – осмотреть сегменты, определить, есть ли на борту выжившие.

– Криокапсулы? – спросил Пашка, начиная спуск.

– Да, – ответил андроид. – Каждый спасательный модуль «Прометея» был оборудован системами для длительного поддержания жизни.

– Сигнатура всего одна, и та блеклая! – заметил Егор, взглянув на показания датчиков.

– Нет смысла гадать, – ответил Степ, ухватившись за трос. – Сейчас все узнаем.

По очереди они спустились на глубину пятнадцати метров относительно дна кратера. Серв, трудившийся всю ночь, к этому времени уже расчистил подходы к трем впаянным в лед космическим аппаратам.

– Глазам не верю! – Родька ошеломленно замер.

Два модуля разбились, это не вызывало сомнений. При аварийной посадке их двигатели превратили часть ледника в озеро, сегменты погрузились на дно, вода проникла сквозь трещины в обшивке, затем замерзла, безнадежно испортив оборудование.

Третий уцелел, но энергоматрицы работающих на борту систем едва читались. В обшивке подле массивного овального люка виднелась уже вскрытая сервом ниша. Панель ввода команд выглядела нефункциональной.

– Степ, сумеешь открыть? – Егор понятия не имел, как нужно действовать.

Андроид подошел, внимательно изучил ряд символов, затем уверенно коснулся нескольких в определенной последовательности.

Раздался слабый гул. Люк вздрогнул, но сдвинулся всего на пару сантиметров.

– Поможем! – Андроид предвидел возможные неполадки и захватил с собой нехитрое механическое приспособление, изготовленное кустарным способом. – Навались!

Рычаг был длинным, они изо всех сил налегли на него, пытаясь отжать люк, сдвинуть его по направляющим. Сначала ничего не получалось. Затем послышался скрежет, гул механизма стал громче, ровнее, преграда медленно начала смещаться вбок, пока не образовался полуметровый зазор.

– Все, пока хватит! – Степ боком протиснулся внутрь сегмента.

Внутри царил сумрак. Единственное помещение, до отказа заполненное аппаратурой, освещали лишь несколько индикационных сигналов, просвечивающих сквозь материал заиндевелой криогенной камеры. Две другие не работали.

Три человека! Но живы ли?!

Ребята потрясенно молчали. Они еще никогда не испытывали таких острых неоднозначных чувств, только андроид действовал быстро, целеустремленно: он исследовал криогенные камеры, считал показания немногих работающих приборов, затем смахнул налет инея с каплеобразной крышки средней ячейки.

– Это Андрей Русанов! – взволнованно сообщил он.

– А остальные?! – Егор хотел подойти, взглянуть, но теснота отсека не позволила.

– Еще два члена экипажа. Их я не узнаю.

– Что нам делать?! – Родион вытянул шею. – Они живы?

– Нет. Две камеры дали сбой. Странно, – Степ выглядел озадаченным. – Их источники энергии разряжены, а вот ячейка Русанова работает, и накопитель почти полон!

Ребята пропустили мимо ушей технические подробности. Их волновал только один вопрос:

– Что делать, Степ?

– Русанова еще можно попытаться спасти! Будем пробуждать! – категорично ответил андроид.

– Пробуждать?! Здесь?! Ты хоть знаешь, как это делать?!

– Автоматика знает. А иного выхода все равно нет! – Степ обернулся. – Сегмент нам из-подо льда не вызволить!

– Степ, не горячись! – Егор положил руку на плечо андроида. – Подумай хорошо! Может, нужно какое-то дополнительное оборудование?

– У нас его нет! Вся надежда на автоматику криогенной камеры. Система жизнеобеспечения работает. Энергии достаточно для пробуждения. Явных признаков сбоя пока не вижу, – он коснулся нескольких сенсоров, внимательно изучил строки отчета, появившиеся на экране.

– А если что-то пойдет не так? – Пашка невольно поежился. – Может, оставить все, как было? Ну, в город вернемся, обдумаем?!

– Нет. Действовать придется немедленно. Мы нарушили герметичность сегмента. Программы пробуждения отработают, так или иначе. Вот что скажу: не мешайте! Здесь должны быть аварийные запасы. Займитесь ими. Отыщите, перенесите на борт флайбота. В грузовом отсеке установите надувной модуль. Туда перенесем Русанова по завершении процесса. Все! Мне нужно работать! – Андроид вновь повернулся к изголовью средней криокапсулы, изучая показания осветившихся контрольных мониторов.

* * *

Первичное колониальное поселение Пандоры. Пять суток спустя…

Русанов мрачно пил, изредка поглядывая за окно.

Обстоятельства своего пробуждения он помнил смутно, обрывочно. Лютый холод. Беспомощность. Незнакомые лица.

Гораздо ярче были воспоминания о последнем бое «Прометея».

Он закрыл глаза. Веки дрожали. В голове теснились образы. Он снова и снова переживал уничтожающие разум минуты бессилия, бегства по темным коридорам колониального транспорта, видел перекошенное лицо Рязанцева, слышал его предсмертный крик.

«Как теперь жить?!» – Русанов привстал, опираясь рукой о спинку кровати, дотянулся до пластиковой бутылки с водой, разбавил ею спирт, налитый в кружку.

Холодно…

Зубы стучали. Он с отвращением выпил. Горло обожгло, горячий ком провалился в желудок, вызвал спазм.

Он согнулся, зажал рот ладонями, тихо взвыл.

Немного полегчало.

Через некоторое время Андрей нашел силы встать. На столе лежал электронный планшет. Его экран тускло светился, строки заголовка плыли перед глазами.

«Краткая история колониального поселения Пандоры. Период с первого по сорок девятый годы».

Он коснулся сенсора, перелистнул электронную страницу, с усилием сфокусировал внимание на коротких записях.

Лишь гулкая пустота в голове.

Строки расплывались перед глазами. Изучение ледников. Строительство. Первый хондийский конфликт. Потепление. Рост населения. Второй хондийский конфликт. Выход эшрангов из стасиса. Исследование территорий. Набег мутантов, – взгляд бессистемно выхватывал строки оглавления.

«Не могу…»

Андрей, пошатываясь, подошел к окну. Городок уснул. Не горели огни на улицах, не светились окна, лишь багряная мгла расплескалась над обветшавшим поселением, проникая сквозь пепельно-серый купол защиты.

Он с отвращением отвернулся, снова наполнил кружку разбавленным спиртом.

Хотелось лишь одного – забвения.

* * *

– Андрей Игоревич? Можно войти?

Русанов с трудом открыл глаза, привстал, опираясь на локоть. В приоткрытую дверь заглядывал андроид, тот самый, что реанимировал его в полевых условиях, среди льдов.

– Заходи. Что на пороге топчешься? – грубовато ответил он.

Дройд вошел, осмотрелся, заметил воду и спирт, укоризненно покачал головой.

– Разве так можно?

– Ты о чем? – Русанов тупо уставился на андроида. – И вообще, убирайся! Я тебя не звал! Мне ничего не нужно!

– Зато нам нужно, Андрей Игоревич.

Русанов даже немного протрезвел от такого, мягко говоря, «неадекватного» поведения бытовой машины.

– Ты что о себе возомнил?! Кто ты такой, чтобы... – он пьяно икнул.

– Я тот, кто я есть, – сдержанно ответил андроид. – Искусственный интеллект. Житель колонии. Будем знакомы? Меня зовут Степан, – он протянул руку, но Русанов даже не подумал пожать ее.

– Убирайся! – заорал он, указывая на дверь.

– И не подумаю. Нам нужно поговорить.

– О чем?! – Русанов опустил голову, сжал ладонями виски. Больно. Холодно. Всего трясет.

– О многом. О вашем поведении, например, – пробился в его сознание голос человеческого подобия.

– Да ты совсем охренел?! Сходи проверь свою систему!

– Сбоя нет. – Степ Степыч уселся в кресло, закинул ногу на ногу. – Вы решили отравить свой организм, впасть в забытье? Какова причина?

– Не твое дело, – хрипло огрызнулся Русанов.

– Вы – руководитель колонии! Пусть сейчас только номинальный, но – руководитель! Пить – неуместно. Вы хоть понимаете, что фамилия Русанов – это символ надежды?

– А ты явился сообщить мне об этом? – криво усмехнулся Андрей.

– Вообще-то, я зашел поговорить. Не ожидал увидеть такое...

В глаза Русанова вспыхнули искорки бешенства.

– Не много ли на себя берешь?

– Ровно столько, сколько могу вынести, – холодно ответил Степ. – Предлагаю предпринять вторую попытку. Вот, – он встал, открыл шкафчик с медикаментами, положил на стол перед Русановым пилюлю с характерной маркировкой. – Детоксин, – пояснил он. – Его запас скуден, синтезировать трудно, и мне жаль, что приходится тратить лекарства по такому поводу. Спирт, кстати, тоже используется в иных целях!

– Хватит! – глаза Русанова налились кровью, на щеках появился лихорадочный румянец.

– Нет, мы еще ни о чем не поговорили. – Андроид плевать хотел на проявления его ярости. – Андрей Игоревич, я не буду вас уговаривать. Но и не выпущу отсюда, пока вы находитесь в таком состоянии!

– Кто вообще дал тебе право читать мне мораль?!

– Право? Я его заслужил, – спокойно ответил андроид, затем, желая покончить с отвратительной, в его понимании, сценой, снял потрепанную куртку, обнажив торс с рельефом искусственных мышц.

Следы заделанных пулевых отверстий, рваные шрамы, оставшиеся от ударов когтей, – жутковатое месиво разорванной, а затем вновь склеенной пеноплоти предстало взгляду Русанова.

– Тебя повредили? Теперь понимаю, откуда сбой.

– Сбоя нет. Есть длительный период саморазвития. Если не доходит, поясню: я такая же личность, как вы! – Степ запахнул полы куртки. – Считаете, что шрамы на искусственной плоти – пустяк?! Машины не ощущают боли и тут нечего обсуждать? Ошибаетесь. Я чувствую боль, только не физическую, а моральную!

– И чего ты от меня хочешь? – Русанов взял пилюлю, запил ее глотком воды.

– Хочу, чтобы вы поняли, Андрей Игоревич, – от вас ждут вменяемых действий! Ребята рисковали жизнями, они шли на сигнал аварийного маяка, как на проблеск надежды. И что они увидят? Пьяное, безвольное, озлобленное ничтожество? Это и есть их надежда?!

Русанов сел.

Хмель стремительно выветривался, детоксин действовал быстро, в голове прояснилось, но легче от этого не стало.

– Фактически после нашествия орд мутантов я руковожу городом. – Голос Степа вновь звучал ровно, без резких интонаций. – Как личность осознаю себя уже давно. И давайте поставим точку в этом вопросе!

– Ты хотел сказать – знак равенства между человеком и искусственным интеллектом?

– Как вам угодно. Можно и знак равенства, сути это не изменит. До утра осталось несколько часов. Ребята выспятся и обязательно захотят встретиться с вами. Что вы им скажете? Вы хоть просмотрели предоставленные материалы по истории развития колонии?

– А по-твоему, с чего я начал? Со спирта? – Русанов злился, но правоту некоторых слов андроида в душе признавал.

– Вы начали с ощущений бессилия и злобы, – заметил Степ. – Но где причина? Вы ведь выжили, находитесь дома, среди людей, разве этого мало?

– Ну да, верно! Я прочел документы! И что?! Что, по-твоему, я могу изменить?!

– Вы основатель проекта «Прометей»! Никогда не поверю, что построить колониальный транспорт и отправиться к звездам мог человек безвольный, не готовый к трудностям!

– Ты плохо знаешь людей! У меня была команда! Сотни высококлассных специалистов! А что я вижу теперь? Захудалый городишко. Упадок. Как я могу это изменить? Где ты видишь волшебную палочку?!

– Я понимаю, – Степ ответил серьезно, без тени упрека или иронии. – Прекрасно понимаю. Но колонии сейчас нужны не столько технологии, сколько надежный руководитель, которому верят, за которым готовы идти! Я не позволю отнять у ребят надежду! Мне сейчас не важно, кто вы на самом деле, трус ли, храбрец, обыкновенный администратор, сумевший организовать строительство «Прометея», – это уже прошлое! А настоящее выглядит иначе! Нас окружают очаговые поселения иных цивилизаций, на планете идет борьба за ресурсы, за выживание, за власть!

– Эшранги? – мрачно уточнил Русанов.

– Да. Сказать честно, моих способностей не хватает для правильной, объективной оценки их действий. Мне непонятно высокомерие, с которым они относятся к другим разумным существам, словно им по праву рождения принадлежит все, космос, планеты, жизни!

Русанов криво усмехнулся.

– Знакомая ситуация. На Земле я знал немало людей с такой же линией поведения.

– Тем более, Андрей Игоревич! Вот видите! Существует множество проблем, и не только технологического характера, требующих немедленного решения!

Русанов промолчал.

Он очнулся в иной реальности, вся мощь уникального корабля и уникального по подбору кадров экипажа исчезла, истаяла, как дым, он остался один, сбитый с толку, фактически ни на что не годный, растерянный, подавленный…

«А от меня требуют немедленных, результативных и безошибочных действий?! Нет, этот андроид явно сбойный либо сумасшедший!»

В дверь внезапно постучали.

Степ резко встал, быстро убрал со стола, затем взглянул на Русанова, протянул руку, зачем-то поправил ворот его одежды и громко произнес:

– Заходите.

Дверь открылась. На пороге стояли трое ребят, тех самых, что поймали сигнал аварийного маяка и отыскали во льдах спасательный сегмент «Прометея».

– Андрей Игоревич? Вы уже на ногах! – они заговорили наперебой, в их глазах читались радость, восхищение, надежда, суровые не по годам лица вмиг просветлели.

Русанов, вопреки тяжелым предчувствиям Степа повел себя уверенно, он пожал ребятам руки, указал на кресло и кушетку:

– Присаживайтесь.

Они, сражавшиеся с мутантами, отбившие не одну атаку диких орд, смотревшие в глаза смерти, познавшие горечь невосполнимых потерь, вдруг оробели, стушевались, замолчали.

Русанов мысленно проклинал себя за никчемность. Сказать правду? Расписаться в бессилии? Быть честным, не морочить им головы?

– Мы с Андреем Игоревичем как раз обсуждали текущее положение дел, – Степ перехватил инициативу, заполнил внезапную паузу. – Хорошая новость: нам больше не потребуется помощь эшрангов. Теперь мы в состоянии управлять нашим куполом защиты и сбрасывать накопленный пепел только при благоприятном направлении ветра. Поля не пострадают, голод не наступит!

– Классно! – Егор так же, как все, испытывал в эти минуты необычайный душевный подъем. Еще бы! Ведь их надежда не оказалась напрасной!

– Андрей Игоревич, а вы знаете, где сейчас находится «Прометей»? – неожиданно спросил Родька.

– Да, почему вы оказались на борту спасательного модуля? – тут же вступил в разговор Пашка.

– «Прометей» был атакован. Внезапно, превосходящими силами чужих. – Первые фразы дались Русанову с трудом, он едва смог побороть дрожь в голосе. – Мы были вынуждены принять бой, – уже увереннее продолжил он. – Многое придется начинать с нуля. – Русанов перевел дыхание. Он был бледен, под глазами отчетливо выделялись темные круги, и андроид не преминул воспользоваться этим обстоятельством.

– Так, ребята, хорошего понемногу! – твердо заявил он. – Андрей Игоревич только пришел в себя! Имейте совесть!

– Да мы только поздороваться зашли!

* * *

– Ты в своем уме?! – Русанов сорвался, как только шаги ребят стихли в глубине коридора. – Что ты им наобещал?! Управление куполом из наномашин?! Откуда я знаю, как осуществлять сброс?!

– Разберемся. Вместе. Автоматика ведь работает исправно! – успокоил его Степ. – У меня нет доступа к настройке параметров, а это

уже по вашей части! Руководитель колонии должен иметь командный приоритет? Личный код, позволяющий манипулировать любыми системами, ведь так?!

– Допустим.

– Андрей Игоревич, прошу – не сдавайтесь. Держите себя в руках. Егор, Павел и Родион – старшие. Остальные совсем еще дети! Взрослые погибли.

– Понимаю… – Русанов тяжело сел, обхватил руками голову. – Я попытаюсь. Дай мне немного времени. Нужно как-то всё осмыслить!

– Время – это как раз то, чего у нас нет! Борьба между эшрангами набирает силу. Все больше инопланетных объектов выходят из режима стасиса. Началось таяние льдов, многие территории подтоплены, проблемы нарастают лавинообразно, стихийно. Хондийские поселения, расположенные в районах вулканической активности, оказались под угрозой. Климатические катастрофы и мутанты вынуждают разумных насекомых искать новые места обитания.

– Чего ты хочешь от меня?

– Помощи. Мы должны найти общий язык с эшрангами и хонди. Заключить договор. Установить мир. Иначе нам не выдержать их миграций.

– Мир?

– Мы не в состоянии полностью изолировать колонию.

Мир с чужими? Русановым овладело бешенство. Ладно. Андроид может говорить что угодно, нести любой бред, не он теперь принимает решения!

– Возьмете себя в руки?

– Возьму.

– Это хорошо. Вам нужно отдохнуть, выспаться.

– Нет, не хочу. Скажи, почему город так мал? – Русанов подошел к окну.

– Большинство домов и так пустует, – пожал плечами Степ.

– А где жили люди после массового пробуждения?

Андроид замешкался с ответом.

– Вы же прочли историю колонии!

– Прочел. Выборочно. Так где жили люди после пробуждения?

– Пробуждение не состоялось. Перед своим исчезновением Глеб Полынин приказал перевести все спускаемые модули на стационарное питание от геотермальных конвекторов и замаскировать их. Мы называем место посадки Курганами Спящих.

Русанова вдруг обдало жаром.

– Почему колонистов не пробудил Бестужев?! – резко переспросил он.

– Не было условий.

– Когда в последний раз проводилась проверка модулей?

– Не помню… – признался Степ. – После гибели взрослого населения колонии технические регламенты не проводились.

– Веди меня в компьютерный центр!

– Простите. Он не функционирует. Разрушен во время второго конфликта с хонди. Восстановить его не смогли. Работают только аварийные системы.

Настроение Русанова резко изменилось.

– Пошли! – не терпящим возражений тоном приказал он. – На месте разберемся. Веди, я не знаю дороги!

* * *

Так начался его первый день в колонии.

Все уже выглядело не настолько отчаянно и убого, как представлялось ночью. И не потому, что серый рассвет разогнал тьму.

«Если я смогу пробудить основной состав колонистов, – лихорадочно думал Русанов, – то ситуация изменится к лучшему!»

Эта мысль не отпускала.

Улицы города были пустынны, и он спросил:

– Где же дети?

– На полях, – скупо ответил андроид.

– А аграрные сервы?

– Не справляются. Их мало. Не хватает энергоблоков. Мне пришлось… – андроид внезапно осекся, заметив в противоположном конце улицы группу существ. Они вывернули из-за угла окраинного здания и теперь приближались.

– Это еще кто? – Русанов побледнел, остановился.

– Эшранг Ошр. Собственной персоной. Его сопровождают хонди. С ними разговаривать бесполезно – боевые особи.

– Что им нужно?

– Эшранг наверняка ищет Егора. Ребята не выполнили его последнее задание. В зависимости от настроения Ошр либо начнет угрожать, либо спокойно потребует объяснений, что маловероятно.

– А его бойцы?

– Если эшранг отдаст приказ, убьют любого.

– Чем они вооружены?

– Ручные лазеры. Но и сами по себе хондийские бойцы очень опасны.

– А у тебя оружие есть?

– Мне ни к чему. Я не сторонник силовых методов, – спокойно ответил Степ. – Не вмешивайтесь. Я поговорю с ним и все улажу. Ошру незачем знать, кто вы. Его реакция может быть непредсказуемой, – предупредил андроид.

* * *

Чужие приближались.

Хонди выглядели попросту омерзительно, слишком явно и прямо рассудок ассоциировал их с некоторыми из земных насекомых, которых не сумели истребить даже глобальные процессы урбанизации. Эшранг же вызывал противоречивые, смешанные чувства.

Он действительно был похож на птицу – неуклюжую, волочащую по мостовой сложенные перепончатые крылья. Внешне жалкий, потрепанный, он в отличие от хонди не выглядел опасным. Приоткрытый клюв, маленькие глазки, бегающий взгляд, полное отсутствие одежды, неухоженная, местами свалявшая шерстка, покрывающая тело, шею и

голову, – все это складывалось воедино, формировало образ, вызывало злобу и недоумение. Неужели именно эти существа поставили крест на программе освоения Дальнего Космоса, остановили человечество на пути к звездам?!

Русанова душила злоба. Один вид «братьев по разуму» вызывал дрожь, омерзение, ненависть, злобу.

«Они виноваты в гибели «Прометея», в моем сегодняшнем жалком положении!» – Чем ближе подходили чужие, тем острее становились неприязненные мысли.

Если нынешние жители колонии привыкли к соседству с представителями иных космических рас, воспринимали их как нечто само собой разумеющееся, то Русанов сейчас переживал очередной губительный стресс.

«Твари...»

Русанов часто слышал, но никогда не верил, что за несколько мгновений перед мысленным взглядом человека может промелькнуть вся жизнь.

Она промелькнула. Резкие вспышечные образы швырнули назад, в прошлое, показали годы усилий, напомнили о стремлениях, надеждах, амбициях, об их крахе!

Русанов стоял посреди улицы, безоружный, бледный, как смерть. Его кулаки непроизвольно сжались, он неотрывно смотрел на эшранга, игнорируя хонди, а в голове осталось лишь одна, бьющаяся в пустоте мысль: мы не сдадимся!

Он уже провел черту. По одну сторону оставил горстку людей, по другую выдворил всех – эшрангов, хонди, мутантов...

«Твари...» Вид изуродованного, удаляющегося во мрак «Прометея» возник в мыслях. Русанов не отдавал себе отчета, как сильно деформирована его психика.

Эшранг остановился, взглянул на незнакомого ему человека, издал удивленный шипяще-щелкающий звук, затем, преодолев замешательство, перешел на универсальный язык общения, заговорил с андроидом, игнорируя Русанова.

– Это еще кто?! – надменно спросил он.

Андрей, к немалому удивлению, понял смысл произнесенной фразы, вздрогнул, осознав, что она прозвучала в горошине коммуникатора, – перевод осуществлялся автоматически благодаря программному модулю, когда-то разработанному Полыниным.

– Говори *со мной*, тварь! – Русанов резким и невероятно сильным движением схватил эшранга за горло, сжал пальцы, игнорируя хондийских бойцов, в тот же миг вскинувших оружие. – Стоять! – резко выкрикнул он, не ослабляя хватки. Глаза Ошра вдруг начали выкатываться из орбит, тонкий язык вывалился из раскрытого клюва, тягучая слюна капала с него.

– Я сверну ему шею! Назад! Оружие на землю!

Хонди растерялись. Они никогда бы не выполнили приказ человека, ни под каким давлением. Специально выращенные бойцы подчинялись только эшрангу и никому другому.

Ситуация, когда Ошр превратился в заложника, оказалась для них слишком необычной – это и вызвало замешательство, продлившееся несколько секунд.

Один из хонди выстрелил. Он стоял чуть дальше, за спинами своих собратьев, и его движения Русанов не уловил, а в следующий миг пальцы Андрея разжались, острая боль парализовала руку, эшранг же, хрипя, кашляя, исторгая в пыль скудный завтрак, мешковато осел, забился в конвульсиях.

Степ мгновенно понял – все пропало!

«Птицы» не простят нападения. Они забудут о распрях, о разделе сфер влияния, о ненависти друг к другу, выступят единым фронтом, мобилизуют всех подчиненных им хондийских бойцов, чтобы стереть человеческое поселение, в назидание другим, в угоду собственному высокомерию.

Рана, полученная Русановым, не вызвала у андроида и сотой доли того беспокойства, которое он испытал в отношении эшранга, скорчившегося в пыли.

Он бросился к нему, желая удостоверится, что Ошр жив, но нарвался на плотный лазерный огонь.

Все произошло слишком стремительно, слишком непоправимо.

Степ пошатнулся – приводы правой ноги перерубило. Он попытался удержать равновесие, но не смог, упал, понимая: уже ничего нельзя изменить!

Никогда раньше искусственный интеллект не испытывал столь глубокого и явного отчаяния. Все рухнуло. События приняли непоправимый характер.

Погибнут все. Из-за одной необдуманной выходки человека, который должен был проявить сдержанность!

В ответ тускнеющим мыслям ударила короткая автоматная очередь, за ней еще и еще одна.

Работали в три ствола, с разных направлений, били точно, холодно, с задавленными, сжатыми в кулак эмоциями.

Степ мгновенно пришел в себя, преодолел сбой. Он замер, не шевелясь.

Хондийские бойцы мгновенно отреагировали на внезапный огонь, рассыпались по улице в поисках укрытий, лишь трое из них остались лежать неподвижно.

Лицо Русанова побледнело. Губы, искаженные гримасой боли, приняли синюшный оттенок, он полз, загребая пальцами грязь и гравий, в неистовом желании довершить начатое, задушить ненавистную тварь!

Для человека, который стоял у истоков величайшего проекта, который повел к звездам единственный колониальный транспорт человечества, это был верх бессилия, никчемности, эгоизма!

Он не думал ни о чем, кроме собственной ненависти!

Перестрелка тем временем разгоралась.

Степ по-прежнему не шевелился. Он хотел лишь одного: помочь ребятам выжить. Зачем они вступили в бой, почему решили защищать Русанова, обрекшего на смерть детей, он не понимал, да и не хотел сейчас понимать!

Он включился в коммуникационную сеть.

В понимании хондийских бойцов, андроид, валяющийся посреди улицы, не представлял никакой угрозы. Безоружный и неподвижный, он мысленно был списан ими со счетов, а зря.

Пятеро оставшихся в живых хонди успели скрыться в ближайших домах, к счастью, пустующих.

Русанов все еще надрывно полз, эшранг содрогался в конвульсиях, а хмурые небеса вдруг расплакались моросящим дождем, словно понимали, какая участь ждет небольшое человеческое поселение.

* * *

Покинув здание колониальной администрации (в нем располагался медицинский пункт), трое ребят, горячо обсуждая последние события, направились вверх по центральной улице поселка.

Настроение было радостным. Им казалось, что хмурый неприветливый мир просветлел, еще бы, ведь его озарила надежда!

Они строили планы, говорили наперебой, не могли унять радости, как вдруг…

– Эшранг! – Пашка остановился, указал на дорогу, ведущую к городу со стороны срединного плато.

– Точно, – Егор поморщился. – Явился. Ну, Андрей Игоревич ему задаст, поставит на место, не сомневайтесь!

– Да кто бы спорил! – горячо подержал его Родька. – Вот только хонди многовато!

– Тут что-то не так! – Егор уже сосчитал чужих. Обычно Ошр обходился парочкой телохранителей, а тут восемь, и все экипированы, вооружены, словно собрались в глубокий рейд на территорию мутантов!

– Вот и я думаю: может, он узнал о Русанове? – предположил Пашка.

– Вряд ли. Скорее заметил старт флайбота! – ответил Родька.

– Верно! Он такого шанса не упустит! Явился, чтобы забрать машину!

– А мы отдадим? – в голосе Егора прорвалась злая решимость. – Я лично…

– Ты лично уже ничего не решаешь! – резко напомнил Пашка.

– Ну да, а Русанов, по-твоему, отдаст? С какой радости он станет Ошру подарки делать?!

– Эшранг – тварь хитрая и злобная. Если что задумал – не отступится! – неприязненно произнес Родька.

– Вот что я думаю, – Егор взглянул на друзей. – Русанов машину не отдаст, это понятно, но и оружия у него нет! Подстраховать бы надо! Мало ли что?

– Точно! – Пашка хлопнул себя ладонью по лбу. – Как сам не догадался?!

– Не важно, кто предложил, – Родька мрачно кивнул.

* * *

Интуиция не подвела ребят.

Наблюдатели из числа хонди доложили эшрангу о появлении у хомо летающей машины, и тот сразу же решил для себя – отберу, но немедленно действовать не стал, дождался известия о возвращении флайбота.

Теперь он знал, что машина в городе.

– На позиции! – Егор пристроился у чердачного окна двухэтажного здания школы, откуда просматривалась центральная улица. – Вижу эшранга и хонди. Идут к администрации!

– Я на месте! – Пашка занял позицию в ремонтных мастерских. Оттуда простреливались окраинные улицы и дорога, ведущая к нижнему плато.

Последним на связь вышел Родька. Он расположился на верхней площадке радиовышки. Место открытое, но и сектор обстрела – весь город.

– Приготовились! Ждем! Вижу Степа и Андрея Игоревича! Они вышли из медицинского модуля, идут в направлении мастерских.

– Эшранг что-то сказал хонди! Они заметили Русанова!

– Связаться с ними?

– Нет! – отрезал Егор. – Наблюдаем!

– Послушать бы, что Андрей Игоревич скажет Ошру! – Пашка вскинул оружие, приник к прицелу. – Хоть по губам, может, что прочту!

Никто из ребят не сомневался – власти эшрангов пришел конец. Они больше не будут навязывать свои условия. «Все, – зло думал Егор, наблюдая за происходящим, – закончилось ваше время. Теперь мы сами себе хозяева!»

Эшранг, похоже, так не думал. Он вообще проигнорировал Русанова, обратился к Степу, и тут…

Когда Андрей Игоревич вдруг бросился на Ошра и принялся его душить, у ребят все обмерло внутри.

Хонди отреагировали мгновенно, Русанов упал, по андроиду полоснуло несколько лазерных разрядов, все произошло так стремительно, что возглас Егора: «Валим их всех!» – запоздал, автоматные очереди ударили по хондийским бойцам, когда и Русанов и Степ уже не двигались…

Ожесточенный огонь с трех направлений заставил хонди искать укрытия.

– Твари! Твари! Твари!.. – неистово орал Пашка. Чувства менялись стремительно, еще каких-то полчаса назад жизнь казалась обновленной, радостной, а теперь вновь глухое отчаянье захлестнуло, словно удавкой.

– Русанов жив! – раздался в коммуникаторе возглас Родьки. – Он ползет!

– Ошра не трогать! – отрывисто предупредил Егор.

На канале связи внезапно раздались короткие условные фразы, несущие определенный смысл.

– Степ! Он дает целеуказания! Хонди прячутся в домах!

– Отсюда нам их не достать!

– Родька, оставайся на месте! – Егор уже спускался по лестнице. – Смотри, чтобы никто не ушел, если побегут! Пашка, встречаемся на перекрестке у школы!

– Понял!

* * *

Егор в отличие от Степа иначе воспринимал ситуацию, не испытывал сомнений, ощущал лишь злость.

Прижимаясь к углу дома, он дал очередь по зданию, где сканеры андроида фиксировали одного из хондийских бойцов.

Попал!

Прошитая пулями пластиковая дверь внезапно открылась под напором оседающего тела, труп чужого упал на крыльцо, пачкая ступеньки кровью.

«Сообщил ли эшранг кому-то о летающей машине, появившейся у людей?

Нет. Однозначно, нет. «Птицы» враждуют между собой. Ошр сам по себе. Он даже не сказал никому, что пойдет сюда в город. Это его тайна, его преимущество!

Никто не узнает, где он сгинул. Главное, не выпустить из города ни одного хонди!

Пусть ледники прочесывают. А мы язык за зубами придержим», – зло думал он.

– Пашка, прикрой!

Он добежал до Русанова, присел, перевернул бессознательное тело.

Ничего страшного! Ранение в руку! Выживет!

Над головой ударила короткая автоматная очередь, раздался звон стекла, сиплый вскрик. Еще один готов!

Со стороны радиовышки отдаленно хлопнул одиночный выстрел, хонди, пытавшийся сменить позицию, рухнул в пыль.

Сколько их осталось? Трое?

Егор взглянул на эшранга. Вроде шевелится. «Ну, мы с тобой теперь потолкуем!» – он принял четкое целеуказание от Степа, выхватил гранату, прижался к стене дома, резким движением швырнул ее в окно.

Взрывом вынесло дверь, вышибло рамы. Две отметки целей тут же погасли, последний из телохранителей Ошра попытался спастись бегством, но Родька не дремал – снова хлопнул одиночный выстрел, раздался вскрик.

Никто не ушел!

– Все! – Егора лихорадило. – Чисто сработали! Пашка, бегом к полям, всех назад в город!

– Понял!

– Родька, подтягивайся сюда! Степа, осмотри! – Егор сначала связал эшрангу лапы, чтобы тот не смог бежать, и лишь затем вновь склонился над Русановым. – Потерпите, Андрей Игоревич!

Тот очнулся, застонал.

«Точно – ничего страшного!» – радостно подумал Егор.

Глава 9

Станция Н-болг…

Чей-то неприятный визгливый голос звучал так громко, что без труда проник в сознание.

– Ты меня предала!

Мягкие шаги по полу. Сопение. И вдруг – спокойный ответ:

– Морфам неведомо сострадание, да? Очень жаль. Ты не понимаешь человеческих чувств!

– Зачем тебе этот хомо? Ответь. Я действительно ничего не понимаю. Ты словно сошла с ума!

– Он мне дорог… – ответ прозвучал тихо, подавленно. – Помоги, раз пришел!

– И не подумаю!

Вновь раздалось сопение.

Глеб с трудом приоткрыл глаза. В поле зрения попал высокий сводчатый потолок незнакомого помещения. Странный запах. Тусклый свет.

Сил едва хватило, чтобы взглянуть вокруг.

Он лежал на возвышении. Неподалеку, в кресле у стены, сидела девушка. Ее черты показались Глебу знакомыми, образ Татьяны медленно всплыл из глубин памяти и вдруг вспыхнул ярко, больно…

Танюша?!

Как могла она оказаться тут?!

Острое травматическое воспоминание внезапно стерло образ его первой любви.

Он услышал лязг сминаемого металла. Заново ощутил сокрушительный удар столкновения, увидел ослепительный, рванувшийся навстречу свет, хлынувший из пробоины в корпусе станции.

Несколько реальностей как будто наслаивались одна на другую.

В поле зрения появилась нечеткая, сгорбленная фигура человекоподобного существа.

– Мишель, ты должна все исправить!

– Нет! – холодно ответила девушка. Она сохраняла кажущуюся невозмутимость, а сама едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться.

Странное существо, похожее на сгорбленного старика, повернулось. Одежды на нем не было, волны искажений змеились по телу.

– Он не выживет! Стасис законсервировал его, локально остановил время, но не излечил от ран, – морф заметил некоторые медицинские устройства, неприязненно усмехнулся. – Вижу, ты боролась. Перелила ему свою кровь? Не поможет.

«Происходящее нереально, – отрешенно подумал Глеб. – Мой корабль столкнулся со станцией. Плоть и металл сейчас смешаны воедино, но прихоть судьбы подарила мне последний проблеск сознания».

Умирающий рассудок соткал два образа: один теплый, все еще родной, близкий, но оставшийся в прошлом, затерявшийся в пространстве и времени, а второй – отвратительный, отталкивающий, *чужой*.

– Ну зачем тебе этот хомо?! – зло спросил морф.

– Он мне дорог. Ты не поймешь. Прошу, помоги! – Мишель все же не выдержала, ее подбородок дрогнул, на глаза навернулись слезы.

– И не подумаю! – визгливо повторил морф. – Ты вообще понимаешь, что наделала?! – он негодовал. – Отняла энергию! Изолировала целые сектора! Ты попросту меня уничтожила! Я теперь – ничто! Ц'осты объединились! Они хотят твоей смерти!

– Вы и были ничтожествами! – резко ответила Мишель. – Кто вообще дал вам право играть в богов?! Решать, кому жить, а кому умирать?!

– Речь о хомо? Они нарушили договор! – прошипел морф.

– Покажи мне его!

– Он устный!

– Или придуманный ц'остами?! Мутанты тоже дышат воздухом, едят, бродят по палубам Н-болга! Разве не вы наплодили их?!

– Взаимные обвинения сейчас не имеют смысла! – насупился морф.

– Значит, не поможешь? Зачем же тогда пришел?!

– Передать тебе требование всех ц'остов! Если не исправишь ситуацию – пожалеешь! Я отключу аварийные источники энергии,

питающие Н-болг, и тогда защита обитаемых палуб отключится! Ты поняла?!

Мишель упрямо поджала губы.

– Не посмеешь!

– Посмею!! Станция принадлежит нам! Несколько суток в холоде, на автономных запасах воздуха, ц'осты продержатся. Мы живучие. А вот хомо погибнут! Все!

– Если умрет хоть один человек – пожалеешь! – девушка яростно взглянула на морфа.

– Ты слышала наше требование! – сгорбленное существо развернулось, направилось к дверям отсека, на ходу теряя очертания человеческой фигуры. – Верни энергию, и мы подумаем, как помочь этому хомо, – прежде чем выйти, добавил морф.

Глеб равнодушно проводил его взглядом.

Он не верил в происходящее. Сознание меркло.

Звук шаркающих шагов истончился, с гулкой вибрацией закрылась дверь.

* * *

Когда он вновь пришел в себя, видение не исчезло.

Девушка задремала в кресле.

Ощущения граничили с помешательством. Черты Татьяны... Но не ее характер... – обрывки случайно услышанного разговора невольно дополняли образ.

Сил вновь хватило лишь на движение зрачков. Он медленно обвел взглядом помещение. Отсек. Но очень большой, просторный, с высоким потолком. Везде – следы декомпрессии. Со стен в некоторых местах сорвана облицовка, провисшие кабели и погнутые трубопроводы вырваны из креплений. В дальней стене зияет пробоина, ее перекрывает тусклое, едва заметное мерцание, через которое видны звезды и узкий серп планеты.

У стены массивным изваянием замер поврежденный бронескафандр, забрызганный бурыми пятнами засохшей крови.

Ощущения непомерной слабости и полной дезориентации таяли. Силы возвращались стремительно, необъяснимо.

Взгляд вернулся к девушке. Она уже не казалась призраком из прошлого, скорее – тем идеалом женщины, который Глеб хранил в душе, но так и не встретил в жизни.

Сердце билось все быстрее. Грудь тяжело вздымалась, дыхание участилось.

Она как будто почувствовала перемену в его состоянии, вздрогнула, стряхивая дрему.

– Глеб?! – вскрикнула Мишель.

Его лихорадило. Внезапный прилив сил сопровождался нездоровыми, болезненными ощущениями. Тело горело, мышцы непроизвольно сокращались, до судорог, но сознание оставалось ясным, восприятие – отчетливым.

– Глеб!.. – Она не знала, как помочь ему. – Глеб, не умирай! Прошу!

На фоне боли внезапно возникли острые, ранящие, обрывочные образы, словно он на краткий миг соприкоснулся с ее рассудком, – схожие ощущения он испытывал лишь при первом контакте с алгитами.

Вихрь эмоций на миг затопил сознание.

Он увидел почерневшие деревья, огромные, медленно кружащие хлопья снега, изгибающиеся балки какого-то каркаса, тусклое мерцание защитных полей, удерживающих воздух, а выше – звезды.

Он на миг ощутил себя ею, маленькой девочкой, зачарованно заглянул в глаза Бездне, не страшась ее.

– Мишель? – губы шевельнулись, выдохнули ее имя.

– Ты… Ты узнал меня?!..

По ее щекам катились слезы.

Острая огненная спираль возникла на фоне тьмы, боль разорвала мысли, и вдруг – все схлынуло, его тело обмякло, сознание вновь померкло.

* * *

Станция Н-болг. Сутки спустя

Глеб открыл глаза.

Мишель спала, прижавшись к нему. Ее лицо было усталым, измученным. За тонким мерцанием энергетической защиты вызывающе сияли звезды.

Тот же отсек. Его взгляд опять обежал обстановку, задержался на бронескафандре. Поврежденная экипировка выглядела вполне реально, правдоподобно.

Дыхание девушки обжигало щеку.

Есть ли предел адаптивности восприятия, устойчивости человеческой психики?

Глеб не шевелился, глядя в знакомые до боли черты. Здравый смысл подсказывал: таких чудес не бывает, первую любовь, утраченную навсегда, затерянную в пространстве и времени, не встретишь вновь. Да и дважды невероятным образом избежать верной смерти – уже перебор…

«Но я жив, дышу, чувствую, мыслю – с этим ведь тоже не поспоришь…»

Он осторожно пошевелился, собрался с силами, встал.

Пол был холодным, воздух – затхлым, все остальное – в норме. Ни боли, ни слабости, ни галлюцинаций.

«Хотя насчет последнего я, кажется, поспешил… – восприятие внезапно изменилось, на фоне ободранных стен отсека проступили тонкие светящиеся линии. – Энерговоды?! – промелькнула интуитивная догадка.

Каким образом я их вижу сквозь стены?!»

Он медленно повернул голову, сосредоточил внимание на защитном поле и тут же четко различил сигнатуры работающих генераторов!

Стоило задержать взгляд на одной из энергоматриц, как в сознании внезапно возникла схема устройства, рядом, обтекая изображение, выстроились ровные строчки непонятных символов!

«Мнемонический интерфейс управления?!» – промелькнула потрясенная мысль.

Символы на миг исказились и вдруг обрели смысл, словно некая неведомая ему система осуществила их автоматический перевод!

Глеб невольно замер. Похоже на мысленное общение с алгитами, но уровнем выше, с более четким, ярко выраженным взаимодействием!

Каждая строка являлась командой, некоторые тут же выделились красным, видимо, их исполнение было невозможно из-за повреждений оборудования.

Шорох за спиной заставил его вздрогнуть, потерять концентрацию внимания: тонкие линии тут же погасли, исчезли схемы, истаяли строки команд…

– Глеб? – Мишель робко коснулась его плеча. Пальцы девушки слегка подрагивали от едва сдерживаемого волнения. – Как ты себя чувствуешь?

Он медленно обернулся.

Рассудок балансировал на грани, сознание рефлекторно отторгало действительность, пытаясь погасить стресс.

«Она – ненастоящая, – метнулась мысль. – Я не мог выжить. Не мог встретить девушку, так похожую на мою первую любовь…»

Он поймал взгляд Мишель, на миг удержал его.

Чувства едва не смяли рассудок.

Ее образ плавился в мыслях, претерпевал мгновенные изменения. Внешнее сходство с Татьяной вдруг отошло на второй план. Глебу казалось – он тонет в ее расширенных от волнения зрачках, видит в них отражение тяжелых, полных тревожной надежды дней, видит себя – бледного, неподвижного, едва подающего признаки жизни…

Снег кружился на фоне звездной бездны.

Глеб остро ощутил, как внезапно и необъяснимо *соприкоснулись* их сознания, но не слова, не мысли, а чувства и образы затопили рассудок, переполнили его, плеснули через край.

Мишель дрожала всем телом.

Тонкая незримая нить внезапно натянулась между ними, словно вибрирующая, готовая лопнуть струна.

Все происходило за гранью понимания, за чертой адаптивности человеческой психики, вне рамок известных технологий, на уровне

подсознательного восприятия эмоций – как вспышка, неподвластная разуму…

Их жизни проносились нескончаемым, обжигающим потоком мысленных образов, смешивались, разбегались цепочками событий и снова неслись навстречу друг другу, в какой-то миг сплетаясь воедино… по воле или злой прихоти Судьбы?

Они не проронили ни звука. Обоим казалось – еще немного, и разумы не выдержат…

Темная громада станции Н-болг. Изменчивые облики морфов. Холодный свет звезд. Ее мечты, ее мысли, тревожные, неосознанные стремления вторглись в рассудок Глеба.

Внезапно вспыхнувшая любовь девушки кружила, будто снежинка, кружила, не ведая, что ее ждет: теплая ладонь, на которой она вмиг растает, или холод разочарования, который уже не отпустит никогда?

Темная громада «Прометея». Отсветы лазерных разрядов на опаленной броне… У Мишель все обмерло внутри… Рваные края пробоины, неуправляемое вращение, неистовый свет, рванувшийся навстречу из недр чужеродной конструкции, последние мгновенья жизни… и снова свет, голос, образ, в который нужно лишь поверить, назло и вопреки всему?

Через несколько секунд незримая, неподвластная пониманию мысленная связь вдруг истончилась, исчезла, словно выключился некий канал обмена данными, оставив им лишь смятение, дрожь…

Они так и не проронили ни слова, потрясенно глядя в глаза друг другу.

* * *

Два морфа шли темным коридором.

За ними двигался отряд хондийских бойцов.

– Хорс не выполнил обещания, – один из ц'остов остановился перед мерцающей преградой защитного поля. – Вся энергия аварийных реакторов по-прежнему идет на защиту поселений хомо!

Второй ответил раздраженным жестом.

– Это недопустимо! Но как мы исправим положение? Перезапуск системы приведет к неизбежной цепи катастроф!

– Она должна сама все исправить!

– Она отказалась! Скрывается! Заброшенные секторы опасны!

– Хорс прошел!

– Но она извлекла урок! Путь теперь блокирован!

– Н-болг сильно разрушен. Все пути невозможно перекрыть. – Ц’ост свернул к шлюзу. – Хондийский корабль ждет. Мы быстро прибудем на место!

– Уничтожим ее?

– Нет. Она нужна живой. Последуем своей природе!

Второй ц’ост замер в нерешительности.

– Закон запрещает!

– Закон армахонтов? Их больше нет.

Шлюз открылся. Оба морфа перешли на борт хондийского корабля, продолжая спор:

– Помнишь Алха?

– Помню. Он погиб. Попытался внедриться в армахонта.

– Его смерть – урок!

– Армахонтов больше нет! Мы идем к хомо! Хорс внедрялся, ассимилировал их гены и выжил!

– А тот, из стасиса? Я его боюсь!

– Он – хомо!

– Не уверен!

– Хорошо, не будем рисковать! Его уничтожим!

Хондийский корабль отделился от станции, медленно начал круговой облет.

На экранах проплывала панорама разрушений.

Двое ц’остов внимательно следили за изображением. Наконец один из них указал на огромную пробоину, не блокированную защитным полем.

– Внедримся здесь! Хонди пройдут вот этим коридором. – Гибкая конечность очертила маршрут.

– А мы?

– Мы будем действовать скрытно. Она не должна нас заметить. – Ц'ост отдал приказ хондийскому пилоту, и корабль начал маневрировать, сближаясь с поврежденным сегментом обшивки станции.

* * *

Сорок девять лет в стасисе. От мыслей тесно в голове.

Глеб честно пытался принять открывшуюся перед ним реальность, но сознание протестовало, – слишком невероятным казалось стечение обстоятельств!

Он украдкой взглянул на Мишель.

Шок постепенно отпускал, но лавина чувств нарастала.

Миг их мысленного соприкосновения перевернул все. Мишель испытывала схожие чувства, боялась их манящего омута, пыталась воспротивиться, но не могла.

А нужно ли?

Они говорили, теряя ощущение времени. Земля. Проект «Прометей». Эрида. Прыжок через гиперпространство. Крах надежд. Человеческие поселения на борту станции Н-болг. Владычество морфов. Их отношение к людям, хонди, эшрангам. Детство и юность Мишель. Ее способности. Кусочки мозаики, фрагменты их жизней дополняли друг друга, складывались, объединяя прошлое и настоящее, связывая некоторые причины и следствия, постепенно формируя реальность, в которой родилась Мишель и очнулся Глеб.

Сумятица мыслей. Так много нужно сказать, но чувства оглушали, рвали нить разговора…

Нет… Так не пойдет, Глеб сделал глоток воды.

– Не понимаю, – он обернулся. – Как я выжил?

– Ты не мог погибнуть! – Мишель украдкой поймала его взгляд, потупилась, затем очертила в воздухе контур экрана, и тот сформировался, словно по волшебству. – Смотри, это система безопасности Н-болга. Она предотвращает столкновения кораблей со

станцией! Все очень просто! Объект попадает в поле измененного времени и консервируется в нем!

Просто? Да у Глеба рассудок не выдерживал! Явления, о которых говорила Мишель, находились за гранью понимания!

Невольно вспомнились данные, полученные при разведке этой звездной системы.

Десятки тысяч уничтоженных космических кораблей. Обломки, частично сохранившие функциональность.

– Ты говоришь, станцию атаковали эшранги и хонди?

– Да. Мне об этом рассказывал Хорс.

– Как же им удалось повредить Н-болг при таких технологиях защиты?

Мишель сосредоточенно взглянула на экран. Спустя мгновенье появились новые данные.

– Стасис-поле действует только на крупные материальные объекты. Оно не способно остановить энергетический разряд.

– Подожди… Почему же система защиты не остановила мой корабль до столкновения?

– Видишь, часть оборудования повреждена, – Мишель выделила участок схемы. – Внешняя защита не сработала. Аварийные генераторы второго слоя отсеков включились с запозданием.

– Морф, который приходил сюда, сказал, что мне не выжить. Ранения были серьезными?

Мишель кивнула. Ей не хотелось вспоминать те полные отчаянья дни. Она радовалась секундам настоящего. Ее сердце начинало биться чаще, стоило лишь взглянуть на Глеба.

– Стасис не лечит, он лишь останавливает время, – она все же ответила на вопрос. – Твои раны начали кровоточить, как только я отключила генераторы. Пока тащила тебя до этого отсека, становилось все хуже. Пришлось делать переливание крови. Ты сильный. Раны начали быстро затягиваться. Морф ошибся.

Глеб присел рядом, коснулся ее волос, вдохнул их запах.

Хотелось забыть обо всем, оттолкнуть вопросы, что не давали покоя, роились в сознании, словно назойливые насекомые.

Она доверчиво прижалась к нему.

– Мишель, ты с рождения могла манипулировать системами Н-болга?

– Нет… – ее переполняли чувства. Каждый миг теперь казался бесценным.

– А как появилась эта способность?

Она лишь пожала плечами.

– Внезапно. Однажды. Сколько мне было лет – не помню. Я тогда еще жила с людьми.

– И морфы сразу забрали тебя к себе?

– Нет. Не тогда. Не сразу… – она ответила неохотно, воспоминания давались тяжело. – Сначала я стала замечать активные цепи питания. Такие тонкие огненные линии на фоне стен. Это казалось забавным, – она улыбнулась.

– А интерфейс мысленных команд?

– Он не работал. Строки выглядели серыми. Символы – непонятными. Потом, когда я осталась одна, – Мишель уже вкратце рассказала Глебу грустную историю своей жизни и сейчас не стала вдаваться в подробности, – мне открылся доступ к некоторым устройствам. К синтезатору пищи, например. Когда я хотела есть и смотрела на него, строки мысленных команд подсвечивались зеленым, становился понятен их смысл. Но я боялась об этом рассказывать. Думала, что взрослые станут меня ругать. А как-то раз не выдержала. Сломался насос на полях. Мне надоело таскать воду ведрами, вот тогда я впервые перераспределила энергию. – Мишель отвернулась, закусила губу, едва сдерживая внезапные слезы. – Хорс явился сразу. Усыпил, уволок к себе. Начал обучать. Потом я стала на него работать, – тихо добавила она.

Глеб обнял ее. Мишель всхлипнула, уткнулась в его плечо, как ребенок, ищущий защиты.

– Морфы странные, – тихо произнесла она. – Знаю их много лет, но так и не поняла, плохие они, хорошие?

– Наверное, они просто чужие?

– Да. Именно – чужие. И от этого теперь становится страшно… – Она смахнула слезы, снова прижалась к Глебу. Не хотелось говорить о ц’остах.

Медленно вращалась станция Н-болг, серп планеты скрылся за срезом пробоины, сквозь вуаль защитного поля внутрь древнего отсека заглядывали звезды.

Тихо пискнул сигнал. На рукаве бронескафандра появились две искорки индикаторов. Система жизнеобеспечения завершила анализ образцов крови.

Глеб хотел понять, что происходит. Неожиданно появившиеся у него способности не были обусловлены ни одной из известных технологий. Но они совпадали со способностями Мишель! Единственное отличие – он получил внезапный и полный доступ к интерфейсу мысленных команд!

Результат исследования загрузился в кибстек, но он успел лишь мельком просмотреть полученные данные.

Внимание Глеба привлек едва слышный звук. Мишель не отреагировала на шорох, донесшийся из системы распределения воздуха, а вот он инстинктивно насторожился – нервы и так на взводе…

Взгляд скользнул по закруглению стены.

Тень. За ней – еще одна!

Морфы?!

Мишель ничего не заметила. Ее душа трепетала, сердце билось глухо, – как хотелось, чтобы этот миг стал вечностью.

Взгляд Полынина неотрывно следил за двумя морфами. Внутри все заледенело, сжалось. Он чувствовал себя пружиной, мгновенно вставшей на боевой взвод.

В запертую дверь отсека что-то царапнуло.

Мишель вздрогнула, горячие обжигающие волны тепла внезапно сменились ознобом.

– Глеб… – Ее губы едва шевельнулись.

– Я слышу… – Он по-прежнему гладил ее волосы. – В отсеке морфы. Двое. Не подавай вида…

Ц’осты медленно двигались вдоль стены в направлении пробоины.

Существа без определенной формы, обладающие почти стопроцентной мимикрией, сливающиеся с любой поверхностью, видимые лишь внимательному взгляду, но уязвимые ли?

Дверь отсека дрогнула, поддалась, ее медленно, но неумолимо сдвигали сильные руки, закованные в природную хитиновую броню.

Морфы остановились. Похоже, они не собирались принимать участия в схватке. Явились, чтобы проконтролировать действия хондийских бойцов?

– Ты нужна им живой, – шепнул Глеб.

– А ты?!

– Не важно.

* * *

Дверь отсека не выдержала, скользнула в сторону.

Коридор станции полнился кошмарными тенями. Троих хонди Мишель рассмотрела отчетливо – именно они взламывали дверь. Один был вооружен трофейным автоматом, двое других – ручными лазерами. За их спинами в сумраке теснились десятки бойцов.

Глеб вдруг резко потянул Мишель на себя. Они скатились на пол, и автоматная очередь прошла выше, наискось прошила отсек.

Сколько мыслей и чувств способна спрессовать в себе одна секунда?

Бесконечно много. Горечь и ярость успели вспыхнуть и выгореть в душе: «Нужно было догадаться, что нас не оставят в покое! Ц'осты не откажутся от неограниченной власти, не потерпят брошенного им вызова!..»

Глебу не справиться с таким количеством хонди! Морфы вообще неуязвимы – Мишель отлично знала об их способности к мгновенной регенерации!

Надо уходить, но как?!

Хонди ворвались в отсек, Глеб встретил первого из них ударом ноги в горло. Отвратительно хрустнул проломленный хитин, трехпалые кисти рук выронили оружие, Глеб подхватил автомат, прошил пространство перед собой длинной очередью. Троих хонди ударило о переборку, еще двоих выбило назад в коридор, электромагнитный затвор прошелестел вхолостую, – закончились патроны в полупустом магазине…

– Мишель, не высовывайся! – Он швырнул автомат в морду твари, уже перепрыгнувшей через трупы сородичей, ушел с линии огня, успел подобрать лазерный излучатель, интуитивно, на ощупь нашел бугорок сенсорной гашетки, резко привстал, выпустил серию разрядов.

В этот миг один из морфов напал на Мишель.

Размытая тень метнулась к девушке и тут же отпрянула – издав болезненный вскрик, морф покатился по полу, хаотично меняя очертания тела, обмяк, не завершив метаморфозы. Он был мертв.

Второй в панике попытался бежать, но защитное поле, закрывавшее пробоину, вдруг изменило конфигурацию, сгусток ослепительного сияния настиг ц'оста, мгновенно заточил его в стасисе.

Хонди замешкались.

Глеб сжал сенсор огня, но вместо серии разрядов раздался сухой, щелкающий звук.

Нет энергии!

Он резко рванулся к телам, перегородившим вход в отсек, но его остановил вскрик:

– Глеб, осторожно!

Раздался грохот. По облицовке стены побежали трещины, массивная аварийная переборка скользнула вниз, наглухо замуровала вход.

Мишель бросилась к Глебу.

– Живой?!

Он молча обнял ее.

В воздухе кружила пыль. Острый неприятный запах заполнял разгромленное помещение.

Она уняла дрожь, украдкой взглянула в сторону морфов. Один мертв, второй застыл в стадии незавершенных метаморфоз – превратился в бесформенную кляксу, запечатанную в сиянии стасис-поля.

– Глеб, надо уходить!

– Куда? – он подобрал автомат, обыскал труп хондийского бойца, нашел запасной магазин, перезарядил оружие.

Мишель указала на систему вентиляции.

– Станция очень старая. Всегда можно отыскать обходной путь.

– Ты сама говорила: от морфов невозможно скрыться. Рано или поздно они доберутся до нас, верно?

Мишель подавленно кивнула.

– Я изолировала обитаемые палубы, – огонек надежды вспыхнул в ее глазах.

– Не выход. Ты уверена, что Хорс раньше был старшим среди ц'остов?

– Да.

– Тогда идем к нему!

– Как?! – Мишель вздрогнула. – Ты его совершенно не знаешь! Он ни за что не станет разговаривать с нами!

– Посмотрим.

Мишель побледнела.

– Глеб, ты действительно ничего не боишься?

– Боюсь, – он был серьезен.

– Чего же?

– Потерять тебя. А теперь уходим. Показывай путь.

* * *

В отсеке, где обитал Хорс, царил полумрак. Система жизнеобеспечения не работала. По переборкам бежали узоры инея.

– Хорс? – негромко позвала Мишель.

– Он тут? – Глеб осмотрел помещение, но морфа не заметил.

– Тут. Он уже старый, мимикрирует плохо. Долго не сможет прятаться.

– Не ускользнет?

– Нет. Я заблокировала все коридоры. Хорс, хватит уже!

Из сумрака материализовалась гротескная человекоподобная фигура.

«Зачем они принимают похожую на нас форму тела? – невольно спросил себя Глеб, присматриваясь к морфу. – Защитная реакция?..»

– Явилась? – Голос Хорса прозвучал визгливо. – Убьешь меня?

– Мы пришли не для этого, – Глеб привлек его внимание. – Будешь говорить со мной!

– Хомо, вы обречены!

– Не думаю. – Полынин бесцеремонно сел в кресло. – Мишель, дай нам поговорить наедине. Пожалуйста.

– Ладно, – она согласилась неохотно. – Подожду за дверью.

– Узнал меня? – спросил Глеб, как только он и морф остались одни.

Ц’ост окончательно принял человеческий облик, уселся в кресло напротив.

– Хомо, вы обречены! – зло процедил он.

– Не повторяйся. Так узнал или нет?

– Мы не могли встречаться. И нам не о чем говорить.

– Ошибаешься. Ты клонировал Мишель. Где взял исходный генетический материал? На Земле? Думаю, ты побывал в Солнечной системе чуть больше века тому назад. И меня ты прекрасно помнишь!

По телу ц’оста внезапно рванула рефлекторная волна искажений.

Занервничал.

– Вы все, к слову сказать, явились примерно в одно и то же время. Эшранги, умры, хонди, ц’осты. У каждой расы был свой интерес. В чем заключался твой?

Хорс справился с эмоциями, стабилизировал облик.

– Допустим, я помню тебя. Но не вижу смысла говорить. Вы слишком опасны, непредсказуемы.

– С нами сложно, согласен. Но почему бы нам не поискать точки соприкосновения?

– Их нет.

– Ошибаешься.

Хорс разозлился: «Этот хомо вел себя нагло, он слишком много узнал, о многом догадался! Но как он сумел идентифицировать меня?!»

Старый ц’ост не понимал, что сидящий перед ним человек блефует. Опознать морфа невозможно, по крайней мере, по внешним признакам. Яркое воспоминание о странном существе, которое Глеб видел на околоземной орбитальной станции, лишь послужило отправным пунктом его умозаключений. Со слов Мишель он знал: морфы способны манипулировать генами других существ. Они что-то ищут, играя человеческой ДНК. Первые люди появились на станции Н-болг задолго до рокового старта «Прометея». Их вырастили ц’осты. Мистическое

сходство Мишель и Татьяны лишь подтверждало интуитивный вывод, сделанный Глебом.

– Мы ведь идентичны армахонтам, верно? – спросил Глеб, пристально глядя на Хорса. Еще оставался шанс на взаимопонимание, решение конфликта мирным путем. Не для того они пересекли бездну пространства и времени, чтобы оставлять за собой горы трупов.

Морф сгорбился.

– Да, я посещал Землю. Взял образец ДНК – для этого пришлось внедриться в тело твоей самки! Такова наша природа. И не пытайся воззвать к чувству вины. Ничего не добьешься.

– Таня погибла?

– Нет!

– Но она исчезла!

– Потому что не хотела оставаться с тобой! Я всего лишь ассимилировал гены и покинул тело носителя, не причинив ему вреда! Для нас слияние – процесс сложный, болезненный, невыносимый!

– Для чего ты это сделал?

– Мои замыслы тебя не касаются!

– Не зарекайся! – Глеб сконцентрировался, как делал это не раз при мысленном общении с алгитами.

Тьма. Холодный металл. Обесточенные коммуникации. Мысленный взор скользил по системам Н-болга, проникая все глубже, дальше, пока не нашел сгусток холодного мерцания.

Реактор.

Он рисковал, но иного выхода не было. Как поведет себя устройство, расположенное в пронизанных радиацией недрах станции, – неизвестно.

Ва-банк.

Глеб едва удерживал свое сознание на грани, настолько резко, чуждо и болезненно протекал процесс удаленного доступа.

Он мог погибнуть, но не видел иного способа воздействовать на морфа, подавить его морально, стать на ступень выше, получить возможность к нормальному диалогу.

Мысль коснулась ауры. От мнемонического усилия холодный пот выступил на лбу. Неяркое сияние сконцентрировалось, перетекло в темную часть сети, следуя проложенному маршруту.

Теперь – карты на стол!

В отсеке Хорса вспыхнул свет. Под сводом заработало устройство жизнеобеспечения, и теплый воздух всклубился туманным маревом.

Сквозь материал рабочего стола, расположенного справа от морфа, проступили символы и схемы.

Взрыв не произошел.

Сигнатура осталась стабильной.

Пока таяло марево теплого воздуха, Глеб с трудом вернул себе четкость зрения.

Хорс панически мимикрировал. Он отчетливо видел – энергия, поступившая в бортовую сеть, шла из глубин станции, от одного из основных реакторов. На такое способен лишь армахонт!

– Мы можем договориться? – неуверенно спросил он.

– Можем, пока не пострадали люди. Тебе лучше связаться с остальными ц'остами, остановить их, если была спланирована атака.

Хорс выглядел жалко. Он совершенно растерялся.

– Я уже давно не управляю морфами, – признался он. – Пойми, – он смотрел на Глеба с ужасом. – Пойми, я лишь хотел вернуть мир, стабильность! Я думал, что сходство людей и армахонтов даст мне ключ к управлению первичными системами сети Н-болгов! Но все пошло не так! Я собрал единомышленников, мы прибыли в эту систему, поселились на борту станции. Начали эксперименты, но не добились успеха!

– И не могли добиться. Ключ к технике армахонтов состоит из двух частей. Вам никогда не овладеть вторым компонентом!

– Мы не знали о второй составляющей! Думали, что секрет скрыт в комбинации генов! Между нами произошел раскол. После многих неудачных попыток каждый морф стал действовать по своему разумению, по своей методике! Они рекомбинировали исходные образцы в поисках нужного сочетания. Наплодили жутких тварей,

которых пришлось отправить на планету, заморозить в подледных хранилищах.

– Почему их не уничтожили?

– Было жалко. Каждая рекомбинация требовала огромных усилий. Мы хотели сохранить образцы для будущих исследований.

– Сейчас я позову Мишель, – Глеб встал. – Не вздумай даже заикнуться, что создал ее в инкубаторе. Она – человек!

– Что будет с нами?

– Узнаешь.

* * *

Иней на стенах таял.

Мишель вошла, взглянула на схемы, удивленно вскинула бровь, но промолчала.

– Поговорим об армахонтах, – Глеб ни на миг не ослаблял давление на морфа. Он понимал, шанс договориться с ц’остами, избежать дальнейшей эскалации конфликта все еще ничтожно мал. – Я знаю, была война. Кто и почему ее начал?

– Эшранги спланировали восстание. Они не могли смириться с положением «младшей расы». Склонили на свою сторону многочисленных хонди и циритов.

– Цириты? Кем они были?

– Их создали искусственно. Сами армахонты. Они – биологические машины.

– Взбунтовавшиеся против хозяев? Почему?

– Они развивались. Осознавали себя как силу, но не имели возможности продолжить род, населить планеты, создать свою цивилизацию. На этом и сыграли эшранги. Они действовали руками циритов и хонди. Межзвездная сеть была взломана, ключевые Врата Миров, ведущие к другим секторам Обитаемой Галактики, уничтожены. Миры армахонтов, – Хорс указал в сторону планеты, окольцованной поясами обломков, – подверглись внезапным, беспощадным атакам.

Старый порядок пал, наступил хаос. Многие межзвездные маршруты перестали действовать, сеть была разорвана, пострадали все.

– А что эшранги делали вот в этой системе? – Глеб по памяти воспроизвел участок звездной карты, отметил на ней колонию Новой Земли.

– Они прятались, – ответил морф. – Пока цириты и хонди погибали в битвах, эшранги, спланировавшие заговор, отсиживались на неосвоенной планете.

– Зачем они посещали Землю?

– Охотились за технологиями, – Хорс отвечал, не задумываясь. – После взлома сети многие запретные маршруты открылись для навигации. Такие планеты, как Земля, стали попросту бесценными. Чтобы строить новую империю, «птицам» требовались машины, космические корабли, оружие. Свой потенциал развития они давно утратили. Надеялись овладеть техникой армахонтов, но не вышло.

– Прошло больше ста лет. Есть информация, что сейчас происходит на Земле?

– Нет, – ответил Хорс. – Нет ни связи, ни информации, ни возможности покинуть эту систему. Когда-то тут располагалась одна из немногих военных баз сектора. В первые дни восстания ее атаковал флот хонди. Они сломили сопротивление армахонтов, но победа досталась ценой огромных потерь. Океаны планеты выкипели, тысячи сбитых кораблей рухнули на поверхность, затем наступило резкое похолодание, ледники сковали поверхность. Врата Миров еще работали, и мы выбрали этот Н-болг, надеясь, что здесь нас никто не потревожит. Но среди эшрангов наступил раскол, их цивилизация утратила единство, распалась, возникли отдельные группировки, каждая из которых старалась захватить как можно больше действующих межзвездных маршрутов.

– И вы попали под удар?

– Сюда был отправлен экспедиционный флот. Эшранги надеялись, что на планете уцелели верфи армахонтов. Они истребили бы нас, но системы обороны Н-болга еще функционировали, и мы отбили атаку. Погибли многие, Врата Миров этой системы были уничтожены. Мы

находимся в полной изоляции. Теперь, когда льды начали таять, эшранги вышли из стасиса. Они снова попытаются покончить с нами и захватить станцию!

– Этого не будет. Мы восстановим Н-болг. Но ты должен понимать – потребуются совместные усилия!

Мишель слушала диалог Глеба и Хорса, затаив дыхание.

Она до последнего не верила, что на морфа можно воздействовать. Ей казалось, что все завершится плачевно и предсказуемо.

– Сотрудничество, основанное на взаимном уважении и здравом смысле, – вот единственный шанс для всех обитателей станции. Я наглядно продемонстрировал тебе свою силу и свои возможности. – Глеб держался из последних сил. – Мы заново перераспределим энергию, подключим новые источники. Но мне нужно согласие всех ц'остов! Ты способен собрать их вместе и убедить?

– Не всех, но многих, – ответил Хорс.

– Не всех? Почему? – спросила Мишель. Она чувствовала, что Глеб едва держится.

– Вражда между нами застарела. Некоторые морфы покинули этот сегмент Н-болга, решили освоить соседнюю, необитаемую часть станции. С ними потерян контакт.

– Отправь туда хонди. Пусть выяснят, что к чему, пригласят морфов на встречу.

– А разве ты сам не можешь? – Хорс задал провокационный вопрос и выжидающе уставился на Глеба. – Войди в сеть станции, это будет быстрее, эффективнее и нагляднее!

– У меня есть более важное дело, – Глеб выдержал его взгляд. – Сорок девять лет назад на планете было основано поселение людей. Ты занимайся своими сородичами. А мне нужно выяснить судьбу колонии!

Морф поспешно кивнул.

– У тебя есть достаточно аргументов. – Глеб указал на распределительный терминал Хорса, куда он перевел ресурс одного из основных реакторов. – Действуй. И помни, нам нужен мир. Равноправный мир, а не временное перемирие!

– Ты уходишь?

– А разве тут есть терминал для связи с планетой? Хватит проверять меня, Хорс!

– Извини, хомо… привычка…

* * *

Дверь отсека закрылась.

Глеб прислонился к стене, закрыл глаза.

– Больно… – прошептал он. – Сил нет, как больно…

– Ты с ума сошел! – пальцы Мишель коснулись его щеки. – Что ты наобещал Хорсу?! Разве я смогу выполнить хоть часть твоих слов?!

– Мы сможем… Думаешь, мои внезапные способности – это случайность, совпадение?

– Да ты едва жив после их использования!

– Это пройдет. Адаптация. Нужна передышка. Ты знаешь, откуда можно выйти на связь с планетой?

Мишель кивнула.

– Тогда помоги мне… Пойдем. – Глеб с трудом выпрямился. – Нельзя, чтобы Хорс увидел меня в таком состоянии.

– Ты убьешь себя!

– Нет. Все будет нормально.

– Ты даже не знаешь, откуда у тебя появилась способность манипулировать системами Н-болга!

– Знаю, – он коснулся губами ее щеки. – Ты подарила.

– Как?!

– В твоей крови неизвестные наномашинные комплексы. В моей – точно такие же. Результат переливания.

Она онемела.

– Глеб… не используй их! Не смей!

– Почему?

– Это тебя убьет! Я… Я адаптировалась к ним всю жизнь! Иногда казалось – сойду с ума, останусь там, за гранью! А ты… У тебя они всего несколько дней!

– Справлюсь, – упрямо повторил Глеб. – Здесь все за гранью. У нас нет времени на адаптацию.

– Глеб, ты безумен!

– Не больше, чем ты.

– Это как?! – Мишель остановилась, заглянула ему в глаза.

– О чем ты думала, когда отключала стасис, когда перераспределяла энергию, защищая населенные палубы от мести морфов? Считала себя безумной?

– Нет... – она опустила взгляд и вдруг спросила: – Глеб, получается, что мы – армахонты?

– Не знаю, – честно ответил он. – Пока не знаю.

* * *

Тихо, неторопливо, невесомо падал снег. Крупные хлопья снежинок кружили в воздухе, ложились на голые ветви деревьев, превращая мрачноватое пространство заброшенной оранжереи в волшебный искрящийся сад.

– Там, наверху, расположен резервный командный отсек. Помнишь, я говорила тебе?

– Оттуда ты наблюдала за планетой?

– Ага, – она первой шагнула на покрытые инеем ступени. – Давно уже тут не была. Давай руку.

Они поднимались все выше, снегопад прекратился, остался внизу, за тонкой преградой защитных полей простиралась бездна космического пространства.

Заиндевелые мостики с низкими перилами вели к сгусткам холодного сияния.

– Стасис?

– Нет, – Мишель старалась не смотреть вниз, сейчас девушку удивляло, как бесстрашны и безрассудны были ее детские приключения. – Какая-то разновидность защитного поля. В других частях станции не встречала ничего подобного. Глеб, – она остановилась

на небольшой площадке, – ты действительно веришь, что с морфами возможен мир?

– Конечно, возможен. Хотя нам придется нелегко. Они чужие, как ни взгляни.

Мишель потянула его за собой, навстречу холодному изумрудному свету.

Граница защитного поля встретила их упругим сопротивлением, и вдруг обстановка резко изменилась: теперь они стояли на пороге полусферического зала.

– Скорее информаторий или обзорная площадка, – Глеб осмотрелся. Ему не хотелось изучать окружающее оборудование через мысленное усилие. – Покажешь, как работает система связи?

– Просто садись в кресло.

* * *

Два зонда отделились от станции, совершили серию маневров, вышли на орбиту.

Шар планеты медленно приближался.

– Вот тут! – Глеб узнал знакомые очертания трех горных плато, укрытых вуалью защитного поля.

Зонды нырнули вниз, пронзили облака, замедлили полет.

– Видишь арку из габаритных огней? Нужно, чтобы зонды прошли через нее.

Мишель без усилий направила крохотные аппараты по наикратчайшей траектории.

Ей тоже не терпелось узнать, что же там, под пепельно-серым куполом защиты.

…

На срединном плато, неподалеку от продолговатых выемок, оставшихся на месте Курганов Спящих, собралось все население колонии.

Из двух тысяч человек только половина выдержала затянувшийся сверх меры криогенный сон.

Они стояли в плотном строю, исхудавшие, бледные, взволнованные.

Среди молчаливых шеренг выделялись трое молодых бойцов. Егор, Родион и Павел стояли особняком, охраняя пленного эшранга, четверых хонди и двух мутантов, крепко связанных, прикованных к выступу скалы.

Андрей Русанов говорил негромко, но в тишине, окутавшей плато, каждое слово звучало отчетливо, веско:

– ...мир между нами невозможен! Сорок девять лет колония выживала в окружении чужих. Вы – костяк корпорации. Вы покинули Землю, построили «Прометей», преодолели пространство и время ради мечты о новой родине! Оценив обстановку на планете, я сохранил ваши жизни в состоянии криогенного сна, не всех, – он склонил голову, – но многих! Они же, – последовал жест в сторону пленных, – они решили, что могут помыкать нами, истреблять, превращать детей в сирот, лишить спящих даже проблеска надежды на пробуждение!

Сегодня я объявляю о возрождении корпорации! – голос Русанова окреп. – Никогда и ни при каких обстоятельствах ни одна из инопланетных тварей не ступит ногой на нашу землю! Здесь сохранился очаг человеческой цивилизации, которая, возможно, уже погибла на Земле!

Я не обещаю, что будет легко, – его слова теперь звучали глухо, проникновенно. – Льды тают, и вскоре начнется борьба за жизненные пространства. Наша первая цель – воссоздать планетарную технику, превратить наш город в крепость. Вы лучшие и уже не раз доказали это! Пандора по праву принадлежит людям, мы пришли сюда как исследователи, колонисты, а не как это зверье, воюющее со стариками и пожирающее детей!

...

У Глеба потемнело в глазах.

– Кто это? – вопрос Мишель едва достиг сознания.

– Андрей Русанов. Человек, которому я когда-то верил.

...

– Мы отыщем и восстановим «Прометей». – Голос Русанова эхом отразился от скал. – Отсюда начнется наш новый путь к звездам! Мы выстоим! Мы будем беспощадны к любому, кто посмеет вмешаться в наши планы, посягнуть на жизнь хотя бы одного человека!

Ему ответил нестройный, но одобрительный гул множества голосов.

Лишь старый андроид, стоявший в стороне от людей, явно не одобрял программную речь нового руководителя колонии.

С тоской он смотрел на троих мальчишек, которые ловили каждое слово Русанова.

* * *

Зонд следовал за процессией.

Русанов дождался, пока пленных разведут по клеткам, жестом отпустил охрану.

Эшранг злобно взглянул на него сквозь толстые прутья решетки.

– Доволен собой? «Смерть чужим»? Считаешь, они поверили? Станут работать на тебя, возродят корпорацию?

– Они верят мне, – ответил Русанов. – Ты упустил свой шанс, Ошр. Зря не согласился, когда я предлагал тебе мягкие условия сделки.

– Они не пойдут за тобой! Это дикие непредсказуемые хомо!

– Пойдут! Они же не слепы! Видят, кто и что их окружает! Ты совершенно не знаешь людей и зря презираешь, недооцениваешь их.

– Можно подумать, ты их знаешь!

– Изучил. Даже вжился.

– А морфы на станции?

Русанов пожал плечами.

– Ты же сам сказал: «Смерть чужим». Мне надоели эти дутые принципы гуманизма. Они ушли в прошлое вместе с армахонтами. Вселенной может управлять только сильный. Остальные разделят твою участь, тварь! – Рука Русанова внезапно удлинилась, превратилась в гибкое щупальце, захлестнула горло эшранга, сдавила его.

…

– Глеб, это не человек! Он морф! – вскрикнула Мишель.

Эпилог

Станция Н-болг

Запись событий, снятая зондом, потрясла ц’остов.

Они, стараясь перекричать друг друга, тут же нашли виновного:

– Это был Найг!

– Он ушел в другой сектор Н-болга!

– Туда врезался обломок корабля хомо!

– Он хочет всех уничтожить! Всех!

– Оттуда хонди привели пленника!

– Нужно допросить его!

– Выслушаем хомо!

– Пусть говорит армахонт!

– Да, пусть скажет, как он восстановит Н-болг?!

Глеб и Мишель стояли в стороне. Выкрики ц’остов лишь раздражали.

К ним подошел Хорс.

– Я собрал всех. Ты будешь говорить? – Морф вопросительно взглянул на Глеба.

– Пусть сначала успокоятся.

– Они могут орать и спорить долго.

– Пусть. Кто этот морф? Как он завладел телом Русанова?

– Не завладел. Он имитирует его. Думаю, младшие ц’осты правы – на записи Найг. Он всегда отличался жестокостью, его исследования часто переходили черту, он предрек падение армахонтов, – говорил, что те слишком гуманны, и особо ненавидел эшрангов.

– О каком человеке они кричат?

– В секторе Н-болга, куда полвека назад ушел Найг, хонди нашли пленника.

– Где он?

– Тут. Очень старый. Слабый. Почти ничего не соображает.

– Я хочу его увидеть!

– Пошли, – Хорс указал на дверь, ведущую в смежный отсек.

* * *

Седой как лунь старик сидел в кресле.

Его руки дрожали, спина горбилась, взгляд водянистых глаз казался пустым, лишенным жизни.

Заслышав шаги, он приподнял голову, инстинктивно сжался, словно ждал удара, затем в его глазах вдруг проступило тоскливое, но осмысленное выражение.

Трясущейся рукой он оперся о подлокотник, тяжело встал.

Глеб невольно остановился. Его лицо вдруг приобрело землистый оттенок.

– Ты?!

В глазах старика блеснули слезы.

– Андрей?!

– Прости, Глеб… – его голос прозвучал глухо, надломленно. – Я видел запись… Эта тварь столько раз входила в меня… Он – это я.

– Ты человек! Он морф!

– Какая разница? – голова Русанова тряслась. – Мой спасательный модуль врезался в станцию. За полвека морф досконально изучил меня. Он теперь мыслит, как человек. Мыслит, как мыслил бы я… Понимаешь?! Глеб?!.. Не важно, кто ты: человек, морф, хонди, звенг или армахонт… – Русанов говорил быстро, словно боялся, что не успеет сказать главного. – Запомни, Глеб: «чужих» нет. Есть разумные существа, а есть откровенные твари. Поверь, теперь я знаю это точно… Останови его… Не дай превратить наших детей в тварей…

Русанов вдруг захрипел, начал оседать, теряя сознание.

Мишель и Хорс успели поддержать его, усадили в кресло.

Глеб стоял, будто окаменев, и лишь его побелевшие губы шепнули:

– Обещаю.

Примечания

1

Пояс Койпера (иногда называемый поясом Эджворта – Койпера) – область Солнечной системы от орбиты Нептуна (30 а. е. от Солнца) до расстояния около 55 а. е. от Солнца. Плутон, ранее считавшийся планетой, в современном представлении является карликовой планетой и принадлежит к поясу Койпера.

Вернуться

2

События романа «Смертельный контакт».

Вернуться

3

Корпы – сленговое обобщенное название сотрудников крупных корпораций.

Вернуться

4

DST (distant space transportations) – дальние космические перевозки.

Вернуться

5

Облако Оорта – сферическая область, окружающая Солнечную систему. Предположительно служит источником комет с длительным периодом обращения вокруг Солнца, является частью древнего

протопланетного диска, который сформировался около 4,5 миллиарда лет назад.

Вернуться

6

ОРК – орудийно-ракетный комплекс.

Вернуться